человек загадка

Олег
БОЛДЫРЕВ

ВЕСТНИЦА
ШАМБАЛЫ

БЛАВАТСКАЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Елена Петровна Блаватская (1831–1891) прожила большую, трудную и чрезвычайно яркую жизнь. Провела в странствиях и поисках тайного знания Древней Мудрости — теософии — почти двадцать лет, и при этом несколько раз совершив кругосветные путешествия. После трех лет ученичества в Гималайском Ашраме Шамбалы Е.П. Блаватская посвятила многие годы распространению в США, Индии и Европе Учения теософии. В 1875 г. она основала Теософское общество, которое и в наши дни распространяет идеи всеобщего братства, поощряет изучение религий, философии и науки, а также необъяснимых законов природы и скрытых сил человека. Е.П. Блаватская — автор двух фундаментальных трудов «Разоблаченная Изида» и «Тайная Доктрина», переведенных на многие европейские языки. Как для современников, так и для потомков Е.П. Блаватская осталась женщиной-загадкой, непостижимым образом сочетавшей яростный темперамент воина, экстраординарные психические дарования, пламенную любовь к Родине, исключительный писательский талант, бескорыстное подвижничество и беззаветную преданность пославшим ее с высокой миссией в Западный мир Учителям Шамбалы. Знак информационной продукции 16+

- Родословная
- Детство
- Раскрытие необыкновенных способностей
- В Тифлисе. Замужество
- Отъезд за границу. Путешествия
- Встреча с Учителем
- Годы странствий
- У родственников в России
- Снова в Европе
- С Учителями в Тибете
- Societe Spirite. Одесса. Париж
- Миссия в Америке
- Сотрудничество с Джерри Брауном
- Доверившись Бетанелли
- Помощь Учителя
- Создание Теософского общества
- "Разоблаченная Изида"
- Гражданка США
- В Индию

- Бомбей. Поездки по Индии
- На Цейлоне
- Знакомство с Альфредом Синнеттом
- Махатмы о феноменах
- Новая теософская столица в Адъяре
- Широкое распространение теософии
- Теософская работа в Европе
- Сотрудники и родственники
- Заговор христианских миссионеров Мадраса
- Обратно в Европу
- Начало работы над "Тайной Доктриной"
- Отчет Общества психических исследований
- Воспоминания графини Вахмейстер
- Романист Всеволод Соловьев
- Вюрцбург, Остенд, Эльберфельд
- Кризис и спасение
- Англия
- Учителя о Е.П. Блаватской
- Чему учит теософия?
- "Несущий Свет"
- "Тайная Доктрина"
- "Голос Безмолвия"
- "Ключ к теософии"
- Уход. Великое наследие
- Библиография

Родословная

Елена Петровна Блаватская родилась в Екатеринославе в ночь на 12 августа (по новому стилю) 1831 года в семье артиллерийского офицера Петра Алексеевича Гана (1802–1873) и известной писательницы Елены Андреевны Ган (1814–1842).

Екатеринослав, южнорусский город на берегах Днепра, с 1926 года называется Днепропетровск. Основан он был князем Потемкиным в 1783 году после успешных военных кампаний русской армии против Турции в землях Новороссии и назван в честь императрицы Екатерины Великой. Город был задуман ею как летняя резиденция, но все же не стал таковой, поскольку царица предпочла ему расположенное недалеко от Санкт-Петербурга Царское Село.

Родословная Елены Петровны весьма интересна, она связана с известными аристократическими династиями России, Германии и Франции.

Петр Алексеевич Ган (нем. фон Ган) вел свое происхождение от германских рыцарей и принадлежал к прибалтийскому (эстлянскому) роду мекленбургских князей Ган фон Роттенштерн-Ган, чьи выходцы эмигрировали в Россию в XVIII веке. Родителями Петра Алексеевича были генерал-лейтенант Алексей Федорович фон Ган (1751–1815), комендант крепости Каменец-Подольска, и княгиня Елизавета Максимовна фон Пребсен. После смерти Алексея Федоровича она вторично вышла замуж, взяв фамилию Васильчикова. Один из ее братьев был министром почт. Среди родственников Петра Алексеевича значилась и известная в Европе писательница, двоюродная бабушка Елены Петровны, графиня Ида Ган-Ган — автор многочисленных беллетристических произведений, одна из первых поднявшая в литературе так называемый «женский вопрос».

Петр Алексеевич, как и отец его, избрал жизнь военного, окончил Пажеский корпус, служил офицером конной артиллерийской батареи и вышел в отставку в чине полковника. Он был образованным, начитанным человеком, очень остроумным и порядочным, но не верил ни в религию, ни в эзотерическое знание, называя их «нянькиными сказками».

По линии матери родословная Елены Петровны восходит к Михаилу, князю черниговскому, основателю рода Долгоруковых и потомку святого князя киевского Владимира. Это один из самых древних русских родов, ведущих свое происхождение от легендарного Рюрика. Его славу составили в веках полководцы, государственные деятели, писатели. О подвиге черниговского

князя во время Батыева нашествия на Русь можно прочитать в Четьях Минеях. Св. Михаил Черниговский был казнен в Орде 20 сентября 1246 года за отказ поклониться хану и басурманским идолам. Бабушка Елены Петровны Елена Павловна Долгорукова хранила у себя ценнейшую реликвию рода — большой серебряный, с позолотой, резьбой и изображениями святых угодников нательный крест, принадлежавший князю Михаилу.

К роду Долгоруковых принадлежал также и Юрий Долгорукий — основатель Москвы. Прадедом Елены Петровны был князь Павел Васильевич Долгоруков (1755–1837), прославленный екатерининский генерал, сподвижник М.И. Кутузова. В роду Долгоруковых были такие именитые люди, как князья Ромодановские, барон П.П. Шафиров, сподвижник Петра I, вице-канцлер и управляющий почтами. В 1787 году Павел Васильевич женился на Генриетте Адольфовне (ум. 1812) из знатного французского рода де Бандре дю Плесси. В браке у них родилось две дочери — Елена (1788–1860) и Анастасия.

В двадцать пять лет Елена Долгорукова вышла замуж за Андрея Михайловича Фадеева (1790–1867), представителя военной династии. Он происходил из многодетной семьи, в которой было восемь сыновей и две дочери. Все его братья избрали военную карьеру, однако его самого в двенадцать лет зачислили на гражданскую службу. Отец Андрея Михайловича был управляющим Огинским каналом в Минской губернии, туда же поступил служить и Андрей Михайлович. В семнадцать лет он был уже в чине титулярного советника. После начала Отечественной войны 1812 года штат управления каналом был переведен в Киев. К этому времени относится его знакомство с княжной Еленой Павловной Долгорукой, умной, широко одаренной девушкой.

А.М. Фадеев, дед Е.П. Блаватской с материнской стороны

Ее родители долго не давали согласия на брак, но Андрей Михайлович и Елена Павловна настояли на своем и повенчались в 1813 году. В следующем году у них родилась дочь Елена Андреевна — мать Елены Петровны Блаватской. Вскоре после рождения Елены Андреевны молодая семья переехала в Екатеринослав, где у Фадеевых родились: в 1821 году Екатерина, в 1824 году Ростислав и в 1827 году Надежда.

В 1815 году Фадеевы переехали в собственный особняк в Екатеринославе, поскольку Андрей Михайлович, коллежский советник и кавалер, был назначен членом Попечительского комитета о поселенцах и переведен чиновником для особых поручений в Новороссийскую контору иностранных поселений южного края России. В 1817 году Андрей Михайлович получил повышение и был назначен управляющим этой конторы.

Надо отметить, что женщины в России XIX века, будучи дворянками, как правило, получали образование и воспитание в семьях, для чего приглашались гувернеры и учителя. Образованием ведали также и старшие родственники. Именно так обстояло дело и в семье Долгоруковых. Бабушку Елены Петровны Блаватской Елену Павловну воспитывала и обучала ее мама Елена Ивановна, а также подруга мамы — графиня Дзялынская, женщина большого ума и больших дарований, истинная представительница эпохи Просвещения. Так, у девочек в семье

Долгоруковых закладывался и поощрялся интерес к знанию. Наличие богатых семейных библиотек было в этом деле серьезным подспорьем. Любовь к чтению и самостоятельному познаванию передалась от воспитателей Елены Павловны ее дочери Елене Андреевне, а от нее в свою очередь Елене Петровне Блаватской.

Умной, широко одаренной Елене Павловне Долгоруковой, взявшей в замужестве фамилию мужа, предстояло сыграть важную роль в воспитании как своих детей, так и внуков. Так биограф и друг семьи Е.П. Блаватской Елена Федоровна Писарева, автор, пожалуй, самой правдивой биографии Е.П. Блаватской, писала о ней: «Она оставила по себе память замечательной и глубоко образованной женщины, необыкновенной доброты и совершенно исключительной для того времени учености; она переписывалась со многими учеными, между прочим, с президентом Лондонского географического общества Мурчисоном, с известными ботаниками и минерологами, один из которых (Гомер-де-Гель) назвал в честь ее найденную им ископаемую раковину Venus-Fadeeff. Она владела пятью иностранными языками, прекрасно рисовала и была во всех отношениях выдающейся женщиной. Дочь свою Елену Андреевну, рано умершую мать Елены Петровны, она воспитывала сама и передала ей свою талантливую натуру…»

Е.П. Фадеева, бабушка Е. П. Блаватской с материнской стороны

Впечатляет архив и научные работы Елены Павловны, хранящиеся ныне в Государственной научной библиотеке имени М. Горького в Одессе: 17 томов по ботанике — растения, лично ею собранные, зарисованные с натуры и атрибутированные, 10 томов рисунков бабочек, насекомых, птиц, ящериц, рыб, раковин и прочих, также с названиями, 1 том рисунков окаменелостей, с натуры и копии; всего 28 альбомов большого формата. Еще 29 альбомов поменьше: 3 тома с рисунками птиц и рыб; 4 тома рисунков древних вещей, оружия, доспехов, утвари, ламп, с натуры и копии; 6 томов рисунков древних монет; 2 тома рисунков древних исторических костюмов и головных уборов; 1 том украинских песен, собранных Еленой Павловной в Киевской губернии с 1803 по 1814 год; 2 книги с рисунками беседок, украшений для садов, видов; 8 томов собраний старинных стихов, песен, баллад, шарад и прочего, 2 книги по части домашнего хозяйства. И все — собственноручной работы Елены Павловны.

Участие и доброта Елены Павловны распространялись не только на ее близких, она занималась широкой благотворительностью и спасла от голода несколько бедных семей, основала сиротский приют. После смерти ее и мужа часть богатейших коллекций Елены Павловны, а также знаменитый крест Михаила Черниговского были переданы родственникам, семье Витте, в Санкт-Петербург.

Детство

Биографию Елены Петровны Блаватской можно разделить на три отчетливых периода. Первый — детство и юность: от рождения в 1831-м до замужества в 1849 году, второй — период странствий и обучения — с 1849-го по 1872 год, часть которого (пять лет) Елена Петровна провела в России у родственников, и третий — период литературной и общественной деятельности в Америке, Индии и Европе — с 1872 года до кончины в 1891 году.

Сама Елена Петровна лишь изредка вспоминала свое детство и практически не оставила письменных воспоминаний об этом периоде жизни. Вот то из немногого, что осталось записанным ею о своем детстве.

«Мое детство? В нем баловство и проказы, с одной стороны, наказания и ожесточение, с другой. Бесконечные болезни до семи-восьми лет, хождение во сне по наущению дьявола. Две гувернантки — француженка мадам Пенье и мисс Августа София Джефрис, старая дева из Йоркшира. Несколько нянек, и одна наполовину татарка. Родилась в Екатеринославе в 1831 году. Солдаты отца заботились обо мне. Мать умерла, когда я была ребенком".

"В детстве я познакомилась с ламаизмом тибетских буддистов. Я провела месяцы и годы среди ламаистских калмыков Астрахани и с их первосвященником.

…Я была в Семипалатинске и на Урале вместе со своим дядей, владельцем обширных земель в Сибири у самой границы с Монголией, где находилась резиденция Терахан Ламы. Совершала также путешествия за границу, и к пятнадцати годам я узнала многое о ламах и тибетцах".

Е.А. Ган, мать Е.П. Блаватской

Основным же источником биографических сведений о детском периоде жизни Елены Петровны служат воспоминания ее близких и любимых родственников: Надежды Андреевны Фадеевой, ее тети, и сестры, Веры Петровны Желиховской.

Когда Елена родилась, ее отец, Петр Алексеевич, находился с батареей в Польше и вернулся спустя полгода после ее появления на свет. Это был очень тяжелый, холерный год для всей России, свирепствовала самая смертельная — азиатская — холера, от которой вымирали целые поселения, обезлюдел Екатеринослав. Скончался от холеры даже брат Николая I, великий князь Константин Павлович. Затем эпидемия перекинулась в Европу, также с тяжелыми последствиями.

Спустя год после рождения Елены семья переехала в армейский городок Романьков (ныне на территории Днепродзержинска, Украина). Но там они пробыли недолго, менее года, и далее, в течение нескольких лет, батарея отца часто меняла дислокацию. Соответственно, приходилось перемещаться и семье офицера Гана. Позже они снова оказались в Романькове, где произошло трагическое событие в их семье — смерть двухлетнего брата Елены Саши, которому не смогли из-за весенней распутицы оказать медицинскую помощь. Это было в 1834 году, а следующем году Елена Андреевна в ожидании будущего ребенка приехала с дочерью Еленой в Одессу к отцу. В том году были упразднены конторы иностранных переселенцев, а точнее, преобразованы, и А.М. Фадеев стал членом нового Попечительского комитета Главного управления иностранных

поселений южного края России и направлен в Одессу. Одесса была тогда более дорогим для жизни городом, чем Екатеринослав, и Андрею Михайловичу, для уменьшения расходов, пришлось присмотреть и приобрести в сорока верстах от Одессы небольшое имение — хутор Поляковку — и переехать туда весною 1834 года.

Дочь А.М. Фадеева, Надежда, писала об отце: "Андрей Михайлович Фадеев в течение своего многолетнего служебного поприща несколько раз занимал такие места, на которых мог обогатиться… и оставить своим детям хорошее состояние. Но он никогда ничего не имел, кроме того, что давала ему служба; вел жизнь скромную, строго соразмерял ее с объемом своего содержания…"

В Одессе дружная семья Фадеевых также прожила недолго, чуть более года. В конце 1835 года А.М. Фадеев получил новое назначение в Астрахани и был назначен на должность главного попечителя кочующих народов. В апреле 1835 года на свет появляется сестра Елены Петровны Вера, и Елена Андреевна с дочерьми переезжает к мужу. И снова кочевая жизнь по гарнизонам Малороссии и Центральной России.

Весной 1836 года П.А. Гана с батареей переводят в Санкт-Петербург, и Елена Андреевна с детьми проводит в столице более года, до мая 1837 года.

Санкт-Петербург был тогда культурной столицей страны. Собственно, там и началась ее писательская карьера. Елена Андреевна получила возможность познакомиться со многими знаменитыми людьми своего времени. В письме к сестре Екатерине она описывает свою встречу с А.С. Пушкиным: "Я вдруг наткнулась на человека, который показался мне очень знакомым… И при втором взгляде сердце у меня крепко забилось… Я узнала Пушкина!.. Я воображала его черным брюнетом, а его волоса не темнее моих, длинные, взъерошенные. Маленький ростом, с заросшим лицом, он был бы не красив, если бы не глаза. Глаза блестят как угли и в беспрерывном движении. Я, разумеется, забыла картины, чтоб смотреть на него. И он, кажется, это заметил: несколько раз взглядывая на меня, улыбался… Видно, на лице моем изображались мои восторженные чувства".

В доме Екатерины Сушковой, своей родственницы, Елена Андреевна общалась с Лермонтовым: " Его я знаю лично… Умная голова! Поэт, красноречив".

В одном петербургском салоне она познакомилась с Осипом Сенковским, издателем "Библиотеки для чтения", и отдала в его журнал свою компиляцию из романа Бульвер-Литтона

"Годольфин", ее перевод с английского. Сенковский предложил Елене Андреевне попробовать написать самой, что она и сделала, выбрав себе литературный псевдоним "ЗенеидаР-ва" и прислав в 1837 году в журнал свою первую повесть "Идеал". Затем последовали повести " Утбалла", " Джеллалетдин", " Медальон", " Суд света", "Теофания Аббиаджио", "Напрасный дар", "Воспоминание о Железноводске", "Любонька", новелла "Ложа в одесской опере" — всего 11 произведений. Некоторые из них были опубликованы уже после ее смерти в 1842 году.

И.С. Тургенев отзывался с большим уважением о Е.А. Ган, написав в 1852 году: "В этой женщине были действительно и горячее русское сердце, и опыт жизни женской, и страстность убеждений — и не отказала ей природа в тех "простых и сладких" звуках, в которых отчетливо выражается внутренняя жизнь".

После Петербурга Елена Андреевна с детьми переезжает к отцу в Астрахань. Попечительство Андрея Михайловича Фадеева над сотней тысяч калмыков-буддистов позволило юной Елене впервые соприкоснуться с этой восточной религией. Калмыки пришли в эти степи в начале XVII века из Китая. Фадеевым и Ганам случалось гостить у калмыцкого князя Сербеджаб-Тюменя.

Летом 1837 года Елена Андреевна вместе с дочерьми и другими родственниками совершает поездку из Астрахани на кавказские минеральные воды. Это дало большую пользу ее слабому здоровью и вдохновило на новые литературные труды. Возвратилась она осенью того же года обратно в Астрахань к отцу, но не надолго, и отправилась затем к мужу, возобновив семейную жизнь и скитания по гарнизонам. Дольше обычного задержались в Полтаве, где Елена Андреевна пригласила для Елены на роль воспитательницы Антонию Кюльвейн.

Елена Андреевна сама обучала свою старшую дочь грамоте, а также музыке, к которой у Елены оказались огромные способности. Позже мать пригласила профессиональных учителей.

Начиная с раннего детства, примерно с четырехлетнего возраста, у Елены Петровны начинают проявляться психические силы, столь резко выделявшие ее на окружающем фоне. Надежда Андреевна Фадеева, тетя Елены Петровны, подтверждает необыкновенные, чудесные явления, окружавшие Елену Петровну в детстве, в одном из писем: "Феномены, производимые медиумическими силами моей племянницы Елены, чрезвычайно замечательны, истинные чудеса, но они не единственные. Много раз слышала я и читала в книгах, относящихся к спиритуализму, и священных и светских, поразительные отчеты о явлениях… но то были отдельные случаи. Но столько сил, сосредоточенных в

одной личности, соединение самых необычайных проявлений, идущих из одного и того же источника, как у нее, это, конечно, небывалый случай, возможно, и не имеющий равных себе. Я давно знала, что она владеет величайшими медиумическими силами, но, когда она была с нами, силы эти не достигали такой степени, какой они достигли теперь. Моя племянница Елена — совсем особое существо, и ее нельзя сравнивать ни с кем. Как ребенок, как молодая девушка, как женщина, она всегда была настолько выше окружавшей ее среды, что никогда не могла быть оцененной по достоинству. Она была воспитана как девушка из хорошей семьи, но об учености не было даже и речи. Но необыкновенное богатство ее умственных способностей, тонкость и быстрота ее мысли, изумительная легкость, с которой она понимала, схватывала и усваивала наиболее трудные предметы, необыкновенно развитый ум, соединенный с характером рыцарским, прямым, энергичным и открытым, вот что поднимало ее так высоко над уровнем обыкновенного человеческого общества и не могло не привлекать к ней общего внимания, следовательно, и зависти и вражды всех, кто в своем ничтожестве не выносил блеска и даров этой поистине удивительной натуры".

Н.А. Фадеева, тетя Е.П. Блаватской

Сестра Вера вспоминала о детских годах Елены Петровны: "… была не по годам очень развитым ребенком и уже с раннего детства обращала на себя внимание всех окружающих. Она не признавала никакой дисциплины, не прислушивалась к наставлениям воспитателей, обо всем имела собственное мнение. Она была исключительно оригинальной, самоуверенной и

отчаянной. Когда после смерти нашей матери мы стали жить у ее родственников, наши учителя теряли с Еленой всякое терпение, но, несмотря на ее пренебрежительное отношение к урокам, их поражала необыкновенная одаренность, особенно легкость, с которой она изучала иностранные языки, и ее музыкальные способности. Ей были свойственны все черты характера мальчишки, как хорошие, так и дурные; она любила путешествия и приключения, презирала опасности и была абсолютно равнодушной к указаниям старших".

Лето 1838 года Елена Андреевна с детьми снова проводит на Кавказе, в Пятигорске, вместе с матерью и сестрами, приехавшими туда из Астрахани. В августе к ним присоединяется Андрей Михайлович, а затем до конца месяца все они живут в Кисловодске. Здесь Елена Андреевна познакомилась с некоторыми из бывших декабристов и подружилась с одним из них, Сергеем Ивановичем Кривцовым; кавказские дни на всю жизнь остались для нее светлым воспоминанием.

Однако в 1839 году ее здоровье во время многочисленных переездов с полком мужа снова стало ухудшаться, и она по настоянию врачей едет с детьми в Одессу. Здесь Елена Андреевна осуществляет свою давнюю мечту и нанимает учителя для обучения своих детей английскому языку — Августу Джефферс из Йоркшира. В ноябре старшие Фадеевы переезжают из Астрахани в Саратов, куда Андрей Михайлович назначен губернатором. Вскоре к ним перебирается Елена Андреевна с детьми. Там в июне 1840 года у нее родился сын Леонид. А через месяц Елена Андреевна перенесла очередное воспаление легких и лишь чудом осталась жива, но, тем не менее, болезнь не оставила ее уже до самого конца — до 24 июня 1842 года.

Спустя год после ухода Елены Андреевны из жизни известный критик В.Г. Белинский напишет: "Не являлось еще на Руси женщины столь даровитой, не только чувствующей, но и мыслящей. Русская литература по праву может гордиться ее именем и ее произведениями. Мир праху твоему, благородное сердце, безвременно разорванное силою собственных ощущений! Мир праху твоему, необыкновенная женщина, жертва богатых даров своей возвышенной натуры. Благодарим тебя за краткую жизнь твою: недаром и не втуне цвела она пышным, благоуханным цветом глубоких чувств и высоких мыслей… В этом цвете — твоя душа, и не будет ей смерти, и будет жива она для всякого, кто захочет насладиться ее ароматом…"

Последние годы жизни Елену Андреевну мучила мысль о будущем своей старшей дочери Елены, "одаренной сызмала незаурядными свойствами".

Вспоминая о том времени, Вера Петровна пишет: "Девочка подрастала и развивалась быстро, часто поражая своих близких не только шалостями, но оригинальными выходками, несвойственными другим детям, и речами до того прямодушными, что не было возможности унять ее красноречивой откровенности. Кроме того, она была страшная фантазерка и подвержена припадкам почти сомнамбулизма: она часто вставала и ходила во сне и, не просыпаясь, с широко открытыми глазами, произносила целые речи, рассказывала сказки и пела песни… Бывали с ней в детстве и молодости и такие случаи, которые теперь все объяснили бы ясновидением; но в те бесхитростные времена они относились к сильному развитию воображения и проходили незамеченные…"

Вскоре после кончины Елены Андреевны детей увезли в Саратов. Е.Ф. Писарева так описывала дальнейшую юность Е.П. Блаватской: "В семье своего дедушки А.М. Фадеева рано осиротевшая Елена Петровна провела большую часть детства, сперва в Саратове, где он был губернатором, а позднее в Тифлисе. Судя по тому, что дошло до нас, детство ее было чрезвычайно светлое и радостное. На лето вся семья переезжала на губернаторскую дачу — большой старинный дом, окруженный садом, с таинственными уголками, прудами и глубоким оврагом, за которым темнел спускавшийся к Волге лес. Вся природа жила для пылкой девочки особой таинственной жизнью; часто разговаривала она с птицами, животными и невидимыми товарищами ее игр; она очень оживленно говорила с ними и иногда начинала громко смеяться, забавляясь их, никому кроме нее невидимыми, смешными проделками, а когда наступала зима, необыкновенный кабинет ее ученой бабушки представлял такой интересный мир, который способен был воспламенить и не столь живое воображение. В этом кабинете было много диковинных вещей: стояли чучела разных зверей, виднелись оскаленные головы медведей и тигров, на одной стене пестрели, как яркие цветы, прелестные маленькие колибри, на другой — как живые, сидели совы, соколы и ястребы, а над ними, под самым потолком, распростер крылья огромный орел. Но страшнее всех был белый фламинго, вытягивавший длинную шею совсем как живой. Когда дети приходили в бабушкин кабинет, они садились на набитого черного моржа или на белого тюленя, и в сумерки им казалось, что все эти звери начинали шевелиться, и много страшных и увлекательных историй рассказывала про них маленькая Елена Петровна, особенно про белого фламинго, крылья которого казались обрызганными кровью.

Из всех воспоминаний В.П. Желиховской о детстве Елены

Петровны для нас, живущих в эпоху, когда знание скрытой психической природы человека значительно расширилось, делается ясным, что в детстве Елена Петровна обладала ясновидением; невидимый для обыкновенных людей астральный мир был для нее открыт, и она жила наяву двойной жизнью: общей для всех физической и видимой только для нее одной. Кроме того, она должна была обладать сильно выраженными психометрическими способностями, о которых в те времена на Западе не имели никакого представления. Когда она, сидя на спине белого тюленя и поглаживая его шерсть, рассказывала детям своей семьи о его похождениях, никто не мог подозревать, что этого ее прикосновения было достаточно, чтобы пред астральным зрением девочки развернулся целый свиток картин природы, с которыми некогда была связана жизнь этого тюленя.

Все думали, что она черпает эти увлекательные рассказы из своего воображения, а в действительности перед ней раскрывались страницы из незримой летописи природы. Подтверждение, что она обладала этим редким даром, дает нам сама В.П. Желиховская. По ее словам, вся природа жила для нее своей особой, невидимой для других жизнью. Для нее не только кажущееся нам пустое пространство было наполнено, но и все вещи имели свой особый голос, и все, что нам кажется мертвым, жило для нее и рассказывало ей по-своему про свою жизнь. В подтверждение В.П. Желиховская дает нам в своих воспоминаниях замечательную сцену, которая разыгралась во время детского пикника, когда целая группа приглашенных детей собралась в яркий летний день на песчаной полосе земли, которая, несомненно, была некогда частью морского или озерного дна. Она была вся усеяна остатками раковин и рыбных костей, попадались и камни с отпечатками на них не существующих более рыб и морских растений.

В.П. Желиховская вспоминает маленькую Елену, растянувшуюся на песке; локти ее погружены в песок, голова поддерживается соединенными под подбородком ладонями рук, и вся она горит вдохновением, рассказывая, какой волшебной жизнью живет морское дно, какие лазурные волны с радужным отражением катились по золотому песку, какие там яркие кораллы и сталактитовые пещеры, какие необыкновенные травы и нежно окрашенные анемоны покачивались на дне, и между ними за резвыми рыбками гонялись разные морские чудовища. Дети, не спуская с нее глаз, слушали ее зачарованные, и им казалось, что мягкие лазурные волны ласкают их тело, что и они окружены всеми чудесами морского дна… Она говорила с такой уверенностью, что вот около нее проносятся эти рыбки и эти

чудовища, рисовала пальцем на песке их очертания, и детям казалось, что и они их видят… Однажды, в конце подобного рассказа, произошел страшный переполох. В момент, когда ее слушатели воображали себя в волшебном мире морского царства, она вдруг изменившимся голосом заговорила, что под ними разверзлась земля и голубые волны заливают их… Она вскочила на ноги и на ее детском лице отразилось сперва сильное удивление, а вслед затем и восторг, и вместе безумный ужас, она упала ниц на песок, крича во всю мочь: вот они, голубые волны! Море… Море заливает нас! Мы тонем… Все дети, страшно перепуганные, бросились тоже вниз головой на песок, крича изо всех сил, уверенные, что море поглотило их…

Также Елену привлекал столетний пасечник, живший при имении Бараний Буерак, неподалеку от Саратова. Местные жители считали его колдуном. Знавший очень много об оккультных свойствах трав и цветов, он, по слухам, мог предсказывать будущее. Елену неудержимо влекло к нему, и она старалась навещать странного старика при каждом удобном случае… Приходя к нему, она задавала кучу вопросов, а потом с жадным вниманием слушала, как научиться понимать язык пчел, птиц и зверей… Он нередко говорил: "Эта маленькая барышня совсем не такая, как другие… Ее ждет большое будущее. Жаль, что я не доживу до той поры, когда исполнятся мои предсказания; но исполнятся они непременно!"

Часто рассказывала она о различных посещениях, описывая неведомых нам лиц. Чаще всех перед нею появлялся величественный образ Индуса в белой чалме, всегда один и тот же, и она знала его так же хорошо, как и своих близких, и называла своим Покровителем; она утверждала, что именно он спасал ее в минуты опасности.

Один из таких случаев произошел, когда ей было около 13 лет: лошадь, на которой она каталась верхом, испугалась и понесла; девочка не смогла удержаться и, запутавшись ногой в стремя, повисла на нем; но вместо того, чтобы разбиться, она ясно почувствовала чьи-то руки вокруг себя, которые поддерживали ее до тех пор, пока лошадь не была остановлена.

Другой случай произошел гораздо раньше, когда она была совсем еще крошкой. Ей очень хотелось рассмотреть картину, висевшую высоко на стене и завешанную белой материей. Она просила раскрыть картину, но просьба ее не была уважена. Раз, оставшись в этой комнате одна, она придвинула к стене стол, втащила на него маленький столик, а на столик поставила стул, и ей удалось на все это вскарабкаться; упираясь одной рукой в пыльную стену, другой она уже схватила уголок занавески и

отдернула ее, но в это мгновенье потеряла равновесие, и больше она ничего уже не помнила. Очнувшись, она лежала совершенно невредимая на полу, оба стола и стул стояли на своих местах, занавеска перед картиной была задернута, и единственным доказательством, что все это произошло наяву, был след, оставшийся от ее маленькой ручки на пыльной стене, пониже картины.

Таким образом, детство и юность Елены Петровны протекли при очень счастливых условиях в просвещенной и, по всем признакам, очень дружной семье с гуманными традициями и мягким отношением к людям.

Великое счастье для нее и для всех, кому она принесла так много света, что ее необычайная, одаренная такими сверхнормальными свойствами природа была с такой любящей и мудрой заботой оберегаема во время ее детства. Если бы она попала в суровую и непросвещенную среду, ее утонченная, в высшей степени сенситивная нервная система не выдержала бы грубого обращения, и она бы неминуемо погибла".

Раскрытие необыкновенных способностей

По мере взросления Елены ее психические силы весьма активно развивались, хотя многое из происходящего внутри ее и вокруг ей самой до конца не было понятно. Елена Петровна так описывала два случая проявления ее медиумистических способностей из своего детства: "Вспоминаю одну из своих гувернанток. У нее была привычка прятать фрукты, пока они не сгнивали в ящиках ее письменного стола. Эти ящики были постоянно полны подгнивающими фруктами. Она была уже немолодой и однажды заболела. В то время моя тетя, в доме которой я тогда жила, вычистила все эти ящики и выбросила испорченные фрукты. Эта больная, близкая к смерти женщина вдруг попросила, чтобы ей дали одно из любимых ею "поспевших" яблок. Все прекрасно поняли, что она под этим подразумевала, и моя тетя сама пошла в людскую распорядиться, чтобы дали ей какое-нибудь гнилое яблоко. И вдруг сообщили, что больная скончалась. Тетя моя бросилась бегом наверх, а я и некоторые из служанок побежали за ней. И вот когда мы проходили мимо комнаты, где стоял ее письменный стол, тетя в испуге вскрикнула. Мы поспешили за ней и увидели, что гувернантка моя стоит в комнате и ест яблоки, а потом она исчезла. Когда же мы вбежали в спальню, то на постели увидели умершую и рядом были сиделки, которые ни на минуту ее не оставляли… Так реализовалась последняя мысль умирающей. Это совершенно правдивый рассказ о том, что я видела сама".

"В течение примерно шести лет (в возрасте от восьми до пятнадцати) ко мне каждый вечер приходил какой-то старый дух, чтобы через мою руку письменно передавать различные сообщения. Это происходило в присутствии моего отца, тети и многих наших друзей, жителей Тифлиса и Саратова. Дух этот (женщина) называл себя Теклой Лебендорф и подробно рассказывал о своей жизни. Родилась она в Ревеле, вышла замуж. Рассказывала о своих детях: захватывающую историю старшей дочери З. и о сыне Ф., который покончил с собой. Иногда и сам этот сын приходил и рассказывал о своих посмертных страданиях. Старая дама говорила, что она видит Бога, Деву Марию, толпы ангелов. Двух из ангелов она представила нам всем, и к великой радости моих родных ангелы обещали охранять меня и т. д. и т. д.

Она сама описала свою смерть, дала адрес лютеранского

священника, который дал ей святое причастие.

Рассказывала и о некоем прошении, которое она подала царю Николаю, и я записала текст его слово в слово, своим почерком, моей детской рукой.

Так я писала в течение примерно шести лет, четким, старинным почерком и на немецком языке (язык, которому я никогда не обучалась и на котором я и теперь еле говорю), и на русском. Все это составило бы с десяток томов.

Тогда это еще не называли спиритизмом и считали одержанием. Так как священника нашей семьи интересовал этот феномен, то и он часто приходил на наши вечерние сеансы, окропив, однако, себя предварительно святой водой.

Один из моих дядей поехал в Ревель и выяснил, что там действительно жила когда-то очень богатая женщина, Текла Лебендорф. Из-за распутной жизни своего сына она разорилась, уехала к своим родственникам в Норвегию и там скончалась. Мой дядя узнал также, что сын ее покончил жизнь самоубийством в каком-то небольшом поселке на побережье Норвегии (все точно, как у духа).

Когда мой дядя вернулся в Петербург, он разыскал в министерском архиве упомянутое прошение Лебендорф и сравнил его с записанным мною. Оказалось, что оба они идентичны, включая даже пометку царя, которую я с полной точностью репродуцировала, как искусный гравер или фотограф.

Был ли это дух миссис Лебендорф, водивший моей рукой? Или это был дух ее сына Ф., записавший через меня своим почерком его посмертные страдания?

Казалось бы, что все это было лучшим доказательством того, что человек живет после смерти и что он имеет возможность посещать после смерти землю и общаться с живущими.

Но в действительности это было не так.

Примерно через год после приезда моего дяди в Санкт-Петербург, когда возбужденные умы успокоились, Д., офицер, служивший в полку моего отца, приехал в Тифлис. Он знал меня еще пяти летним ребенком, играл со мной, показывал свои семейные портреты, позволял мне рыться в своем письменном столе, играть с письмами и т. д. Среди многих вещей он часто показывал мне миниатюру старой дамы с белыми локонами, в шляпе и в зеленой шали. Это была его старая тетя, и он дразнил меня, говоря, что однажды и я буду такой же старой и некрасивой.

Не стоит рассказывать всю эту длинную историю, короче говоря, Д. был племянником Л., сыном ее сестры.

Он часто бывал у нас (тогда мне было четырнадцать лет) и

однажды попросил, чтобы нам, детям, разрешили прийти к нему в гости. Мы отправились к нему вместе с гувернанткой. Над его письменным столом я увидела миниатюру его тетки — моего духа! Я совсем забыла, что когда-то в детстве видела ее и узнала в ней того духа, посещавшего меня в течение шести лет и писавшего моей рукой.

"Это, это дух! — воскликнула я, пораженная. — Это миссис Текла Лебендорф". "Конечно, это моя старая тетя, но неужели ты помнишь те старые вещи, с которыми когда-то играла?" — спросил Д., ничего не знавший о моем духе. "Я хочу сказать, что вижу вашу умершую тетю, если это ваша тетя, каждую ночь вот уже несколько лет, она приходит и пишет через меня".

"Умершую?" — усмехнулся он. — "Но она не умерла. Я только что получил от нее письмо из Норвегии". — И он стал подробно рассказывать о ней.

В тот же день мои тетки посвятили Д. в тайну моего медиумизма. Трудно передать изумление Д. и удивление моих почтенных тетушек, неосознанных спириток.

Затем выяснилось не только то, что его тетя не умерла, но и что сын Ф., больной рассудком, только пытался покончить с собой, его рану залечили, и в то время он работал в Берлине в какой-то конторе.

Но кто же был тот, диктовавший, кто давал такие точные сведения, например, о своей смерти, страдании сына после самоубийства и т. д.? Несмотря на полную идентичность, это не были духи достопочтенной миссис Теклы Лебендорф или ее неуравновешенного сына Ф., так как оба они были еще живы.

"Это дьявол", — сказали мои набожные тетки. "Дьявол, конечно", — подтвердил священник.

Один из братьев объяснил мне, что это была моя ментальная деятельность. У меня были врожденные сверхнормальные психические способности, хотя я тогда и не подозревала об этом.

Когда я играла с портретом старой госпожи, с письмами и другими вещами, мой пятый принцип (можно назвать его животная душа, физический ум или еще как-нибудь) читал и видел в них все в астральном свете. Все это запечатлелось в моей дремлющей памяти, хотя я не сознавала этого. После многих лет неожиданный случай, какая-нибудь ассоциация восстанавливали в уме связь с давно забытым, вернее — никогда сознательно не воспринятым. Мало-помалу ментал выследил эти видения в астральном свете, втянулся в личные, индивидуальные ассоциации и эманации госпожи Лебендорф. И так как медиумический импульс был дан, ничто уже не могло его остановить, и ей надо было передать то, что она видела в

астральном свете.

Необходимо вспомнить, что я была слабым и болезненным ребенком и обладала сверхнормальными психическими способностями, которые могли развиться при дальнейшей тренировке, но в том возрасте не использовались, не имея физической свободы между материей и духом. По мере того, как я росла, набирая силу и здоровье, мой ум становился привязанным к моей физической оболочке так же, как и у других людей, и феномены исчезли.

Откуда такая точность, как смерть матери, самоубийство сына, его посмертные страдания, — трудно объяснить.

Но с самого начала все вокруг меня были убеждены, что этот дух принадлежал мертвому человеку. Кто был лютеранский священник, совершивший последний печальный обряд, я так и не узнала, — возможно, я слышала какое-то имя или прочитала о нем в книге, соотнесенное с обрядом похорон.

О самоубийстве, вероятно, было написано в письмах или же оно предстало передо мной в астральном свете, и в моем сознании утвердилась его смерть. Несмотря на ранний возраст, я хорошо знала, каким грехом считалось самоубийство, и мой ментал подсказал его посмертные страдания. Конечно, не обошлось без Бога, Девы Марии и ангелов — таких привычных в нашем благочестивом доме.

Что было выдумкой, а что реальностью, я не осознавала. Пятый принцип трудился как мог, мой шестой принцип, или духовное начало, духовное сознание, еще дремал, а седьмой принцип, можно сказать, у меня в то время вообще не существовал".

Надежда Андреевна Фадеева вспоминала об уникальном характере Елены Петровны в юности: "С раннего детства Елена отличалась от обыкновенных детей. Очень живая, невероятно одаренная, полная юмора и отваги, она удивляла всех своим своеволием и решительностью поведения. Было бы большой ошибкой обходиться с ней как с другими обыкновенными детьми. Ее беспокойный и очень нервный темперамент, ее неразумное тяготение к умершим и в то же время страх перед ними, ее страстная любовь и любопытство в отношении всего неизвестного, скрытого, необыкновенного, фантастического и, более всего, ее стремление к независимости и свободе, которое никто и ничто не могло обуздать, — все это, соединенное с необычайно богатым воображением и исключительной чувствительностью, показывало, что ее воспитателям надо применять к ней особые методы воспитания…

Малейшее противоречие вызывало в ней раздражение,

доходящее часто до конвульсий. Когда же вблизи не было никого, кто мог бы помешать ей, девочка могла часами, а иногда и днями, спокойно сидеть и что-то сама себе, как полагали люди, шептать и одна, в темном углу, рассказывать об удивительных случаях, сверкающих звездах и других мирах. Ее гувернантки называли это глупыми выдумками. Любое поручение, какое ей давалось, она не выполняла, любой запрет она немедленно переступала. Ее няня серьезно верила, что ребенок одержим всеми семью духами зла и непокорности. Ее гувернантки были в своем роде мученицами. Лишь лаской можно было подействовать на ее необузданный характер.

Уже в детстве окружающие только портили ее характер — льстивым отношением слуг и преданной любовью родных, которые все прощали "бедной сиротке". Позже, в юности, ее своенравный характер открыто восстал против всех общественных правил. К мнению окружающих она не проявляла ни малейшего уважения. Как это было в 10 лет, так и тогда, когда ей стало 15. Она ездила верхом в казацком мужском седле! Ни перед кем она не склонялась, ни общепринятые традиции, ни мнения окружающих не могли ее в чем-нибудь сдержать. Она не поддавалась ничему и никому.

Как это было в детстве, ее симпатии были всегда на стороне людей невысокого положения. Ей всегда нравилось играть больше с детьми своих слуг, чем с детьми, равными ей. В детстве за ней постоянно следили, чтобы она не убегала из дому и не дружила с оборванными уличными мальчишками. Так же и в дальнейшем она была совершенно равнодушной к так называемому "дворянству", к которому она по рождению принадлежала".

Описывая последний год их саратовской жизни, Вера отзывается о сестре: "Елена была живая, восприимчивая, удивительно талантливая девочка. Ею многие восхищались, но еще больше ее многие боялись, а другие и не любили, боясь ее смелой искренности, ее всегда непредвиденных остроумных, а подчас и очень злых насмешек. Ей сильно и часто доставалось за ее выходки; но выговоры с нее сходили, по поговорке, — как с гуся вода!.. Задумывая и исполняя какое-нибудь coup de tete (безрассудный поступок), она никогда не боялась последствий и, вообще, о будущем задумываться не любила. Ее остроумные ответы и меткие слова запоминались и повторялись, доставляя ей много триумфов, а прозвища, даваемые ею людям, оставались иногда на них во всю жизнь. Она умела подмечать слабости человеческие и странности, и дурные свойства, но никогда не смеялась над несчастием, над уродством физическим. Она, напротив, обиженным всегда бывала готова помочь, а своих обид

никогда не помнила. Невозможно было быть менее злопамятной, чем она, и прощать искренне всех своих недругов. Эта прекрасная черта всю жизнь ее отличала".

В Тифлисе. Замужество

В 1845 году Андрею Михайловичу пришлось покинуть свой пост в Саратове и уехать в Петербург, чтобы найти новое место. И оно вскоре нашлось, когда генерал-адъютант Михаил Семенович Воронцов, незадолго до того назначенный царским наместником на Кавказе, предложил старому другу семьи должность в департаменте государственных имуществ Главного управления Закавказского края, не так давно присоединенного к России. Так в 1847 году Фадеевы со всей большой родней перебрались в Тифлис. Сначала они заняли особняк Сумбатова, но жить в нем долго не пришлось, поскольку Воронцов попросил освободить его для бежавшего из Персии в Тифлис дяди тогдашнего персидского шаха. И Андрею Михайловичу Фадееву удалось снять великолепный дом-дворец, принадлежавший ранее князю Александру Герсевановичу Чавчавадзе, — размером почти с квартал, с бассейном и розарием, в самом центре города. Елена Петровна прожила в нем более года, а родственники — более пятнадцати лет, до того момента, пока были живы старшие Фадеевы.

Круг связей и знакомств Фадеевых в Тифлисе был чрезвычайно широк. Многие из приезжавших в столицу нового края России считали своим долгом нанести визиты Елене Павловне Фадеевой, женщине пользовавшейся огромным уважением. Также в их семье было принято выезжать на балы, приемы и встречи.

К тому моменту Елена Петровна прочитала большую часть книг по оккультизму, магии, алхимии, средневековой философии, хранившихся в библиотеке её бабушки Елены Павловны, унаследовавшей это обширное собрание от своего отца, князя Павла Андреевича Фадеева. Известны некоторые названия прочитанных ею книг: "Мудрость Соломона", "Изумрудная скрижаль Гермеса Трисмегиста", "Каббала", "Египетская книга мертвых", "Книга Тайн", "Кодекс Назареев", писания Сведенборга, Эккартсгаузена, Парацельса, "Бхагавад-Гита" в русском переводе. Елена Петровна вспоминала: "Я читала их с живейшим интересом, когда мне еще не было пятнадцати… Вскоре ни Парацельс (великий врач, естествоиспытатель — *О.Б.*), ни Кунрат (выдающийся немецкий каббалист, розенкрейцер, химик и врач. — *О.Б.*), ни Корнелий Агриппа (немецкий писатель, алхимик, неоплатоник, автор монументального труда "Оккультная философия", врач. — *О.Б.*) ничему уже не могли научить меня. Все они рассуждали о "брачном союзе красной

Девы с Иерофантом и о бракосочетании астрального минерала с сивиллой, о взаимодействии мужского и женского начал в определенных алхимических и магических операциях"".

Слово "оккультный" происходит от латинского occultus — скрытый, сокровенный, тайный. Оккультизм — буквально "наука о скрытом", о тайнах природы — физических, психических, умственных и духовных; к ней относится Каббала, астрология, алхимия, философия Йоги, магия и ряд других направлений, нацеленных на познание скрытых причин событий и явлений.

Можно с большой долей вероятности предположить, что именно тогда оформился интерес Елены Петровны к скрытому и тайному знанию таинственного Востока, упрочилась невидимая связь с Учителем, ее Покровителем и Спасителем, неоднократно приходившим ей на помощь в критических ситуациях.

Однако в то время эта тема была для нее, что называется, тонкой материей, а вопросы, касающиеся тайного знания, которыми она была переполнена, ей приходилось задавать в том узком кругу знакомых ее семьи, которые также имели хотя бы отчасти сходные интересы. К общению именно с такими людьми она и стремилась. В круг таких людей входили: ненадолго посетивший Тифлис Владимир Сергеевич Голицын, его старший сын Александр, Семен Воронцов, сын князя М.С. Воронцова, Эмилий Витгенштейн и Александр Дондуков-Корсаков, в ту пору адъютант князя М.С. Воронцова, впоследствии киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. Был среди них и Никифор Васильевич Блаватский, хорошо знавший ее дедушку, работая долгое время в Полтаве в канцелярии губернатора. Переехав на Кавказ, Н.В. Блаватский одно время работал в Шемахе, жил некоторое время в Персии, затем был переведен чиновником по особым поручениям при тифлисском губернаторе.

Е.П. Блаватская в молодости

"Когда Елена повзрослела, — вспоминала ее сестра Вера, — особое беспокойство стала вызывать ее неудобная манера говорить людям в лицо то, что она о них думает, в приличном обществе это считается дурным тоном. И в то же время она была так добра и так смела, что готова была все отдать неимущему, все сделать для друга и на все решиться в защиту обиженного, при этом сама она никогда не помнила зла и обид…"

Похожими словами тифлисское время молодой Елены Петровны описывала Е.Ф. Писарева: "Одним из ее качеств, которое притягивало к ней друзей, но в то же время и очень вредило ей, был ее меткий, блестящий юмор, чаще всего доброжелательный, но нередко сильно задевавший мелких честолюбивых людей. Кто знал ее в молодости, с удовольствием вспоминает ее веселую, открытую, чистую, умную, полную юмора речь. Она любила шутить, волновать, поддразнивать людей".

Так или иначе, но в семье Фадеевых возникли напряженные отношения с Еленой. Особенно это касалось ее тети, Екатерины Андреевны Витте, на которую после смерти Елены Андреевны Ган легли основные заботы по воспитанию детей ее покойной сестры. Екатерина Андреевна, разумеется, желала добра своей племяннице. И вместе с тем единственный выход из создавшейся ситуации, когда племянница, как ей казалось, создавала проблемы для большой и уважаемой семьи, представлялся ей в выдаче Елены замуж. И чем быстрее, тем лучше. Приложила свою руку к этому замужеству и княгиня Воронцова, супруга наместника Кавказа. Можно считать, что первые серьезные трудности одинокого жизненного пути Елены Петровны начались именно в пору, непосредственно предшествовавшую замужеству.

Как показала дальнейшая жизнь, ее путь к поставленной цели был очень трудным и долгим. Она с молодых лет стремилась к приобретению знания, знания истинной природы вещей, и готова была принести весь свой ум и свои недюжинные психические силы ради достижения своей цели. Конечно, она не планировала ни в молодости, ни в зрелые годы создавать обычную семью и жить семейными интересами.

К мотивам же, приведшим исключительно независимую в поступках Елену Петровну к браку с Н.В. Блаватским, можно отнести желание наконец-то получить независимость от семьи Фадеевых и Витте. Хотя она до последнего момента противилась, свадьба все же состоялась в селении Джелал-Оглы Эриванского уезда, что в двадцати верстах от горного селения Гергеры, 7 июля 1849 года.

Много позднее, в 1885 году, когда А.П. Синнетт, теософ и биограф Е.П. Блаватской, настойчиво пытался прояснить причины раннего брака Елены Петровны, она так ответила ему: "Если бы вы были в моей шкуре, когда всю зиму семья моя бомбардировала меня письмами, наставляя меня не делать того или иного шага, не нарушать того или иного семейного обычая, не ругать то или иное из их достоинств и т. д. и т. д., то вы бы поняли, насколько эти воспоминания действуют мне на нервы. Дело обстояло так, что если бы я хотя бы одной фразой напомнила о своих многочисленных просьбах не выдавать меня замуж за старого Блаватского (его возраст в год свадьбы 39 лет. — О.Б.), то это вызвало бы протест со стороны моих родных, которые стремились доказать, что не тетя моя и другие родные, но мой отец и я сама виновны в этом смехотворном браке".

В другом письме А.П. Синнету она писала: "Моя тетя, г-жа Витте, клялась, что она проклянет меня в свой смертный час, если разрешу опубликовать свои мемуары, пока мои родственники еще живы".

Был еще один мотив замужества, возможно, решающий для нее в тот момент и в тех обстоятельствах. В одном из писем князю А.М. Дондукову-Корсакову в 1882 году Елена Петровна писала: "Знаете, почему я вышла за старика Блаватского? Да потому что в то время, когда все молодые люди смеялись над "магическими" предрассудками, он в эти предрассудки верил! Он так часто говорил мне о эриваньских (ереванских. — *О.Б.*) колдунах, о тайных науках курдов и персов, что я решила использовать его как ключ к этим знаниям. Но его женой я никогда не была, и я не перестану клясться в этом до самой смерти. Никогда я не была женою Блаватского, хотя и прожила с ним год под одной крышей".

"Женщина — писала она в своем дневнике того периода, — находит счастье в приобретении сверхъестественных сил. А любовь является только дурным сном, бредом".

На следующий день после свадьбы молодые уехали в селение Даричичах — летнюю резиденцию эриванских чиновников, каковым был в ту пору генерал Блаватский. Уже в ту поездку Елена Петровна постаралась бежать в Персию, но казак, поначалу согласившийся быть ее проводником, выдал ее мужу. И тот приказал увеличить ее охрану. Конечно, взгляды супругов на совместную жизнь были прямо противоположны. Их борьба за свои права привела к тому, что осенью того же года Елена Петровна после очередного бурного спора вскочила на коня и верхом прискакала из Эривани в Тифлис. По прибытии к родным она поклялась, что покончит с собой, если ее заставят вернуться к Н.В. Блаватскому.

Расчеты родственников и княгини Воронцовой на этот брак потерпели, таким образом, неудачу, а Елену Петровну заставили страдать. Ничего не получил от этого брака и сам Н.В. Блаватский, ставший в конце ноября 1849 года эриванским вице-губернатором. Впоследствии не удалось ему также и расторгнуть брак на том основании, что жена покинула его и сам брак был лишь формальностью, — законы того времени не позволили сделать этого.

Во всей этой истории с замужеством единственным верным человеком Елене Петровне оказался ее дядя Ростислав Андреевич Фадеев. Он помогал ей пережить наиболее критические эпизоды тифлисской жизни.

"Я никогда ни от чего не отрекалась, и меня никогда не просили убраться из Тифлиса. Оба раза я сама, по собственной воле, уезжала оттуда, потому что на сердце была тоска и душа требовала простора. Никто никогда не понимал, да и не хотел понять, что творится в моей душе…" Такую оценку давала Елена Петровна своему душевному состоянию накануне первого отъезда из России, последовавшему, по всей вероятности, во второй половине 1850 года.

Отъезд за границу. Путешествия

Первым городом ее первого самостоятельного путешествия за границей стал Константинополь, куда она прибыла из Одессы. Трудности не заставили себя долго ждать. В поисках средств к существованию Елене Петровне пришлось устроиться в местный цирк и выступать в конных номерах.

"В Константинополе, — вспоминала Елена Петровна, — я сильно нуждалась в деньгах и хотела заработать 1000 монет — награду, обещанную тому, кто выиграет скачки с препятствиями. 18 прыжков на диком скакуне, только что убившем двух конюхов. Шестнадцать барьеров мне удалось преодолеть, но перед семнадцатым мой конь вдруг встал на дыбы, опрокинулся на спину и задавил меня. Это случилось в 1851 году. Я пришла в себя через шесть недель; последнее, что я увидела, прежде чем впасть в свою нирвану (ибо это была полная нирвана), — это как мужчина огромного роста, просто великан, одетый совершенно не по-турецки, вытаскивает из-под коня разодранную и окровавленную одежду. Запомнилось только лицо, которое я уже где-то видела".

"С этой силой я знакома уже с детства, но видела Его облик впервые много лет тому назад в одном путешествии (когда была в Эривани — столице Армении)".

Удар о землю не прошел для нее бесследно. Сломанное ребро неудачно срослось, а боль в груди беспокоила ее более двадцати лет.

Е. П. Блаватская в молодости

В Константинополе большое впечатление на нее произвели дервиши, мусульманские бродячие монахи, особенно те, которые обладали даром ясновидения. Там же судьба свела ее с Агарди Митровичем, известным в Европе оперным певцом, басом, итальянцем по отцу, человеком, сведущим в оккультных науках, на долгие годы ставшим ее верным другом. Знакомство произошло при трагических обстоятельствах. Елена Петровна обнаружила его лежащим бездыханным на улочке Константинополя. Он был тяжело ранен напавшими на него разбойниками. Она оказала ему первую помощь и отвезла в ближайшую гостиницу, чем и спасла певца. А после ее неудачного падения с лошади, в свою очередь, Митрович помогал ей.

"Агарди Митрович, — с теплотой вспоминала Елена Петровна, — был моим преданным другом с 1850 года. Я спасла его от виселицы в Австрии с помощью графа Киселева. Он был последователем Мацини, оскорбил Папу Римского, был изгнан из Рима. В 1863 году он приехал со своей женой в Тифлис. Мои родственники хорошо знали его, и когда его жена, тоже бывшая моей подругой, умерла — он приехал в Одессу в 1870 году".

Далее ее путь лежал в Египет, куда Елена Петровна отправилась с княгиней Софией Станиславовной Киселевой, женой графа Павла Васильевича Киселева, видного царедворца и дипломата при царских дворах Александра I и Николая I. Семейная жизнь супругов Киселевых сложилась неудачно, их единственный сын умер в двухлетнем возрасте, супруги жили врозь. София Станиславовна много путешествовала, интересовалась оккультизмом.

Именно этот интерес объединял двух женщин в том первом самостоятельном для Елены Петровны путешествии. Это был "поиск неведомого", как сама писала впоследствии Елена Петровна. Она стремилась обрести знания, начало которым положили книги из библиотеки ее прадеда, найти людей, носителей этого живого знания. Суть таких устремлений емко выразил Карл Юнг в своем труде "Алхимические исследования": "Истинные адепты алхимии искали не вульгарное золото, а золотое знание (выделено мною. — *О.Б.*); не способ взаимного превращения металлов, а путь психического преобразования собственной личности; не эликсир бессмертия, а философский камень (выделено мною. — *О.Б.*), таинственный ляпис, символизирующий целостного человека". Е.П. Блаватская писала, что мистически философский камень "символизирует трансмутацию низшей животной природы человека в высшую

божественную". Последняя же есть "универсальный растворитель" всего.

В Каире состоялся ряд примечательных знакомств. Одним из новых единомышленников стал американец Альберт Лейтон Роусон, в ту пору изучавший искусство Египта, начинающий арабист, обладавший исключительными способностями к изучению языков. Влюбленный в Восток, он много путешествовал по странам великих культур прошлого, так же, как и она, изучая древние и загадочные культы. Ему удалось под видом паломника посетить Мекку, рискуя жизнью. Он изучал юриспруденцию и одновременно занимался археологическими изысканиями; получил докторскую степень по богословию и степень доктора права в Оксфорде, а в Сорбонне — степень по медицине. Автор книг по религии, филологии, археологии, он совершил четыре путешествия по Востоку.

Другим мистиком, согласившимся познакомить Елену Петровну с некоторыми восточными учениями, явился копт Паулос Ментамон.

"Однажды, — вспоминала она о времени, проведенном в Египте, — я путешествовала по пустыне с одним коптом, белым магом. Как-то на ночном привале я призналась ему, что мне очень хочется выпить чашечку кофе по-французски, с молоком. "Ну конечно, если вы этого хотите", — сказал мне копт. Затем он подошел к верблюду с нашей поклажей, набрал там воды и через некоторое время вернулся с чашкой горячего кофе в руках". Елена Петровна сердечно поблагодарила своего проводника и с наслаждением стала пить кофе, говоря, что даже в парижском кафе она не пила лучшего. Маг на это ничего не ответил, только любезно поклонился и продолжал стоять, как бы ожидая получить чашку обратно. Елена Петровна пила кофе маленькими глотками, весело беседуя. Но что вдруг случилось? Кофе исчез, а в ее чашке оказалась простая вода. Там никогда и не было ничего другого. Она пила простую воду, ощущая иллюзорный вкус и аромат кофе мокко.

Еще одно египетское приключение, воспоминание о котором вошло в ее труд "Разоблаченная Изида" (1877): "Музыка волнует каждого. Мелодичное пение, слабое посвистывание, сладкий напевный звук флейты, привлекают пресмыкающихся, где бы они ни находились. Это факт, который мы наблюдали часто. В Верхнем Египте каждый раз, когда наш караван останавливался, один молодой человек из нашей группы путешественников, вообразивший, что он прекрасно играет на флейте, развлекал нас своей игрой. Погонщики верблюдов и другие арабы в таких случаях всегда останавливали его, так как им очень досаждало

неожиданное появление целых семей пресмыкающихся, которые обычно, наоборот, уклоняются от встреч с путешественниками. Однажды мы встретились с другой группой туристов, среди которых были профессиональные укротители змей, и наш виртуоз был приглашен ими показать свое искусство.

Только он начал играть, послышался легкий шелест, и музыкант наш задрожал от ужаса, увидев у своих ног огромную змею. Змея эта с поднятой головой пристально глядела на него и медленно, как бы бессознательно, ползла, раскачивая свое тело и следя за каждым движением музыканта. Затем показалась вторая змея, третья, четвертая, за ними последовали другие. Мы все оказались таким образом в их избранном обществе. Некоторые туристы в испуге взобрались на своих верблюдов, другие спешили найти иные убежища. Но паника была напрасной: искусные чародеи из второй группы, их было трое, начали петь и вскоре они оказались покрытыми змеями с ног до головы. Когда змеи приближались к ним, они как бы оцепеневали, погружаясь в глубокую каталепсию с полузакрытыми глазами. Осталась непокорной только одна большая змея с блестящей кожей. Этот "меломан" пустыни продолжал грациозно кланяться и раскачиваться, как если бы она всю жизнь танцевала на своем хвосте, сохраняя при этом в своих движениях прежний ритм флейты. Змея эта не захотела поддаваться арабским чарам, всецело отдавшись музыке флейтиста, который в конце концов не выдержал и сбежал. Тогда присутствовавший заклинатель змей вынул из своей сумки полузавядший росток какого-то растения, сильно пахнущего мятой, и повеял этим ростком перед змеей. Змея, продолжая стоять на своем хвосте, стала приближаться к растению. Еще через несколько секунд этот "исконный враг человека" оказался обвитым вокруг руки чародея и застывшим.

Многие полагают, что змеи, участвующие в таких экспериментах, специально к ним подготовлены, тренированы, или что у них вырваны ядовитые зубы, или зашиты рты. Может быть, и существуют такие фокусники-обманщики, которые дали повод к возникновению подобных домыслов, однако настоящие заклинатели змей на Востоке настолько овладели своим искусством и так бесспорно его демонстрировали, что у них не возникает необходимости прибегать к такому дешевому обману. Это подтвердили многие знаменитые ученые-путешественники, так что нельзя этих заклинателей змей обвинять в шарлатанстве. То, что танцующие, ставшие безвредными, змеи все же остаются ядовитыми, показал Форбес. Он говорил: "Замолкла ли вдруг внезапно музыка или по какой-то другой причине, но змея, которая танцевала в кругу крестьян, вдруг бросилась на

наблюдавших ее и ужалила одну женщину в шею. Через полчаса женщина скончалась"".

Встреча с Учителем

Пропутешествовав по Египту около трех месяцев, спутницы уехали в Париж, где графиня Киселева оставила Елену Петровну, остановившуюся у хорошей знакомой Фадеевых, княгини Багратион-Мухранской. В мае 1851 года уже с новой покровительницей Елена Петровна приезжает в Лондон и размещается сначала в меблированных комнатах на Сесил-роуд, а затем перебирается к княгине в отель "Майвартс". Город представлял тогда примечательное зрелище из-за великого скопления людей, со всех концов света приезжавших посмотреть на Всемирную промышленную выставку, или, как ее называли, Великую выставку. После знакомства с выставкой княгиня решила продолжить свое путешествие, однако Елена Петровна решила задержаться в Лондоне, отказавшись от совместного путешествия, и переехала в другой отель в центр города, на Стренд. Это стало возможным благодаря деньгам, полученным из России от отца, знавшего о местонахождении дочери и регулярно высылавшего ей средства.

В душевном отношении лондонский период был довольно сложным, поскольку в тот момент ей показалось, что ее мистические поиски зашли в тупик и ей не удалось найти искомое знание и его учителей. Много лет спустя она напишет князю Дондукову-Корсакову: "В Афинах, в Египте, на Евфрате, повсюду, где я бывала, я искала мой "астральный" камень… Я жила среди вертящихся дервишей, у друзов горы Ливан, у бедуинов-арабов, у марабутов Дамаска. Нигде не нашла его! Я изучала некромантию и астрологию, смотрела в кристалл, вызывала духов — и нигде ни следа "красной Девы"…" "Страдающая от всего, уставшая от бедной старой графини Багратион, которая заточила меня в "Майвартсе" и заставляла читать "Четьи Минеи" и Библию, я ускользнула на мост Ватерлоо, испытывая сильное желание умереть. Это искушение давно росло во мне. На этот раз я не пыталась сопротивляться. Грязные воды Темзы казались мне желанным ложем. Я искала вечного покоя, раз уж не смогла обрести "камень" и упустила "Деву"".

Но пройдет совсем немного времени и произойдет встреча, о которой она по-французски запишет в своем дневнике:

"Незабываемая ночь! Та самая ночь при свете заходящей луны, в Рэмсгейте, 12 августа 1851 года, когда я встретила Учителя М (Мориа. — *О.Б.*) — из моих снов!!

12 августа — это 31 июля по русскому календарю, день моего рождения — двадцать лет!"

"Видела его дважды, — писала она А.П. Синнетту. — В первый раз он просто вышел из толпы и приказал мне дождаться Его в Гайд-парке. Я не смею, не должна говорить об этом. Ни за что на свете я бы не поведала это миру".

Только после ее смерти графиня Констанция Вахмейстер, вдова шведского посланника в Лондоне, близкая Елене Петровне в последние годы ее жизни, опубликовала воспоминания Е.П. Блаватской о той встрече, или, вернее, двух коротких встречах, определивших всю ее дальнейшую жизнь.

"Как-то раз, прогуливаясь, она с изумлением увидела на улице высокого индуса рядом с какими-то индийскими принцами. Она тут же узнала его… Ей хотелось кинуться к нему и заговорить, но он знаком велел ей оставаться на месте, и она стояла как зачарованная, пока он не прошел мимо. На следующий день она отправилась в Гайд-парк, чтобы побыть одной и обдумать это необычайное происшествие. Подняв голову, она увидела тот же самый облик; приблизившись к ней, Учитель сказал, что он прибыл в Лондон с индийскими принцами по важному делу, что он непременно должен переговорить с ней наедине, потому что ему требуется ее участие в работе, которую он собирается предпринять.

Е. П. Блаватская. 1860-е годы

Затем он рассказал ей о (задуманном им. — *О.Б.)* Теософическом Обществе и сообщил ей, что желал бы видеть ее основательницей. Вкратце, он поведал ей о всех трудностях, которые ей придется преодолеть, и сказал, что до этого ей надо

будет провести три года в Тибете, чтобы подготовиться к выполнению этого очень трудного дела…"

"Судьба навсегда свяжет Вас с Индией, — утверждал Учитель, — но это произойдет позже, через 28–30 лет. Пока же поезжайте и познакомьтесь с этой страной".

На вопрос графини, почему она написала о Рэмсгейте, курорте на побережье под Лондоном, вместо Лондона, Елена Петровна сообщила, что она это сделала умышленно, из предосторожности, чтобы какой-нибудь случайный читатель этой записи не узнал, где она встретила своего Учителя, но что ее первая беседа с Учителем действительно произошла в Лондоне.

В октябре 1877 года в письме своей тете Надежде Андреевне Фадеевой Елена Петровна вспоминала подробности той первой встречи в Лондоне: "Сахиб ("господин", "хозяин" — одно из обращений Елены Петровны к Учителю. — *О.Б.*) мне знаком вот уже лет двадцать пять. Он прибыл в Лондон вместе с премьер-министром Непала и королевой Ауда. После этого я не видела Сахиба, пока через одного индуса не получила от него письмо, что он приехал сюда три года назад и читал лекции по буддизму. Сахиб напомнил мне в этом письме также о некоторых вещах, которые предсказывал мне ранее. В Лондоне он смерил меня взглядом, исполненным глубокого сомнения (вполне оправданным), и поинтересовался, готова ли я теперь отвергнуть неизбежное уничтожение после смерти и поверить ему. Взгляните на этот портрет. Сахиб с тех пор ничуть не изменился. Он, который по праву рождения мог восседать на троне, отринул все, чтобы жить, будучи никому не известным, а свое огромное состояние раздал бедным".

Итак, свершилось великое событие в жизни Елены Петровны Блаватской. Образ Хранителя и Заступника из детских видений обрел зримые черты, стремление найти неведомого, незримого Учителя великого знания магнитом ее мыслей и чаяний привело ее к Нему. И высшие зовы сердца привели к озарению ее души.

Учитель поведал о великой просветительской миссии, предстоящей ей, о необходимых трудах и опасностях ее будущего обучения на этом пути.

Ей предстояло поведать миру сущность религий, верований и мировоззрений мудрецов всех стран и народов, названную теософией, или божественной мудростью. Она ответила согласием принять судьбу провозвестницы великих знаний Древней Мудрости, долгое время сохранявшихся в глубокой тайне и доступных лишь немногим избранным посвященным. Но долгий, трудный и одинокий путь не стал легче после этой встречи. Скорее он многократно усложнился, поскольку на нее

теперь возлагалась ответственность за порученное исключительно сложное дело. Ей предстояло противостать как губительным заблуждениям века материализма, набиравшего силу, так и не менее опасным психическим явлениям, особенно их невежественному восприятию большинством людей, известному как спиритуализм, явить знание истинной психической природы человека и его места в мире. Как бы пафосно это ни прозвучало, но в наши дни понятно, что тогда, в середине XIX века, остро требовалась коррекция, расширение мирового сознания относительно вопросов духа, принимавшего нежелательно-материалистическое направление в странах Запада. И выбор Восточными Учителями, Махатмами, вестника, способного донести до западного мира "душеспасительную арийскую философию", учения Древней Мудрости Востока, в силу исключительных личных данных Е.П. Блаватской: отзывчивости на духовные влияния, литературных талантов, могучей воли, необыкновенной силы терпения, пламенного энтузиазма, преданность идее и безграничной самоотверженности, — пал на нее. До самого конца жизни ей предстояли непрестанные труды и борьба: длительный, двадцатилетний, подготовительный период странствий и обучения и — такой же по продолжительности — чрезвычайно насыщенный событиями и сложностями этап писательской деятельности и общественного служения.

После этой судьбоносной встречи жизнь Елены Петровны находилась под наблюдением Учителя, охранялась и направлялась им. Как свидетельствуют ее дневники, письма и все ее художественные и философские труды, в тот момент она приняла путь ученицы и посланницы Восточных Учителей, Адептов и Махатм, Братство которых существовало на благо мира с незапамятных времен, — и самоотверженно пошла по нему.

Годы странствий

Следующие семь лет Елена Петровна провела в непрерывных путешествиях. После Лондона ее путь лежал в Северную Америку. Она посетила Канаду, Новый Орлеан, Техас и Мексику. Ее все так же интересовали оккультные знания и достижения народов обоих Америк. В Канаде она знакомилась с жизнью краснокожих индейцев, в Новом Орлеане попыталась проникнуть в тайны секты вуду, состоявшей из негров и метисов с южноамериканскими индейцами, но Учитель в видении показал угрожавшие ей опасности. Не задерживаясь, она отправилась дальше. Она посетила Техас, затем Мексику и Перу, где знакомилась с культами разных народов, как цивилизованных, так и диких, и успела побывать во всех уголках этих небезопасных стран. Ее хранило ее собственное бесстрашие, абсолютное неподчинение различным магнетическим влияниям и, главное, появление время от времени людей, которые заботились о ее благополучии. С особой признательностью она вспоминает одного старого канадца, известного под именем отец Жак, которого повстречала в Техасе, когда оказалась совсем одна. Он помог ей избежать многих опасностей. Материально помогал отец, а также княгиня Багратион-Мухранская, оставившая Елене Петровне по завещанию крупную сумму денег.

В 1852 году в Вест-Индии она встретила одного молодого англичанина, ее единомышленника (возможно, капитана Ремингтона. — *О.Б.*), с которым познакомилась в Германии два года назад и который предложил ей совершить совместное путешествие по Азии. У них появился еще один спутник-индус, его Е.П. Блаватская встретила в Гондурасе. Он оказался чела, то есть учеником Великих Учителей. Через Кейптаун они добрались до Цейлона, а оттуда в конце 1852 года до Бомбея, где их дальнейшие пути разошлись.

По ее воспоминаниям: "Это было словно во сне. Я прожила там (в Индии. — *О.Б.*) около двух лет, путешествуя, каждый месяц получая деньги, неведомо от кого, и честно следуя указанным мне маршрутом. Получала письма от этого индуса (Учителя М. — *О.Б.*), но за эти два года не виделась с ним ни разу. Когда он написал мне: "Возвращайтесь в Европу и делайте, что хотите, но будьте готовы в любой момент вернуться", — я поплыла туда на "Гвалиоре", который у Мыса (Доброй Надежды. — *О.Б.)* потерпел кораблекрушение, однако меня и еще десятка два человек удалось спасти. Почему этот человек приобрел такое влияние на меня? Причина мне до сих пор не ясна. Но вели он мне броситься

в пропасть — я бы не стала колебаться ни секунды. Я побаивалась его, сама не знаю почему, ибо не встречала еще человека мягче и проще в обращении, чем он…"

Прежде чем покинуть Индию, она попыталась проникнуть через Непал в Тибет, но вмешательство британского представителя расстроило ее планы. В 1893 году об этом случае Г.С. Олькотом, сподвижником Е.П. Блаватской и первым президентом Теософского общества, были опубликованы воспоминания, полученные от самого участника тех событий генерал-майора в отставке Чарлза Марри, офицера 70-го бенгальского пехотного полка, который в 1854 году повстречал Е.П. Блаватскую в Панкабари, в предгорьях Дарджилинга: "Он тогда был капитаном саперного отряда в Себанди. Елена Петровна пыталась попасть в Тибет через Непал, "чтобы написать книгу", и с этой целью намеревалась переправиться через реку Рангит. Капитан Марри, получив от часового сообщение о том, что какая-то европейская дама проследовала в том направлении, отправился за ней и вернул ее обратно. Она очень сердилась, но тщетно.

Около месяца она оставалась с капитаном Марри и его женой, после чего, убедившись в неосуществимости своего плана, уехала, и капитану Марри стало известно, что она добралась до Динаджпура".

Каирский знакомый Елены Петровны Альберт Роусон в 1878 году опубликовал письмо со свидетельствами того, что в тот период, в 1850-е годы, Елена Петровна путешествовала и по Америке, и по Индии. Опровергая утверждения ее критиков, что она вообще никогда не была на Востоке, он писал: "Некоторые мои знакомые встречали госпожу Блаватскую далеко на Востоке; другие слышали о ее пребывании там; например, выдающийся хирург Дейвид Дадли, доктор медицины из Манилы с Филиппинских островов… мистер Фрэнк Э. Хилл из Бостона, штат Массачусетс, который был в Индии несколько лет тому назад… Мистер Уильям О'Грейди, редактор здешнего (Нью-Йорк. — *О.Б.*) "Билдер", уроженец Мадраса в Индии и частый гость у госпожи Блаватской, ибо знает ее еще по Индии. К чему повторять эти доказательства? Достаточно и одного признанного свидетельства; не желающему принимать их, не хватит и тысячи".

Затем она несколько месяцев пропутешествовала совершенно одна по Юго-Восточной Азии, посетила Яву и Сингапур, выполняя поручения Учителя, и вернулась в Англию в самом начале Крымской войны между Россией и Турцией.

В феврале 1854 года Россия объявила войну союзникам Турции — Великобритании и Франции, и находившимся в Англии

русским пришлось тяжело. Однако Елена Петровна, по словам ее сестры В.П. Желиховской, возобновила музицирование, дала ряд фортепианных концертов и приобрела в Лондоне известность своим музыкальным талантом, состояла членом филармонического общества. В Англии она снова видела своего Учителя. Она пишет: "Мы встретились с ним в чужом доме, в Англии, куда он приезжал с одним туземным развенчанным принцем, и наша встреча ограничилась двумя разговорами, которые хотя тогда и произвели на меня сильное впечатление своею неожиданною странностью, даже суровостью, но, как и многое другое, все это кануло с годами в Лету". Под "туземным развенчанным принцем" она, возможно, имела в виду Далипа Сингха, свергнутого махараджу Лахора. Он прибыл в Саутгемптон 18 июня 1854 года, а 1 июля был представлен королеве Виктории.

Далее ее путь снова лежал в Нью-Йорк, где она вновь возобновляет знакомство с Альбертом Роусоном, который оставил такие воспоминания о тех встречах:

"Лицо у нее было круглое, как луна, — такая форма высоко ценится на Востоке; глаза ясные и чистые, мягкие, как у газели, когда она спокойна, но вспыхивающие по-змеиному, когда она сердится или возбуждена. Лет до тридцати она сохраняла девичью фигуру, гибкую, мускулистую и хорошо сложенную, способную радовать глаз художника. Руки и ноги у нее были маленькие и изящные, как у нежной девушки… Устоять перед ней было невозможно, всего за одну беседу она способна покорить любого человека, успевшего приобрести достаточно жизненного опыта, чтобы не считать себя центром мироздания. Ее мало трогало мужское восхищение". Он увидел ее "неутомимой искательницей знания, постоянно работающей и неудовлетворенной. Больше света, больше фактов, прогрессивные теории, различные гипотезы, новые предположения — постоянное устремление к идеалу".

Путешествие по Америке заняло у Елены Петровны около двух лет. Она пересекла страну с востока на запад, побывав в Чикаго, а затем с караваном эмигрантов через Скалистые горы направилась в Сан-Франциско. Затем снова путешествовала по Южной Америке.

Она пересекла Тихий океан и достигла Калькутты, вспоминая об этом следующее: "В 1856 году я поехала в Индию только потому, что тосковала по Учителю. Ездила из одного места в другое, никому не говоря, что я русская…"

Впечатления о том путешествии появились много позднее в ее труде "Разоблаченная Изида": "Когда, много лет тому назад, мы первый раз путешествовали по Востоку, исследуя тайники его

покинутых святилищ, два мучительных и постоянно приходящих на ум вопроса угнетали наш ум: "Где, кто, что есть БОГ? Кто видел когда-нибудь БЕССМЕРТНЫЙ ДУХ человеческий и смог убедиться в бессмертии человека?"

Стремясь изо всех сил разрешить эти ставящие в тупик вопросы, мы именно тогда и соприкоснулись с некоторыми людьми, наделенными такими таинственными силами и такими глубокими познаниями, что поистине мы можем назвать их мудрецами Востока… Они показали нам, что при объединении науки с религией существование Бога и бессмертие человеческого духа могут быть доказаны так же, как теорема Евклида. В первый раз мы убедились, что в восточной философии нет места ни для какой другой веры, кроме абсолютной и непоколебимой веры во всемогущество собственного бессмертного "я" человека. Нас учили, что всемогущество это проистекает из родства человеческого духа со Всемирной Душою — Богом! И тот, говорили нам, не может быть доказан ничем иным, кроме духа человеческого. Человек-дух свидетельствует о Боге-духе, как одна капля воды свидетельствует об источнике, откуда она, должно быть, произошла".

"Потому, — писала она, — когда встречаешь такого человека, подобного этим мудрецам Востока, обнаруживающего огромные способности, управляющего силами природы и открывающего взору мир духа, мыслящий ум преисполняется уверенностью, что если такое под силу духовному эго одного человека, то способности ДУХА-ОТЦА должны быть, соответственно, необъятными — так целый океан размерами и мощью неизмеримо превосходит отдельную каплю. Ex nihilo nihil fit (лат.: из ничего ничто не происходит), свидетельствуйте о душе человека ее чудесными силами — и вы свидетельствуете о Боге!.. Такое знание бесценно; и оно оставалось скрытым только от тех, кто пренебрегал им, осмеивал его или отрицал его существование" ".

Частично это путешествие описано в виде путевых очерков в книге "Из пещер из дебрей Индостана", изданной на русском языке под псевдонимом Радда-Бай. Первая публикация этих заметок состоялась в газете "Московские ведомости", редактором которой был известный журналист М.Н. Катков. Статьи вызвали такой интерес, что в 1880 году Катков переиздал их в приложении к "Русскому вестнику", а потом опубликовал новые письма, написанные специально для этого журнала.

"Приводимые мной факты и персонажи подлинны, — сообщала Елена Петровна А.П. Синнетту, — я просто собрала вместе в трех-четырехмесячном отрезке времени события и

случаи, происходившие на протяжении ряда лет, равно как и часть феноменов, которые показывал мне Учитель". В очерках она называла его Гулаб-Синг, иногда полным именем Гулаб Лалл Синг.

Очерки имели огромный успех. Даже несимпатизировавшая Е.П. Блаватской З. Венгерова эти публикации об Индии откровенно хвалила: ""Из пещер и дебрей Индостана" нельзя включить в разряд обыкновенных, более или менее живописных описаний заморских стран. Автор — не любопытствующий турист, описывающий виденные им диковины, а, скорее, член научной экспедиции, задавшийся целью изучить основы истории человечества в застывшей цивилизации Индии. Эта специальная цель проглядывает во всех описаниях Радды-Бай и придает им своеобразную прелесть. Все, что свидетельствует о великом прошлом ныне порабощенной нации, выдвигается автором на первый план. Просто, но в высшей степени художественно описывает она гениальные постройки, покрывающие Индию с незапамятных времен и на которые протекающие тысячелетия не имеют никакого влияния… Но более чем все произведения искусства, свидетельствующие о высоте цивилизации индусов, более чем пышная природа страны, где действительность превосходит самое пылкое воображение, Блаватскую занимает внутренний быт туземцев. Она имела возможность близко изучать их жизнь и ознакомиться с их пониманием вещей, так как селилась повсюду, куда приезжала, не в европейских частях городов, а в чисто индийских домах (бенглоу) среди туземцев…

Читая ее книгу, нельзя забывать ни на минуту, что Радда-Бай — прежде всего теософка, что она отправилась в Индию в поисках за сокровенными знаниями Востока и что ее внимание прежде всего останавливают учения индийских мудрецов… Особенно же ее занимает таинственная секта радж-йогов, святых мудрецов, которые особым напряжением своих духовных сил, чем-то вроде многолетней душевной гимнастики, доходят до умения совершать несомненные чудеса: так, лично знакомый Блаватской радж-йог Гулаб-Синг… отвечал на вопросы, которые Блаватская задавала ему лишь мысленно, исчезал и появлялся совершенно неожиданно для всех, открывал им в горах таинственные входы, чрез которые они попадали в дивные подземные храмы и т. д. И все это он совершал просто, стараясь каждый раз объяснить естественным путем свои действия. Многие из описываемых Блаватской чудес Гулаб-Синга напоминают позднейшие феномены самой Блаватской. Не от таинственного ли Гулаб-Синга позаимствовалась она умением "создавать" и дезинтегрировать предметы?"

Во время второго посещения Индии Елена Петровна предпринимает еще одну попытку проникнуть в Тибет, на этот раз через Кашмир. В Лахоре она встретилась с немцем Кюльвейном, давним приятелем ее отца, бывшим лютеранским священником. Когда он отправлялся в путешествие по Востоку с двумя своими друзьями, полковник П. А. Ган, обеспокоенный судьбой дочери, просил Кюльвейна попытаться разыскать ее. Переодевшись в местные одежды, Кюльвейн с друзьями, Едена Петровна и монгольский шаман, намеревавшийся через Тибет вернуться в Сибирь после двадцати летнего отсутствия, попытались проникнуть в Тибет. Однако Кюльвейн заболел, и ему пришлось возвратиться обратно. Двух его друзей не пропустили через границу, а Елене Петровне и шаману было разрешено двигаться далее.

Елена Петровна вспоминала о дальнейших событиях: "Много лет тому назад небольшая группа путешественников шагала по трудному пути из Кашмира в Лех, ладакский город в Центральном Тибете. Среди наших проводников был монгольский шаман очень таинственного вида. Товарищи мои по путешествию придумали для себя неразумный план попасть в Тибет в переодетом виде, но не понимая при этом местного языка. Только один из них (Кюльвейн) немного понимал по-монгольски и надеялся, что этого будет достаточно. Остальные не знали и этого. Понятно, что никто из них в Тибет так и не попал.

Спутников Кюльвейна очень вежливо отвели обратно на границу прежде, чем они успели пройти 16 миль. Сам Кюльвейн (он когда-то был лютеранским пастором) и этого не прошел, так как заболел лихорадкой и принужден был вернуться в Лахор через Кашмир. Но зато он смог увидеть нечто, что было для него так же интересно, как если бы он присутствовал при самом воплощении Будды. Он раньше слыхал об этом чуде, и в течение многих лет его самым горячим желанием было увидеть и разоблачить этот "языческий трюк", как он его называл. Кюльвейн был позитивистом и очень гордился этим, однако его позитивизму суждено было получить смертельный удар.

Примерно в четырех днях ходьбы от Исламабада мы остановились на отдых в одной маленькой, ни чем не примечательной деревушке. Наш лама рассказал нам, что недалеко, в пещерном храме, остановилась большая группа святых ламаистов с целью основать там монастырь. Среди них находились "Три Почитаемых", или Буддистская троица — Будда, Дхарма и Сангха (Община) или Fo, Fa и Sengh, как их величают в Тибете.

Эти бхикшу (монахи) способны творить великие чудеса.

Кюльвейн сразу же нанес им визит, и между двумя группами установились самые дружественные отношения.

Однако, несмотря на все предосторожности со стороны Кюльвейна и его богатые подарки, настоятель монастыря, который был Pase-Budhu (аскет высокой ступени), отказался показать нам феномен "инкарнации" (воплощения), пока пишущая эти строки не показала ему принадлежащий ей талисман. Увидев его, они сейчас же начали подготовительные работы, а в соседнем поселке у бедной женщины по договоренности был взят 3—4-х месячный ребенок. Кюльвейну пришлось поклясться, что в течение 7 лет он не разгласит увиденное им и услышанное.

Принадлежащий мне талисман — это обыкновенный агат. В Тибете и других местах его называют "А-ю" и ему присущи таинственные свойства. На нем выгравирован треугольник и в этом треугольнике мистические слова. Такие камни буддисты-ламаисты высоко ценят; ими украшен трон Будды; Далай-Лама носит такой камень на четвертом пальце; их можно найти в Алтайских горах и вблизи реки Ярхун (Yarkun). Мой талисман принадлежал раньше очень уважаемому жрецу-калмыку и дан мне в дар. Хотя бродячее племя калмыков считается отпавшим от первоисточника ламаизма, они поддерживают дружеские отношения с племенами Восточного Тибета и кукунорскими чокотами, а также и с лхасскими ламаистами. Не один раз нам случалось встречаться и знакомиться с этим народом в астраханской степи, так как не раз в юности мы останавливались и ночевали в их кибитках и были даже гостями у принца Тумена, их неудачливого предводителя.

Прошло несколько дней, пока все было приготовлено. Ничего за это время не случилось, исключая только того, что на какой-то приказ Бхикшу из глубины озера на нас взглянули некие лица. Одним из этих лиц оказалась сестра Кюльвейна, которую он оставил дома здоровой и радостной, но которая, как мы узнали позже, умерла незадолго до начала его странствий. Вначале появление этого лица взволновало Кюльвейна, но он призвал на помощь весь свой скептицизм и попытался разъяснить нам, что это видение — лишь тень от облаков или отражение веток дерева и т. п., как это делают все подобные ему люди.

В назначенное послеобеденное время ребенок был принесен в вихару и оставлен в вестибюле, так как дальше этого места, внутрь святилища, Кюльвейн не решился идти. Ребенка положили посреди пола на покрывало. Всех посторонних выслали вон. У дверей поставили двух монахов, которым поручили задерживать любопытных. Затем все ламы уселись на пол, спиной к гранитным стенам, так, что каждый был в десяти футах от ребенка.

Настоятель сел в самый дальний угол на кожаный коврик. Только Кюльвейн поместился поближе к ребенку и с большим интересом следил за каждым его движением.

Единственное, что требовалось от всех нас, — это соблюдать абсолютную тишину. В открытые двери ярко светило солнце. Постепенно настоятель погрузился в глубокую медитацию, а остальные монахи, пропев вполголоса краткую молитву, замолчали, единственным звуком был лишь плач ребенка.

Прошло несколько мгновений, и движения ребенка прекратились. Казалось, что маленькое его тельце окоченело. Кюльвейн внимательно наблюдал. Оглядевшись кругом и обменявшись взглядами, мы убедились, что все присутствовавшие сидят неподвижно. Взор настоятеля был обращен на землю, он даже не глядел на ребенка. Бледный и неподвижный, он больше похож был на статую, чем на живого человека.

Внезапно, к нашему большому удивлению, мы увидели, что ребенок как бы какой-то силой был переведен в сидячее положение. Еще несколько рывков, и этот четырехмесячный ребенок, как автомат, которым движут невидимыми нитями, встал на ноги. Представьте себе наше смущение и испуг Кюльвейна. Ни одна рука не пошевелилась, ни одно движение не было сделано, ни одно слово не было сказано, а этот младенец стоял перед нами прямо и неподвижно, как взрослый.

Далее процитируем записи самого Кюльвейна, которые он сделал в тот же вечер и передал нам:

"После минуты-другой ожидания, — писал Кюльвейн, — ребенок повернул голову и взглянул на меня с таким умным выражением, что мне стало просто страшно. Я задрожал. Я щипал себе руки и кусал губы до крови, чтобы убедиться, что я не сплю. Но это было лишь начало. Это удивительное существо приблизилось на два шага в моем направлении, приняло вновь сидячее положение и, не спуская с меня глаз, начало на тибетском языке произносить, фразу за фразой, те слова, которые, как мне раньше сказали, принято говорить при воплощении Будды и которые начинаются так: "Я есмь Его Дух в новом теле" и т. д.

Я был по-настоящему в ужасе. Волосы у меня стали дыбом, и кровь застыла. Я не мог бы произнести и слова. Тут не было никакого обмана, никакого чревовещания. Губы младенца шевелились и глаза его, казалось, искали мою душу с таким выражением, которое заставляло меня думать, что это был сам настоятель, его глаза, его выражение глаз. Было так, как будто бы в малое тельце вошел его дух и глядел на меня сквозь прозрачную маску личика ребенка.

Я почувствовал головокружение. Ребенок потянулся ко мне и положил свою маленькую ручку на мою руку. Я вздрогнул, как будто бы меня обжег горячий уголек. Не в силах больше выдержать этот взгляд, я закрыл глаза руками. Это длилось лишь мгновение. Когда я отнял руки от глаз, младенец снова стал плачущим ребенком: он снова лежал на спине и плакал, как в начале. Все вошло в свою колею, и начались разговоры.

Только после того, как этот эксперимент был повторен еще несколько раз с промежутками в 10 дней, я осознал, что был свидетелем невероятного, сверхъестественного феномена, подобного тем, которые некоторые путешественники описывали ранее, но которые я всегда считал обманом. Среди многих ответов, которые настоятель дал на мои вопросы, есть один, который следует считать особенно значительным. "Что случилось бы, — спросил я его с помощью нашего ламы, — если бы в то время, когда ребенок говорил, а я в страхе, принимая его за черта, убил бы его?" Настоятель ответил: "Если бы удар не был сразу смертельным, то был бы убит лишь ребенок". "Но, — настаивал я, — допустим, что удар был бы молниеносным?" "В таком случае, — последовал ответ, — вы убили бы меня"".

Елена Петровна продолжает: "Выше мы упоминали агат, который принадлежал мне и который оказал столь неожиданное и доброжелательное воздействие.

У каждого шамана имеется подобный талисман. Он носит его привязанным к шнурку и держит под левой мышкой. "Какая польза вам от него и какова его роль?" — Это были вопросы, которые мы часто задавали нашему проводнику. На них он никогда не отвечал прямо, а ограничивался некоторыми разъяснениями, обещая, что когда появится подходящий случай и мы будем одни, он попросит, чтобы камень сам ответил. С этой весьма неопределенной надеждой мы оставались во власти собственных представлений.

Все же день, когда камень "заговорил", пришел скоро. Это было в критический момент нашей жизни, когда душа странника — автора этих строк — завела его в такие далекие страны, каким незнакома никакая цивилизация и где безопасность человека не гарантирована ни на миг. В один послеобеденный час, когда все мужчины и женщины покинули монгольскую юрту, которая уже более двух месяцев была нашим домом, чтобы присутствовать на церемонии изгнания чутгура. (Tshoutgour — демон-элементал, в которых верит каждый азиатский житель.) Этого демона обвинили в том, что он в какой-то семье, жившей на расстоянии двух миль от нас, ломает и разбрасывает все предметы быта этих бедных людей. Используя этот случай, мы напомнили нашему

проводнику его обещание.

Он вздохнул, попытался оттянуть его выполнение, но после некоторого молчания поднялся со своей овечьей шкуры, на которой сидел, и вышел. Затем он надел на деревянный кол высохшую козью голову с большими рогами, закрыл брезентовый вход в палатку и поставил перед ней этот кол, сказав при этом, что козья голова это знак, что он занят и что никто не смеет входить.

Затем он вынул камень, величиной примерно с лесной орех, заботливо обтер его и, как нам казалось, проглотил. Через несколько минут его члены стали коченеть, и он упал на пол, холодный и неподвижный, как труп. При каждом заданном ему вопросе губы его слегка шевелились. Все это выглядело умопомрачающе и даже страшно.

Солнце садилось, и если бы его угасающие лучи не отражались о стенки палатки, то к подавлявшей тишине присоединилась бы и полная темнота. Я бывала и в западных прериях, и в южных русских бескрайних степях, но тишина в них была совершенно не сравнимой с той тишиной, которая наступает в монгольских песчаных пустынях в час захода солнца. Это переживание нельзя сравнить и со смертельным одиночеством американской пустыни, хотя Монголия частично заселена. В африканских пустынях не меньше жизни. На счастье наше тишина не продолжалась долго.

"Маханду! — выдохнул голос, который, казалось, исходил из глубины земли. — Да будет мир с вами. Чего вы желаете? Пусть это, доброе, я сделаю для вас". Это было потрясающим, хотя, однако, я была к этому вполне подготовленной, так как с подобными явлениями встречалась раньше. "Кто бы ты ни был, — мысленно сказала я, — пойди к Коконе и попытайся передать нам ее мысли. Скажи, что она делает, и расскажи ей, что делаем мы и где находимся".

"Я у нее, — ответил тот же голос, — старая г-жа (Кокона) сидит в саду. Она надела очки и читает письмо".

"Сейчас же передай содержание письма", — торопила его я, и быстро приготовила записную книжку и карандаш. Содержание письма передавалось медленно, как будто невидимое существо хотело дать мне время записать слова, отмечая их произношение. Я поняла, что это валахский язык, с которым я не знакома.

"Смотрите на запад, в сторону третьего столба юрты, — сказал монгол своим естественным голосом (голос звучал глухо, как бы издалека). — Ее мысли тут".

Тогда в конвульсивном движении шамана верхняя часть его туловища поднялась, и голова его тяжело упала к ногам автора

этих строк; обеими руками я ее поддержала. Положение становилось все более неприятным, но любопытство мое взяло верх. На западной стороне палатки, слабо светясь, появился призрак моей старой приятельницы, валахской румынки. Она по природе своей мистик, но абсолютно не верит в феномены подобного рода.

"Ее мысли здесь, но тело ее спит в бессознательном состоянии, иначе я не мог бы ее привести", — произнес голос.

Я попросила ее дать нам доказательство, что это она, ответив на вопрос, но напрасно: щеки ее дрожали, все тело жестикулировало, как бы в страхе, агонии, но ни звука не слетало с ее уст. Мне только показалось, но, может быть, это было моим воображением, что я услышала как бы издалека румынские слова: "Non se pote!" ("Это невозможно!")

Более двух часов нам давались реальные, необъяснимые доказательства того, что астральное тело шамана выполняло мои невысказанные желания. Через 10 месяцев я получила письмо от моей приятельницы из Валахии (область в Румынии. — *О.Б.*). Она писала, что в то утро она сидела в саду и была занята приготовлением консервов. Письмо, которое она тогда читала, было от ее брата и его содержание соответствовало тому, что я записала и потом письмом передала ей. Внезапно она потеряла сознание, как ей казалось, из-за жары.

В состоянии сна она увидела группу людей в каком-то пустынном месте, сидящих в "цыганской палатке".

Но наш опыт оказался для нас очень полезным. Я послала дух шамана к одному своему другу. Это Кутчи из Лхассы. Он постоянно путешествует из Лхассы в Британскую Индию и обратно. Тем же способом мы сообщили ему о нашем критическом положении в пустыне, и через несколько часов пришла к нам помощь. Нас освободили верховые, которых начальник прислал прямо в то место, где мы были, и о котором ни один человек не мог знать. Начальник этот был "адептом". Ни раньше, ни позже мы его не встречали, так как он никогда не покидал своего ламаистского монастыря. Для нас он был недоступен. Но он был личным другом Кутчи.

Все рассказанное, конечно, вызовет у читателей только недоверие, но я пишу для тех, кто верит, кто, как и автор этих строк, понимает безграничные возможности астральных сил. В этом случае, я знаю, "астральный двойник" шамана не работал один, так как он не являлся адептом, а лишь обыкновенным медиумом. Шаман всегда говорил, что как только он возьмет камень в рот, показывается его отец, освобождает его от тела и ведет туда, куда пожелает, куда прикажет".

У родственников в России

В начале 1857 года Елена Петровна получила указание от Учителя покинуть Тибет и вернуться в Европу. Это было накануне восстания сипаев, далее оставаться европейцу в Индии было бы смертельно опасно. Через Мадрас на голландском судне она по заданию Учителя прибыла на Яву, а оттуда уехала в Европу. Вернувшись из Азии, Елена Петровна провела несколько месяцев в Европе, во Франции, Германии и Греции, а затем направилась в Псков к родственникам.

Но еще ранее, осенью 1858 года, Елена Петровна, через свою тетю Надежду Андреевну, связалась с мужем Никифором Васильевичем Блаватским и выяснила его мнение насчет распавшегося много лет назад, но не расторгнутого брака. Н.В. Блаватский ответил письмом Надежде Андреевне, в котором полностью отказывался от прав на супругу и выражал надежду на скорое расторжение брака. Он планировал в скором времени выход в отставку с поста эриванского вице-губернатора и переезд в Полтавскую губернию, в имение брата.

Елена Петровна приехала в Россию как раз накануне Рождества 1859 года, более девяти лет путешествуя по миру. Контактов с родными в это время она не поддерживала, кроме, пожалуй, своего отца, регулярно посылавшего дочери средства к существованию. К тому времени в жизни родных Елены Петровны произошли многие перемены. Это и кончина второй жены ее отца, от брака с которой осталась дочь Лиза; это и раннее замужество сестры Веры, рождение двух ее детей, племянниц Елены Петровны; ранняя кончина Вериного мужа, сына генерала Яхонтова, и тяжелая болезнь бабушки.

Родственники, собравшиеся на семейное торжество, свадьбу дочери Вериного свекра, приняли ее тепло. Тогда же зимой было принято решение всем вместе перебраться на лето в Псковскую губернию, в село Ругодево, где мужем сестры Веры было приобретено небольшое имение.

Сестра Вера вспоминала ту встречу в Пскове: "Соскучившись по своим родным, Блаватская возвратилась в Россию ровно через десять лет, в 1859 году. Сначала она приехала ко мне, сестре своей, и отцу нашему в Псковскую губернию, а потом к родным матери в Тифлис. Она возвратилась из своих странствий человеком, одаренным исключительными свойствами и силами, проявившимися немедленно и поражавшими всех ее окружающих. Она оказалась сильнейшим медиумом, состояние, которое она впоследствии сама сильно презирала, считая его не только

унизительным для человеческого достоинства, но и очень вредным для здоровья. Позже ее психические силы, развернувшись, дали ей возможность подчинить своей воле и контролировать внешние проявления медиумизма. Но в 27 лет они проявлялись помимо ее воли, редко ей повинуясь. Ее окружали постоянные стуки и постоянные движения, происхождение и значение которых она тогда еще не умела объяснить".

Родственники и близкие были более чем заинтригованы оформившимися психическими способностями Елены Петровны. В округе она приобрела славу кудесницы, способной общаться с миром духов, управлять невидимыми силами.

Но не обходилось и без тревожных событий. Временами у нее открывались раны, полученные во время странствий, и в течение нескольких дней она бывала буквально при смерти, приводя родственников и докторов в отчаяние. Такие моменты сопровождались совершенной какофонией стуков и звонов астральных сил во всем доме. Кризис проходил без видимого вмешательства, и она возвращалась к своему обычному состоянию.

Прожив некоторое время в Петребурге и Ругодеве, Елена Петровна с сестрой весной 1860 года выехала в Тифлис, откуда пришло сообщение о тяжелой болезни их бабушки Елены Павловны Фадеевой. По пути в Тифлис в Задонске Воронежской губернии состоялась памятная встреча сестер с митрополитом Киевским Исидором.

Вера вспоминала: "Мы узнали, что в этот день молиться у святых мощей будет митрополит киевский преосвященный Исидор; его, бывшего экзарха Грузии, мы обе хорошо знали в детстве и юности в бытность свою в Тифлисе… У обедни почтенный старец узнал нас и прислал служку с приглашением навестить его в доме у архиепископа. Он принял нас очень ласково. Но едва мы уселись в гостиной, как со всех сторон раздался ужасный гул и стук такой силы, что даже нам это показалось необычным: все в большой зале трещало и стучало, начиная от огромной люстры под потолком, у которой сами собой раскачивались хрустальные подвески, и до стола, на который Святейший опирался локтями. Невозможно передать, как мы были смущены и расстроены, хотя, нужно сказать правду, мою непочтительную сестру эта неловкая ситуация развлекала больше, чем мне хотелось бы. Впрочем, проницательный митрополит сразу заметил наше замешательство и разгадал его истинную причину. Он достаточно много читал о так называемых "спиритических" проявлениях и только рассмеялся при виде

надвигающегося на него огромного кресла, да и вообще казался заинтересованным этим феноменом".

Владыка осведомился, которая из сестер обладает "столь странной силой", и с разрешения Елены Петровны мысленно задал через нее несколько вопросов невидимым существам, "духам". Пораженный толковыми ответами, он продолжал задавать мысленные вопросы еще в течение нескольких часов, "не уставая выражать свое восхищение "их всезнайством".

"На прощание он благословил ее и напутствовал словами, которые навеки остались ей памятны и дороги как мнение просвещенного иерея православной церкви об исключительном ее даре. Он сказал: "Нет силы не от Бога! Смущаться его вам нечего, если вы не злоупотребляете особым даром, данным вам… Мало ли неизведанных сил в природе? Всех их далеко не дано знать человеку; но узнавать их ему не воспрещено, как не воспрещено и пользоваться ими. Он преодолеет и, со временем, может употребить их на пользу всего человечества… Бог да благословит вас на все хорошее и доброе" ".

В Тифлисе сестры поселились в доме деда А.М. Фадеева. В августе 1860 года ушла из жизни их любимая и обожаемая бабушка Елена Павловна. Однако дом Фадеевых сохранил гостеприимность и хлебосольство и после ее кончины; гостям всегда были рады. В их доме почти ежедневно собиралось высшее тифлисское общество, которое почти поголовно увлекалось спиритическими сеансами… Частый гость Фадеевых П.С. Николаев вспоминал о тех вечерах: "…начиналась оживленная беседа: то разбиралась современная литература или современные вопросы русской жизни, то слушался рассказ какого-нибудь путешественника или только что возвратившегося с боевого поля загорелого офицера; иногда являлся старик испанец-масон, Квартано, с рассказами о Наполеоновских войнах, или Радда-Бай (Елена Петровна Блаватская, внучка А.М. Фадеева) вызывала из прошлого бурные эпизоды своей жизни в Америке; порою разговор принимал мистическое направление, и Радда-Бай вызывала духов. Догоревшие свечи чуть мерцали, фигуры на гобеленах как бы шевелились, невольно становилось жутко, а восток начинал уже бледнеть на черном фоне южной ночи".

В 1862 году сестра Вера вышла второй раз замуж — за Владимира Ивановича Желиховского, директора Тифлисской гимназии. Елена Петровна восстановила отношения с Н.В. Блаватским, некоторое время прожив с ним, как и после замужества, под одной крышей. Она предприняла ряд попыток заняться различными доходными проектами, чтобы обеспечивать себе жизнь, и как вспоминала Вера, это у нее получалось. Так,

одно время, у нее была мастерская по изготовлению искусственных цветов, и дела шли неплохо. Затем она занялась торговлей за границу древесины и орехового наплыва, для чего на некоторое время переселилась в Мингрелию. Выезжала также в Зугдиди и Кутаиси. Также было ее освоено дешевое производство чернил, перепроданное впоследствии.

Но все же основным в ее жизни оставались духовные практики. На окружающих ее недюжинные способности производили неизгладимое впечатление еще в Пскове и Петербурге. Но в Грузии эти экстрасенсорные способности определенно усилились, и с разных концов провинции люди обращались к ней за помощью, просили ее советов или лечения. Постепенно она смогла отказаться от общения с миром духов посредством стуков, звонов и помогала людям уже более понятным способом — устно либо письмами.

Позднее А.П. Синнетту она так поясняла свою технику: "Это всегда делалось при полном сознании, просто наблюдая, как мысли человека исходят из головы в виде спиральных колец светящегося дыма, а иногда вырываются в виде струй, которые можно принять за некое светящееся вещество… (из которого) вокруг его головы складываются отчетливые картины и образы. Часто такие мысли и ответы на них отпечатывались в ее мозгу, в виде слов и предложений, точно так, как это происходит с собственными мыслями. Но, насколько мы понимаем, видения первого рода всегда более достоверны, поскольку они не зависят и отделены от собственных ее впечатлений и относятся к чистому ясновидению, а не к "передаче мыслей", к которой всегда могут примешиваться собственные, более яркие умственные впечатления".

Там же, в Мингрелии, Елену Петровну настигла странная болезнь, причины которой были неясны ни докторам, ни ей самой. Она страшно исхудала, и так же, как в Пскове, врачи всерьез опасались за ее жизнь. Помочь, правда, были не в состоянии, и едва живую ее отправили в Кутаиси, где, словно при горячке, у нее начались галлюцинации, а затем в Тифлис.

Вера писала: "Она никогда ни с кем не говорила на эту тему (о своей болезни). Но как только она вернулась к жизни и выздоровела, она покинула Кавказ… Хотя еще до отъезда… природа ее способностей, по всей видимости, совершенно изменилась.

… На протяжении пяти лет мы наблюдали за постепенной трансформацией психических сил Елены. В Пскове и Ругодеве часто случалось так, что она не могла не только контролировать, но даже прекратить их проявление. Затем стало казаться, что с

каждым днем она овладевает ими все увереннее, но только после необычной и продолжительной болезни в Тифлисе она, похоже, целиком подчинила их своей воле".

Снова в Европе

После жизни в России последовал период почти трех летнего путешествия по Европе. Точный маршрут установить не представляется возможным и поныне, но в ее путевых заметках того периода указаны и Иерусалим, и страны Малой Азии, и Персия, и Сирия, и Ливан, и, вероятно, и Египет, и Греция. В 1867 году на непродолжительное время вернулась в Россию, где узнала о кончине родственников: Андрея Михайловича Фадеева, ее деда, и Юлия Федоровича Витте, мужа ее тети Екатерины Андреевны, и о переезде родственников Е.П. Блаватской, семей Витте и Фадеевых, в Одессу.

В том же году, следую указаниям Учителя, ей довелось оказаться в рядах добровольцев армии освободителя Италии от австрийского владычества Джузеппе Гарибальди. Она участвовала в битве при Ментане 3 ноября 1867 года, где получила тяжелые ранения. Когда с поля боя выносили раненых и убитых, ее поначалу посчитали убитой, на теле ее было пять ранений. Елена Петровна впоследствии рассказала о тех трагических событиях Г.С. Олькотту. Он вспоминает: "В подтверждение своего рассказа, она показала мне следы двух переломов на левой руке от ударов сабли, позволила прикоснуться к правому плечу, где ощущалась застрявшая в мышце мушкетная пуля, как и другая в ноге". Потребовался период лечения и восстановления после ранений. Далее через Флоренцию, северную Италию, снова прибыла на Балканы, где ей следовало ожидать дальнейших указаний Учителя. После получения долгожданных распоряжений она направилась в Константинополь, а затем в Индию.

С Учителями в Тибете

Как и предсказывал Учитель во время первой встречи в 1851 году в Лондоне, Елене Петровне предстояло провести в тибетских Ашрамах гималайского Братства адептов тайного знания три года интенсивного обучения (1868–1871).

Махатма М. живописно описал те места в Тибете, где располагался Ашрам Братства и где проходило обучение Елены Петровны: "В одном месте, о котором не принято упоминать в разговорах с посторонними, есть ущелье, через которое перекинут непрочный мостик, сплетенный из трав, а под ним стремительно несется яростный поток. И храбрейший из членов ваших альпинистских клубов едва ли рискнет пройти по мостику, ибо он свисает подобно паутине; кажется, что он необыкновенно хрупок и не выдержит вес человека. Но это не так, и перед тем, кто отважится на подобное испытание и успешно его преодолеет, — когда захочет, ибо как раз на это ему должно хватить смелости, — открывается исключительной красоты пейзаж: вход в одно из наших потайных мест и к одному из наших людей, и ни о том, ни о другом нет упоминаний в записях и беглых зарисовках европейских географов. На расстоянии броска камнем от старого ламаистского монастыря стоит древняя башня, в которой созревали целые поколения Бодхисаттв".

В одном из ее поздних писем уточняется очень приблизительное местонахождение Ашрама: "Сейчас Махатма М. живет большей частью вместе с Махатмой Кут Хуми, у которого есть дом на пути к горам Каракорум за Ладакхом, находящимся в Малом Тибете и относящимся в настоящее время к Кашмиру. Это большое деревянное строение, похожее на пагоду в китайском стиле, между озером и красивой горой".

Обучение, которое направлял Махатма Кут Хуми, было весьма интенсивным и разноплановым, но первые месяцы ушли на изучение, как это ни покажется странным на первый взгляд, английского языка, на котором Елене Петровне в будущем предстояло самостоятельно написать целый ряд фундаментальных трудов по истории и философии оккультизма. Также ей преподавался "Сензар (Zen-(d)-zar) — язык священнослужителей Древней Индии, которым пользовались только посвященные. Теперь тексты на этом языке обнаруживаются во многих нерасшифрованных рукописях. Еще и в настоящее время его изучают и применяют в среде восточных адептов, в тайных общинах, и называют, в зависимости от места, "Сензар" или "Брама-Бхашья", или "Дэва-Бхашья".

Обучение имело целью развить уже имеющиеся у Елены Петровны духовидческие способности, ибо именно они должны быть усовершенствованы для выполнения возложенной на нее миссии — передачи основ Древней Мудрости Востока на Запад. Впоследствии Елена Петровна неоднократно заявляла, что крупные ее произведения, "Разоблаченная Изида" и "Тайная Доктрина", ей диктовались, что "каждая крупица знания, изложенная в этой или позднейших работах, исходит из учений наших Восточных Наставников; и что многие отрывки в этих трудах были написаны под их диктовку. Я не утверждаю этим чего-то сверхъестественного, так как такая диктовка не представляет из себя чуда. Любой трезвомыслящий человек, знающий сегодня о многообразных возможностях гипнотизма (принятых и исследованных нынешней наукой) и о феномене передачи мысли, легко признает, что если гипнотизируемый субъект, простой невменяемый медиум, слышит невысказанную мысль своего гипнотизера, который может таким образом передавать первому свою мысль, — чтобы быть способным даже повторять слова, ментально вычитываемые гипнотизером из книги, — то тогда мое заявление не содержит ничего невозможного. Для мысли не существует пространства и расстояния; и если два человека находятся в прекрасной взаимной психо-магнетической связи, и из этих двух один — великий адепт оккультных знаний, то передача мысли и диктовка целых страниц на расстоянии в десять тысяч миль становится столь же легкой и понятной, как и передача двух слов в комнате".

11 ноября 1870 года, во время пребывания Елены Петровны в Тибете, ее теткой Н.А. Фадеевой было получено письмо. В 1884 году она писала об этом событии полковнику Олькотту из Парижа: "Случилось так, что я чудесным образом получила письмо. В то время моя племянница была на другом конце света, и никто точно не знал, где она находилась. Это обстоятельство заставляло нас очень беспокоиться. Все наши поиски закончились безрезультатно. Мы уже были готовы поверить, что ее нет в живых, но где-то в 1870 году или немного позднее, я получила письмо от того, кого вы, по-моему, называете Кут Хуми. Мне его доставил самым невероятным и таинственным образом некий посланец с азиатскими чертами лица, который затем исчез прямо у меня на глазах. В письме содержалась просьба не беспокоиться за судьбу Елены и уверения, что она в полной безопасности…" В настоящее время это письмо хранится в архиве Теософкого общества. Само письмо написано на французском "почерком" Учителя Кут Хуми: "Достопочтимой госпоже Надежде Андреевне Фадеевой, Одесса. Уважаемым родственникам мадам Блаватской

нет причин для беспокойства. Ваша дочь и племянница не покинула этот мир. Она жива и желает передать тем, кто ей дорог, что у нее все хорошо и что она счастлива в своем далеком убежище. Она была очень больна, но это уже позади, ибо она находится под защитой Господа Сангьяса (Владыка Будда. — *О.Б.)*и нашла преданных друзей, охраняющих ее физически и духовно. Поэтому будьте спокойны. Через восемнадцать месяцев она вернется в семью".

Societe Spirite. Одесса. Париж

Итак, долгое и ответственное обучение было завершено, и летом 1871 года Елена Петровна покинула Индию и направилась на Кипр и в Грецию, где встретилась с Учителем Илларионом. Далее ее путь лежал в Каир. В греческом порту Пирей она села на пароход "Эвномия", который оказался груженым порохом и фейерверками и направлялся в Александрию. 6 июля 1871 года вблизи одного из ионических островов, острова Спеце, разыгралась настоящая трагедия — пароход взорвался и затонул. Из более четырехсот пассажиров спаслись только шестнадцать, и среди них Елена Петровна. Пропали все ее вещи и документы.

Добравшись до Каира, Елена Петровна предприняла попытку создать спиритуалистическое общество с целью изучения психических явлений с вынужденным привлечением теории и философии основателя спиритуализма Аллана Кардека. Его учение о духе, изложенное в одноименной работе "Книга Духов", завоевало широкую, поистине мировую популярность, и Елене Петровне предстояло в рамках создаваемого общества открыть со временем людям глаза на настоящее положение вещей, показать разницу между пассивным медиумом и активным творцом феноменов. К сожалению, медиума для демонстраций феноменов в Каире не нашлось, она писала в Англию и Францию, но также не смогла найти никого достойного. Тем временем сотрудники, члены вновь образованного общества, оказались самыми обыкновенными мошенниками, обманывавшими людей, которые пришли изучать феномены. И ей пришлось выдворить их и закрыть общество.

Она вспоминала: "Societe Spirite не просуществовало и двух недель — оно лежит в руинах — величественных, но вместе с тем поучительных, как и гробницы фараонов… Комедия смешалась с драмой, когда меня чуть не застрелил один сумасшедший грек, который присутствовал на тех двух публичных сеансах, что мы успели дать, и, похоже, сделался одержим каким-то порочным духом.

… Я клянусь навсегда покончить с подобными сеансами — они слишком опасны, а у меня нет опыта и не хватает сил, чтоб справляться с нечистыми духами, которые могут подступиться к моим друзьям во время таких собраний".

К началу каирского периода, октября 1871-го — апреля 1872 года, относится также знакомство Елены Петровны с Эммой Каттинг, впоследствии Куломб, очень помогшей ей в Каире после кораблекрушения, а впоследствии в 1880-х годах в Индии

сыгравшей трагическую роль в ее судьбе. К каирскому периоду относится и смерть Агарди Митровича, большого друга ее семьи, которого Блаватская пыталась спасти, как и в 1850 году в Константинополе, но не смогла.

На пути в Одессу Елена Петровна, выполняя поручения Учителя, посетила Грецию, Сирию, Константинополь и другие места и приехала к одесским родственникам в июле 1872 года.

О дальнейших перемещениях Елена Петровна писала Синнету: "В марте 1873 года из Одессы отправилась в Париж вместе со своим кузеном Николаем Ганом, сыном дяди Густава Гана (брата отца) и графини Адлерберг, остановилась, по-моему, на Университетской улице, д. 2, затем в июле этого же года поехала, как было приказано, в Нью-Йорк. С этого момента пусть люди знают все. Все открыто".

Родственников она до 1873–1874 годов, т. е. до периода, когда началась ее общественная и литературная деятельность, не посвящала в свои планы, и те долгие годы не могли понять, кто и что ее руководит, каковы мотивы ее поступков и намерения. Она справедливо опасалась, что они не поймут и не примут ее связи с Гималайскими Братьями.

Она вспоминала: "Начиная с 17 и до 40 лет, я старалась стереть все следы моих путешествий. Когда я была в Италии, где училась у местной ведуньи, я свои письма посылала в Париж, чтобы оттуда пересылали их моим родным. Единственное письмо из Индии они получили от меня, когда я оттуда уже уехала. Когда я была в Южной Америке, мои письма посылались из Лондона. Я никогда не давала людям знать, где я нахожусь и чем я занимаюсь. Им бы больше нравилось, если бы я была обыкновенным человеком, а не исследователем оккультизма. Только тогда, когда я вернулась домой, я рассказывала тете о том, что письмо, которое она получила от К.Х., не было письмом от какого-то духа, как все об этом подумали. У тети были доказательства, что это живые люди, но она их считала продавшимися сатане. Теперь вы видели ее, это — деликатнейший, прекраснейший человек. Она готова свою жизнь, деньги, все, что ей принадлежит, отдать другим. Но, что касается ее религии, тут она превращается в фурию. Я никогда не говорила с нею об Учителях".

В другом письме Елена Петровна писала: "Все расскажу, как следует, все что ни делала, двадцать лет и более, смеясь над тем, "что скажут люди", скрывая следы того, чем действительно занималась, т. е. изучением оккультизма, ради родных и семейства, которые тогда прокляли бы меня".

Перед отплытием из Франции в Нью-Йорк произошло весьма

характерное для Елены Петровны событие. На следующий день после получения указания от Учителя выехать в Америку, она прибыла в Гавр, имея на руках билет первого класса. Уже на пристани во время посадки на пароход она увидела плачущую женщину с двумя детьми и спросила, почему та в слезах. Из ответа выяснилось, что женщина направлялась к мужу в Америку и приобрела для себя и детей билеты в третий класс, оказавшиеся поддельными. Что теперь ей делать в незнакомом городе без гроша в кармане, где искать мошенников, продавших ей поддельные билеты, она не знала. Елена Петровна просила женщину следовать за ней и обратилась к агенту пароходной компании с просьбой поменять ее билет в первый класс на билеты в третий для себя и женщины с детьми. По пути корабль попал в бурю, и пятидневное путешествие превратилось в двухнедельную пытку, особенно для пассажиров бедных классов, пересекавших океан, не имея элементарных удобств.

Миссия в Америке

В июле 1873 года Елена Петровна прибыла в Нью-Йорк, и 22 сентября она подала заявление на получение гражданства США. Видимо, она стала одной из первых русских женщин, эмигрировавших в эту страну. На первых порах, не имея наличных денег, поскольку задерживался перевод от отца, ей пришлось подыскать самое недорогое жилье в женском общежитии на Мэдисон-стрит, 222.

Через владельца здания удалось найти работу — изготовлять рекламные карточки для фабрики по производству рубашек. Также она пробовала делать украшения из кожи, но заказов было немного, и дело не пошло. Основное время уходило на литературную работу, переводы на русский язык спиритуалистических книг.

Она встретилась в Итаке, штат Нью-Йорк, с одним из самых видных спиритуалистов Америки — профессором Хайрамом Корсоном из Корнуэльского университета. Впоследствии она так писала ему о цели своего приезда в Америку: "Я послана сюда, в эту страну, моей Ложей, дабы сказать правду о современном спиритуализме, и мой самый святой долг — раскрывать то, что есть на самом деле, и разоблачать то, чего нет. Быть может, я появилась лет на 100 раньше, чем следовало… ибо люди с каждым днем все меньше беспокоятся о правде и с каждым часом все больше о золоте, и поэтому от моих слабых протестов и усилий будет немного проку". Она объясняет профессору, что ее интерес к спиритуализму вызван не "вечно обманывающими мошенниками-медиумами, ничтожными орудиями неразвитых духов низшей сферы, древнего Гадеса". И заверяет его: "Моя вера основывается на чем-то более древнем, нежели рочестерские стуки, и исходит из того же источника, к которому обращались Раймунд Луллий, Пико делла Мирандола, Корнелий Агриппа, Роберт Флудд, Генри Мор и т. д. и т. п., словом, все, искавшие систему, которая позволила бы заглянуть в самые глубины божественной природы и познать подлинные узы, связующие все сущее. В конце концов — много лет назад — я утолила умственную жажду в этой теософии, которой учат ангелы… для помощи человеческой судьбе". "Идеалы и вера почти везде утрачены! Лженаука их уничтожила, — говорила она. — Люди нашего века требуют научного оплота, научных доказательств бессмертия духа: древняя эзотерическая наука — Оумная религия церкви (от санскритского слова Оум, или Аум, — Высшая Сила), как называли ее наши православные отцы — даст им их!"

Е.П. Блаватская. Нью-Йорк. 1870-е гг.

Получив наконец-то средства из России, Елена Петровна переехала в комнату на 14-ю улицу в дом № 4, а затем жила в квартирах на Юнион-сквер, на 16-й Ист-стрит и на Ирвинг-плейс. Оказалось, что деньги перестали поступать по причине смерти ее отца, Петра Алексеевича Гана, скончавшегося 15 июля 1873 года в Ставрополе. Семья же Елены Петровны не знала ее адреса в Нью-Йорке, им удалось связаться с родственницей при посредничестве российского консула в США.

14 ноября 1874 года в маленьком городке Читтендене, на ферме братьев Эдди, происходит встреча Елены Петровны Блаватской и полковника Генри Стил Олькотта, положившая начало теософскому движению в Америке.

Позднее, в 1880-х годах, Учитель Елены Петровны Махатма М. поведал миру о том историческом событии в истории оккультизма в одном из писем, вошедших в знаменитый том "Письма Махатм А.П. Синнетту": "Один или двое из Нас надеялись, что мир достаточно хорошо развит, если и не интуитивно, то хотя бы умственно, чтобы оккультное учение было воспринято интеллектом и дало импульс новому витку оккультных исследований… Просматривая все вокруг, мы нашли человека, способного стать лидером, — он обладал огромным моральным мужеством, был неэгоистичен и имел множество других хороших качеств. Он был далеко не лучшим из возможных, но… лучшим из всех, кто был (речь идет о Г.С. Олькотте. — *О.Б.*). С ним Мы связали Е.П.Б. (Елену Петровну

Блаватскую. — *О.Б.*) — она обладала совершенно чудесными и исключительными дарованиями. Вместе с тем, у нее было множество явных личных недостатков, но и в том виде, как она была, не было никого из живущих, кто мог бы сравниться с ней по степени пригодности для этой работы. Мы послали ее в Америку, свели их вместе — и испытание началось. С самого начала ей и ему ясно дали понять, что исход дела всецело зависит от них самих. И оба они предложили себя для этого испытания, за некоторое воздаяние в далеком будущем, как, бывало, говорил К.Х., — в качестве солдат, добровольно вызвавшихся на безнадежное дело".

Помимо уже упоминавшейся школы спиритизма француза Аллана Кардека в 1848 году в США возникла так называемая спиритуалистическая школа, на основе феноменов, "рочестерских стуков", связанных с сестрами Фокс из Хайдвилла, близ Рочестера, штат Нью-Йорк. И в Европе, и в США это проявление неведомых доселе сил стало стремительно распространяться и в короткое время охватило всю страну. Оно сопровождалось многими проявлениями эксцентричности, доходившими порою до фанатизма. Это было подобно эпидемии, и в спиритических сеансах и кружках участвовали не только необразованные или легковерные люди, но и вполне респектабельная публика, люди высшего света, немало известных персон. Однако ни наука, ни церковь не могли объяснить причины этих явлений, отсюда и возник целый океан самых разнообразных и противоречивых толкований. Так, например, спиритуалисты почти единогласно отрицали доктрину перевоплощения, а спириты основывали свои соображения именно на нем.

В то время, когда состоялась встреча полковника Олькотта с Е.П. Блаватской, первый был убежденным и увлеченным спиритуалистом, но она к спиритуализму относилась критически. При этом в 1870-х годах ее способности ясновидения были в полном расцвете: "Я никогда не была знакома ни с одним медиумом и никогда не была ни на одном спиритическом сеансе, — писала она в одном письме, — до марта 1873 г., когда присутствовала на одном в Париже, на пути в Америку. Только в августе 1873 года я впервые в моей жизни познакомилась с учениями спиритов. До этого времени у меня было лишь общее и очень неясное представление об учении Алана Кардека. Но когда я услыхала американские спиритуалистические претензии о "Летней Земле", Summer Land, и т. п., я категорически все это отвергла… Еще раз повторяю, что я никогда не была спиритуалисткой… Я всегда была убеждена в истинности медиумических феноменов, и если признавать, что такие

явления, совершаемые через организм человека его волей или каким-либо другим посредничеством, означает быть "спиритуалистом", то тогда, конечно, я была "спириуалисткой" уже 50 лет тому назад, т. е. задолго до рождения современного спиритуализма.

Е. П. Блаватская и Г. С. Олькотт

В начале 1872 года, после возвращения из Индии, я в Каире попыталась создать Спиритуалистическое Общество по методу Алана Кардека (иного не знала), имея целью произведением феноменов подготовить людей к оккультной науке. У меня были там два несовершенных французских медиума, которые открыли мне такие медиумистические трюки, каких я и во сне не могла бы увидеть. Я тогда прервала сеансы…"

В "Теософском словаре" Елена Петровна дала такое определение спириуализму: "Спиритуализм. В философии — мировоззрение, противоположное материализму или материалистическому представлению о сущем. Теософия — доктрина, которая учит, что все сущее одушевлено или преисполнено Всемирной Душой, или Духом, и что ни один атом в нашей Вселенной не может пребывать вне этого вездесущего Принципа, — есть подлинный спиритуализм. Что же касается верования, выступающего под этим названием, а именно верования в постоянное общение живых с умершими, посредством ли собственных медиумических способностей или через так называемого медиума, то это не что иное, как материализация духа, низведение, деградация человеческой и

божественной души. Верующие в подобные сношения попросту порочат умерших и постоянно кощунствуют. В древности это справедливо называлось "некромантией". Но наши современные спиритуалисты оскорбляются, когда слышат эту простую истину".

Много позднее, в апреле 1886 года, в письме к теософу д-ру Гартману Елена Петровна емко обрисовала ситуацию, в которой начиналось теософское движение в США: "Я была послана в Америку с конкретной целью и послана к Эдди. Там я встретила Олькотта, увлеченного духами… Мне было велено довести до его сознания, что спиритические явления без оккультной философии опасны и вводят в заблуждение. Я доказала ему, что все, совершаемое медиумами через так называемых духов, другие (люди) могут делать по собственному желанию, обходясь без духов вообще; что колокольчики и чтение мыслей, стуки и физические феномены могут осуществляться любым человеком, кто в своем физическом теле способен действовать посредством органов тела астрального; сама я обладала этими способностями с четырехлетнего возраста, и вся моя семья знала об этом. Я могла двигать мебель и удерживать предметы в воздухе своими астральными руками, которые при этом оставались невидимыми; все это вообще даже до того, как узнала об Учителях.

Так вот, я рассказала ему все как есть. Я сказала ему, что мне известны Адепты, "Братья", не только в Индии и за Ладакхом, но также в Египте и Сирии, ибо "Братья" есть там и по сей день".

Сестре она также объясняла вред медиумизма и его спиритуалистического толкования: "Чем более вижу я спиритических сеансов в этой колыбели и рассаднике спиритизма и медиумов, тем яснее вижу, как они опасны для человечества. Поэты говорят о тонкой перегородке между двумя мирами — перегородки нет никакой! Слепые люди вообразили какие-то преграды потому, что грубые органы слуха, зрения и ощущений наших не позволяют большинству их проникнуть в разность бытия. Впрочем, мать природа хорошо сделала, наградив нас грубыми чувствами; иначе индивидуальность и личность (personnalite) человека сделались бы невозможными, потому что тогда мертвое постоянно бы смешивалось с живым, и живые люди ассимилировались бы с умершими… Еще если бы вокруг нас существовали однородные духи, полудуховные отбросы смертных, умерших не примирившись с великою необходимостью смерти, можно было бы помириться с неизбежным…

… Но есть другой, исключительный закон, который проявляется периодами и спорадически: это закон как бы искусственной, насильственной ассимиляции. Во время подобных эпидемий царство мертвых вторгается в область живого; хотя, к

счастию, эти отбросы его связаны узами былых условий и не могут, по вызовам медиумов, нарушать границ и пределов, в которых действовали и жили… И чем шире открыты им двери, чем сильнее распространена некромантическая зараза, чем дружнее желания медиумов и спиритов распространяют магнетический ток своих призывов, тем более сил и жизненности приобретает наваждение.

…Часто я с ужасом и отвращением наблюдала, как отделялась такая ожившая тень из внутренностей медиума; как, выделяясь из его астрального тела, в чужой оболочке называлась якобы своим близким, умиляя их до восторга, заставляя широко открывать сердца и объятия этим теням, которых они искренне считали своими дорогими отцами и братьями, воскресшими для убеждения их в вечной жизни и свидания с ними… А если бы знали они правду! Если бы верили ей!.."

Из письма Елены Петровны генералу Липпиту: "Приближается время, и спиритуализм должен быть очищен от ошибочных толкований, суеверных и невежественных понятий… Он должен стать наукой о законах Природы… а не капризом слепой силы и материи".

Сотрудничество с Джерри Брауном

Блаватская и Олькотт подружились и с течением времени стали единомышленниками. Ее дружеское участие помогло полковнику вступить в переписку с Учителями, письма которых он хранил до конца жизни. Одним из первых совместных дел стало их участие в работе бостонского спиритуалистического журнала "Spiritual Scientist", возглавляемого Джерри Брауном. Елена Петровна попыталась реформировать американский спиритуализм, направив его в философское русло, а также оказать бедному издателю журнала посильную материальную помощь, привлекая новых подписчиков. Об этом ее просили Учителя, обратившие внимание на молодого независимого издателя, предложив опубликовать обращение к спиритуалистам Америки, так называемое "Послание из Луксора".

"Специально для спиритуалистов.

Спиритуалистическое движение подобно любому другому в том отношении, что его развитие — это вопрос времени, а его совершенствование — это результат внутренней работы… Прошло двадцать семь лет со дня первого толчка в Западном Нью-Йорке, породившего большое количество спиритуалистов, и все большее число лучших умов стремится понять и исследовать законы явлений, лежащих за пределами обыденного.

До сих пор эти передовые умы не имели своего издания для обмена мнениями… "Spiritualist" в Англии и "La Revue Spirite" во Франции представляют собой примеры газет, которые давно должны издаваться и в этой стране…

Американский спиритуализм постоянно упрекают в том, что он не много дает думающему человеку, и слишком малое число явлений происходит в условиях, удовлетворяющих взыскательных ученых… До сих пор лучшие идеи находились в книгах, цены на которые недоступны для большинства. Чтобы исправить это зло… в настоящее время объединились несколько честных спиритуалистов… Вместо того, чтобы затевать сомнительный и дорогостоящий эксперимент по созданию новой газеты, они выбрали бостонский "Spiritual Scientist" как печатный орган нового движения…

От Комитета Семи, Братство Люксор".

Это послание было опубликовано в журнале в апреле 1875 года и стало, вероятно, одной из самых первых вестей Учителей миру, посланных через Елену Петровну и Олькотта. После первой публикации Елена Петровна отвечала на многочисленные вопросы, касавшиеся таинственного Братства Люксора: "Братство

Люксор — это одна из секций Великой Ложи, членом которой я являюсь".

Как следует из письма Учителя Сераписа Г.С. Олькотту, Братство возлагало надежды на союз трех способных сотрудников: Е.П. Блаватской, Г.С. Олькотта и Дж. Брауна: "Брат мой, это трудная задача для вас, но ваша преданность и бескорыстное служение Делу Правды поддержит вас и придаст силы. Это Дело в вашей стране зависит от тесного союза между вами тремя, выбранными нашей Ложей. Вы все трое такие разные и в то же время так связаны друг с другом, объединены в одно целое непогрешимой мудростью Братства. Будьте мужественны и терпеливы, Брат, и идите вперед!"

Елена Петровна активно писала для журнала Джерри Брауна, привлекая внимание общественности к вопросам спиритуализма и оккультной философии. Сотрудничество продолжалось около полугода, но Браун так и не смог расширить свое понимание природы оккультных явлений и встретил в штыки исходившие от Елены Петровны предупреждения об опасностях медиумизма.

Позднее, в 1878 году, когда журнал Брауна разорился, она запишет в свой альбом: "Браун, издатель и медиум в одном лице, отблагодарил нас за нашу помощь. Вместе с полковником Олькоттом мы потратили свыше 1000 долларов на покрытие его долгов и в поддержку его журнала. Шесть месяцев спустя он стал нашим смертельным врагом, только потому, что мы провозглашали свое неверие в спиритов… Постоянный поток брани и издевательств против нас в его журнале, а также и в других, и, в конце концов, банкротство, без единого намека на благодарность, извинения или сожаление. Таков Джерри Элбридж Браун, спиритуалист. О, благодарное человечество!.."

Доверившись Бетанелли

Испытания первых лет жизни в Америке оказались для Елены Петровны исключительно тяжелыми. К концу 1874-го и началу следующего года относится также знакомство и краткое замужество Елены Петровны с Михаилом Бетанелли, грузином, приехавшим в то время в Америку с целью открыть свое дело.

Олькотт впоследствии так описывал события знакомства Елены Петровны и Михаила Бетанелли: "Одно из моих писем из Читтендена, опубликованное в "Daily Graphic", заинтересовало мистера Бетанелли, выходца из России, и побудило его написать мне письмо из Филадельфии, в котором он выразил сильное желание встретиться с моими коллегами и поговорить о спиритуализме. С ее стороны не было возражений, он приехал в Нью-Йорк в конце 1874 года, и они встретились. Случилось так, что от нее он сразу пришел в состояние восторга, которое выразил на словах, а позднее и в письмах к ней и ко мне. Она неизменно отвергала его матримониальные притязания и очень сердилась из-за его глупой настойчивости. Единственным последствием этого было то, что он стал еще более преданным и в конце концов начал угрожать покончить с собой, если она не примет его предложения".

Также этот молодой человек обещал финансово помогать теософскому проекту в Америке, потому основной причиной согласия Елены Петровны на этот брак было желание способствовать делу Учителей в Америке. Так одновременно сложились обстоятельства, что приобретенная ею в 1874 году ферма на Лонг-Айленде не приносила никакого дохода. Более того, ее компаньонка по этому проекту, по существу, разорила дело, и Елене Петровне, оказавшейся в долгах, пришлось подавать в суд на возмещение убытков. При отсутствии своих средств и поверив уверениям молодого Бетанелли, что он всего себя отдаст работе на общее дело, Елена Петровна пожертвовала собой. Позднее она признавалась, что это было несчастье, которого она не смогла избежать. Их судьбы были на время связаны неумолимой кармой, и "этот союз являлся для нее своего рода наказанием за ужасную гордость и воинственность, которые стали помехой на пути ее духовной эволюции, в то время как для молодого человека в этом не было никакого вреда".

Официально бракосочетание состоялось в марте 1875 года. Но супруг, как только брак был заключен, моментально забыл о своих обещаниях и стал невыносимо назойливым к ее огромному негодованию.

Зимой того же года она, передвигая кровать в своей комнате, сильно повредила ногу, результатом чего явилось воспаление надкостницы, далее последовала серьезная почти пятимесячная болезнь, едва не стоившая Елена Петровне жизни.

Ситуация была настолько критической, что Махатма Серапис писал Олькотту: "Выполнение ею своего долга сопряжено с опасностью, и может так случиться, что вы оба потеряете Сестру — таково Провидение…

Ей предстоит еще раз пережить этот ужас, хотя она думает иначе. Она должна или победить, или пасть жертвой… Одинокая, беззащитная и все-таки бесстрашная — она встанет перед лицом опасностей великих, неведомых, таинственных, ей уготована встреча с ними… Брат мой, я не имею возможности ничего для нее сделать. Суровый закон Ложи давлеет над нею, и он ни для кого не может быть смягчен. Но как Эллорианин (член индийского отделения Эллоры Великого Братства. — *О.Б.*), она, возможно, и заслужит такое право. Окончательный результат страшного испытания зависит от нее и только от нее, а также от сострадания двух ее братьев — Генри и Элбриджа, от силы их воли, направляемой к ней, где бы она ни находилась. Знай, о Брат, что такая сила воли, укрепляемая искренней любовью, оградит ее мощным непробиваемым щитом, созданным чистыми и добрыми пожеланиями двух бессмертных душ, охваченных сильным желанием видеть ее победителем… Молитесь за нашу Сестру, она заслуживает этого. Серапис".

Летом Учитель Серапис вновь писал Олькотту о состоянии Елены Петровны, призывая того к участию и помощи страдающей душе тяжелобольной Блаватской: "Она чувствует себя несчастной, и в горькие часы душевной муки и печали ищет твоего дружеского участия и совета. Посвятив себя Великому Делу Правды, она отдала ему всю себя без остатка. Она вышла замуж за этого человека, поверив, что он принесет пользу делу… и без колебаний связала себя с тем, кого не любила… Закон самопожертвования заставил ее принять этого ловкого малого…

Чаша горечи испита ею до дна, о Брат. Надвигается тень мрака… Туже и туже затягивается безжалостный узел; будь же добр и милостив к ней, Брат… и, оставляя в пустыне слабого и глупого негодяя, судьбою предназначенного ей в мужья… пожалей его — того, кто полностью отдав себя Стражу, заслужил свою судьбу. Его любовь к ней прошла, священное пламя угасло, превратившись в горстку пепла. Он не прислушался к ее предостережениям; он ненавидит Джона (Джон Кинг, один из Братьев. — *О.Б.)* и боготворит Стража, поддерживая с ним постоянный контакт. По его совету, будучи на грани банкротства,

он хотел тайно уехать в Европу, оставив ее без средств. Если мы не поможем ему для блага нашей Сестры, ее жизнь будет разбита и пройдет в бедности и болезнях…

Вы трое должны сами трудиться ради своего будущего. Настоящее нашей Сестры покрыто мраком, но у нее может быть яркое будущее. Все зависит от вас и ее самой. Пусть ваша Атма усилит вашу интуицию… Вы не должны расставаться с Еленой, если желаете быть посвященным. Но с ее помощью вы сумеете преодолеть эти испытания. Они тяжелы, и вы, возможно, не однажды придете в отчаяние, но я молюсь за вас. Поймите, что многие трудились долгие годы, чтобы получить те же знания, которые даны вам за несколько месяцев… Поддерживайте тесную связь с ней, сопровождайте повсюду, куда бы ни забросила ее судьба, направляемая мудростью Братства. Пытайтесь воспользоваться хорошей возможностью. Успех придет к вам. Пытайтесь помочь этой несчастной женщине с разбитым сердцем, и ваши благородные усилия увенчаются победой…

Пытайтесь помочь в денежном вопросе и решить его… к третьему числу следующего месяца… Деньги наверняка придут к ней — для вас это будет просто… Бедная, бедная Сестра! Целомудренная и чистая душа подобна жемчужине, скрытой в грубой оболочке. Помогите ей преодолеть эту напрасную грубость, и каждый увидит ослепительный божественный Свет из-под внешнего покрова. Мой братский вам совет: оставайтесь в Бостоне. Не бросайте ее дело, свое счастье, спасение вашего младшего брата. Пытайтесь. Ищите, и вы найдете. Просите, и вы получите… Присмотрите за ней, Брат мой, простите ей кипение страстей, будьте терпеливы, милосердны и все, что вы отдаете, вернется вам сторицей…

Ваша задача в Бостоне, Брат, на ближайшее время выполнена… Уезжайте с миром, и постарайтесь с пользой провести ваше время. Джон Кинг займется филадельфийской проблемой (то есть разводом с Бетанелли. — *О.Б.*); нельзя позволять ей страдать из-за этого нечистого, разочаровавшегося, ничтожного негодяя. В критический момент, при некоторых обстоятельствах, ей может прийти в голову отчаянная мысль вернуться в Филадельфию к своему мужу. Не позволяйте ей делать это. Брат мой, в крайнем случае, скажите ей, что в Филадельфию вы едете вместе, а билеты возьмите до Нью-Йорка, не далее. Прибыв туда, найдите для нее подходящую квартиру и не упускайте ее из виду ни на один день. Постарайтесь убедить ее остаться там, так как если она хоть на несколько часов окажется в обществе этого презренного смертного, то сила ее воли ослабнет, а поскольку сейчас она находится в переходном состоянии,

магнетизм, окружающий ее, должен быть чистым. И ваш собственный прогресс может быть замедлен подобными событиями…"

Надо отметить, что работать во время болезни она не прекращала ни на один день, занимаясь статьями для журналов и газет и переводами на русский язык западных философских и научных трудов. Исключения составляли те дни, когда она находилась без сознания. Психофизическое лечение проходило очень трудно, но успешно закончилось. Особенно помогла помощь Брата, Джона Кинга, который, как она сообщала друзьям, спасал ею от смерти неоднократно и ранее. Ногу удалось вылечить именно тогда, когда докторами уже было принято решение об ампутации ноги, в которой прогрессировала гангрена. Она все же смогла, как только ей стало лучше, навсегда удалить от себя и Бетанелли, который в конце концов подал на развод, оформленный в мае 1878 года.

Помощь Учителя

Весной 1875 года Блаватская записывает в своем альбоме указание Учителя: "Велено начать говорить публике правду о феноменах и об их медиумах. Теперь-то и начнется мое мученичество! Против меня будут все спиритуалисты вкупе с христианами и скептиками! Да свершится, о М., Воля Твоя!"

Период после излечения был знаменателен получением Елены Петровны от Учителя огромной силы психических токов, помогавших организму окрепнуть, а душе получить новый запас знаний. Она писала сестре: "Не бойся, что я сошла с ума. Все, что я могу сказать — кто-то положительно вдохновляет меня, более того, кто-то входит в меня. Это не я говорю или пишу; это что-то внутри меня, мое высшее и светлое "Я" думает и пишет за меня. Не спрашивай меня, мой друг, о моих ощущениях, я не смогу объяснить, как это происходит. Я не знаю сама! Лишь одно я знаю, что теперь, приближаясь к преклонному возрасту, я стала чем-то вроде кладезя знаний для окружающих… Кто-то приходит и обволакивает меня как бы туманным облаком и выталкивает из меня мое "Я", и тогда я больше не "Я" — Елена Петровна Блаватская — а кто-то другой. Кто-то могущественный и сильный, родившийся в совсем другой части земли; а что до меня, я как будто бы сплю или лежу почти без сознания, не в своем теле, но близко, только нитью связанная с ним.

Тем не менее, временами я все вижу и слышу абсолютно ясно; я полностью осознаю, что говорит и делает мое тело, или, по крайней мере, его новый обладатель.

Я все понимаю и помню так хорошо, что позже я могу повторить и даже записать Его слова… В такие моменты я вижу благоговение и испуг на лицах Олькотта и других и с интересом наблюдаю, как Он почти с сочувствием смотрит на них моими глазами и обращается к ним моими устами. И все же воздействует не моим умом, а своим собственным, обволакивающим мой мозг, как облако. Ах, но я не могу все это объяснить толком".

В другом письме: "Тебе кажется странным, что какой-то Индусский Хозяин так свободно и легко общается со мной. Я вполне могу понять тебя; человек, не знакомый с феноменами такого рода (хотя и не совсем невероятными, но совершенно непризнанными), отнесется к ним с недоверием. По очень простой причине, — такой человек не привык углубляться в подобные вопросы.

Например, ты спрашиваешь, может ли он вселяться в других

людей, так же как в меня. Точно я не знаю, но кое-что мне известно совершенно определенно: что человеческая душа (его настоящая живая душа) совершенно свободна от остального организма; что эта душа не приклеена к физическим внутренностям; и что эта душа, которая находится во всем живом, начиная с инфузории и кончая слоном, отличается от своего физического двойника только тем, что, обладая бессмертием, она способна к самостоятельным и независимым действиям. Если его душа непосвященного профана, она проявляет себя во время его сна; душа посвященного адепта проявляется в любой нужный ему момент, подчиняясь его воле. Постарайся усвоить это, и тогда многое станет тебе ясно.

Это было известно, и в это верили с древних времен. Святой Павел, единственный из всех апостолов был посвященным адептом в Греческих Таинствах, прозрачно намекал на это, рассказывая, как он "попал на третье небо" то ли в телесной оболочке, то ли без нее, я не могу сказать "Бог знает". Так же Роде говорит о Петре: "Это не Петр, а его ангел", так сказать, его двойник или его душа. А в Деяниях Святых Апостолов (гл. 8, ст. 39) говорится, что когда Дух Божий поднял Филиппа и перенес его, он не его тело перенес, не его плоть, но его эго, его дух и его душу. Почитай Апулея, Плутарха, Ямвлиха и других ученых мужей — они все намекали на подобные феномены, несмотря на то, что клятвы, данные ими при посвящении, запрещали им говорить об этом открыто. То, что медиумы выполняют бессознательно, под влиянием охвативших их внешних сил, Адепты могут осуществлять по собственной воле…

Что касается Хозяина, я знаю его давно. Двадцать пять лет назад он приезжал в Лондон с принцем Непала, три года назад он прислал мне письмо с индийцем, і который прибыл сюда читать лекции о Буддизме. В этом письме он напомнил мне о многом, предсказанном им ранее, и спрашивал меня, согласна ли я подчиниться ему, чтобы избежать полного уничтожения (из-за врожденного медиумизма Елены Петровны. — *О.Б.*). После этого он часто являлся не только мне, но также другим людям, и Олькотту; ему он указал стать Президентом Общества, научив его, с чего начать. Я всегда узнаю Учителя и часто разговариваю с ним, не видя его. Как же получается, что он слышит меня отовсюду, и я тоже слышу его голос через моря и океаны по двадцать раз в день. Я не знаю, но это так. То ли он сам входит в меня, я не могу с уверенностью сказать; если это не он, то его сила, его влияние. Только благодаря ему я сильна; без него я ничто".

Создание Теософского общества

В июле 1875 года Елена Петровна записывает в альбом: "Из Индии получено указание основать философско-религиозное общество и найти для него название, также избрать Олькотта".

Первое собрание будущего Теософского общества состоялось 7 сентября 1875 года в нью-йоркской квартире Елены Петровны на Ирвинг-плейс, 46, где собралось почти два десятка человек, заинтересованных в изучении древней мудрости Востока. Инженером и архитектором Джоржем Генри Фелтом была прочитана лекция об утраченном каноне пропорций египтян, греков и римлян, встреченная с большим энтузиазмом собравшихся. После окончания лекции Генри Олькотт с согласия Е.П. Блаватской предложил создать новое общество, название, основные принципы и устав которого были согласованы на следующих собраниях. Серьезно обсуждался вопрос названия, предлагалось и египтологическое, и герметическое, и розенкрейцерское и ряд других, но в одном из словарей обнаружилось слово "теософия".

Елена Петровна в работе "Ключ к теософии" так объясняла смысл греческого названия общества: "Это "Божественная Мудрость" (Теософия), или мудрость богов (подобно тому) как (Теогония) — родословие богов. Слово по-гречески означает "бог", одно из божественных существ, но, конечно же, не "Бог" в том смысле, какой ему придают в наши дни. Следовательно, это не "мудрость Бога", как переводят некоторые, а божественная мудрость — такая, какой обладают боги. Этому термину много тысяч лет. Он пришел к нам от александрийских философов, называвшихся "любящими истину", филалетами, от — "любящий", и — "истина". Слово "теософия" датируется третьим веком нашей эры, и в употребление его ввели Аммоний Сакк и его ученики, положившие начало эклектической теософической системе".

Елена Петровна неоднократно объясняла задачи нового общества: "Теософы не могут не приветствовать любое движение, интеллектуальное или сугубо практическое, если его цель — улучшение состояния человечества (человеческого сознания. — *О.Б.*). Мы — друзья всех, кто борется против пьянства, жестокого обращения с животными, против несправедливого отношения к женщинам, коррупции в обществе или правительстве, хотя в политику мы не вмешиваемся. Мы — друзья тех, кто практикует милосердие, кто пытается хоть немного облегчить страдания бедняков. Но, в качестве теософов, мы не можем посвятить себя исключительно какому-то одному из этих больших дел. Каждый

из нас лично вправе это делать, но как у теософов у нас имеется более широкая, более важная и гораздо более сложная работа… Назначение теософов состоит в том, чтобы раскрывать человеческие сердца и разум для милосердия, справедливости и великодушия — свойств, отличающих род человеческий и естественных для того, кто развил в себе эти качества человеческого существа. Теософия учит животного человека становиться человечным человеком; и когда люди научатся мыслить и чувствовать так, как подобает истинно человеческим существам, они и действовать будут по-человечески, и милосердие, справедливость и великодушие станут естественной потребностью всех".

Она писала Олькотту: "Учитель послал меня в Соединенные Штаты, поставив передо мной цель сделать все, чтобы прекратить некромантию и неосознанную черную магию спиритуалистов. Мне нужно было встретить вас и изменить ваш образ мыслей, что я и сделала. Общество было сформировано, и постепенно в него были привнесены начала Учения из Тайной Доктрины — древнейшей школы Оккультной Философии, которую в прошлом реформировал Господь Гаутама. Это Учение нельзя было передать мгновенно. Его необходимо вливать постепенно, каплю за каплей".

Основными целями Теософского Общества были заявлены:

1. Создание ядра всеобщего братства человечества, без различия расы, вероисповедания, пола, касты или цвета кожи.

2. Изучение древних и современных религий, философии и наук и объяснение необходимости такого изучения.

3. Исследование необъясненных законов природы и психических сил, скрытых в человеке.

Официальной датой рождения нового общества принято считать 17 ноября 1875 года. В тот день в Нью-Йорке Генри Олькотт, избранный президентом Теософского общества, произнес речь, посвященную этому торжественному событию, завершив ее пророческими словами: "В будущем, когда беспристрастный историк станет писать труд, посвященный развитию религиозной мысли нашего столетия, он не сможет пройти мимо создания Теософского общества, на первом официальном собрании которого мы сегодня присутствуем". Организаторами общества стали: Генри С. Олькотт, президент; д-р С.Панкреаст и Дж. Х. Фелт, вице-президенты; Е.П. Блаватская, секретарь-корреспондент; Джон Сторер Кобб, секретарь-протоколист; Генри Д. Ньютон, казначей; Чарльз Сотеран, библиотекарь; преподобный Д.Г. Виджин, преподобный Р.Б. Вестбрук, Эмма Хардинг Бриттен, К.Е. Симонс, Герберт Д.

Моначези, члены совета, и Уильям К. Джадж, адвокат общества.

Елена Петровна писала о первой программе и истории создания Теософского общества: "Направленная в Соединенные Штаты в 1873 году для организации группы сотрудников, исследующих психические вопросы, автор через два года получила указания от своего Наставника и Учителя сформировать ядро действующего Общества, чьи задачи были определены следующим образом:

1. Всеобщее Братство;

2. Отсутствие различия между членами по национальности, вероисповеданию и социальному положению, но о всех членах следует судить только по их личным заслугам;

3. Изучать философию Востока и особенно индийскую, постепенно в различных печатных трудах знакомить общественность с эзотерическими религиями в свете эзотерических учений;

4. Противодействовать материализму и теологическому догматизму любыми возможными способами, демонстрируя существование в природе оккультных сил, неизвестных науке, и наличие психических и духовных сил в человеке; пытаться, в то же время, расширить кругозор спиритуалистов, показывая им, что существуют другие, многие другие феномены, помимо "Духов" умерших. Предрассудки должны быть публично разоблачены и уничтожены. Оккультные силы, полезные и вредные, окружающие нас и проявляющиеся всевозможными способами — выявят наши лучшие способности".

Махатма Кут Хуми писал о необходимости создания Теософского общества: "Старшие Махатмы желают, чтобы было положено начало "Братства Человечества", истинному Всеобщему Братству, которое должно быть проявлено по всему миру, и привлечет внимание высочайших умов". И добавлял: "… Нынешняя нарастающая волна феноменов с их различным воздействием на человеческое мышление и чувства превращает возобновление теософических исследований в неотложную необходимость. Единственная проблема практического плана — как лучше продвигать необходимое изучение и сообщить восходящий импульс спиритуалистическому движению… Под "безнадежным делом" я подразумевал следующее: если рассмотреть величие задачи, предстоящей нашим теософским добровольцам, а особенно, если взглянуть на множество сил, уже выстроившихся или собирающихся выстроиться, чтобы выступить против, — то мы можем сравнить выступление теософов с теми отчаянными усилиями, направленными против подавляющего превосходства противника, на которые решается истинный воин

во имя славы".

В "Ключе к теософии" Елена Петровна заявила о целях нового движения: "У нее (теософии. — *О.Б.)* несколько целей, но самые важные те, что могут привести к облегчению человеческих страданий любого рода — как физических, так и нравственных. И мы считаем, последние гораздо важнее. Теософия должна внушать этику; она должна очищать душу, ибо это принесет облегчение и физическому телу, болезни которого, за исключением несчастных случаев, являются лишь следствиями. Изучая оккультизм из эгоистических побуждений, для удовлетворения личных амбиций, гордости или тщеславия, нельзя достичь его истинной цели — помощи страдающему человечеству. Точно так же нельзя стать оккультистом, изучая лишь одну-единственную область эзотерической философии, — этого достигают, изучая (если не практикуя) все области".

"Разоблаченная Изида"

Летом 1875 года Елена Петровна начала записывать материал для своего первого крупного труда — "Разоблаченная Изида" (Isis Unveiled). Этот первоначальный материал также был написан ею по указанию Учителя. Поначалу она не представляла себе точный план книги, но уже в сентябре знала, что пишет книгу "по истории и философии Восточных Школ и их взаимоотношении с современностью". Она не скрывала, что работает над предметом, ею специально не изучавшимся, и приводила цитаты из книг, которые никогда в жизни не читала. Профессор Корсон из Корнуэльского университета, в доме которого Елена Петровна гостила в том период, нашел эти цитаты в классических трудах в университетской библиотеке и подтвердил их полную точность.

Через некоторое время после создания Теософского общества, в конце 1875 года, Е.П. Блаватская и Олькотт сняли две квартиры на 34-й Вест-стрит, 433, в Нью-Йорке, где работа над "Изидой" была продолжена и не прекращалась до 1877 года. Неутомимость и выносливость Елены Петровны, которая работала по 16–18 часов на книгой ежедневно, поразили Олькотта. Рукопись книги представляла собой разрезанные, склеенные, переклеенные листы. Страница могла состоять из десятка полосок с текстом, взятых с других страниц и склеенных вместе, соединенных отдельными словами или предложениями.

Полковник Олькотт, непосредственно участвовавший в работе над книгой, вспоминал: "Наблюдать за ее работой было для меня исключительным и незабываемым удовольствием. Обычно мы сидели за большим столом напротив друг друга, и она постоянно была у меня перед глазами. Ее перо прямо-таки летало по страницам; затем она могла неожиданно остановиться, смотреть отсутствующим взглядом в пространство, и затем, как бы увидев что-то невидимое, начинала это копировать на своем листе. Цитирование заканчивалось, ее глаза снова приобретали естественное выражение, и она продолжала писать до следующего перерыва".

В задачу полковника входило редактирование английского языка книги. В один из дней, когда уже было написано 870 страниц рукописи, Елена Петровна спросила Олькотта, согласится ли он с тем, что по настоянию Учителя следует полностью переписать книгу, начав все сначала.

Метод написания текстов книги был особенным, совершенно непохожим на обычные писательские приемы. Обладая

исключительными психическими силами ясновидения и яснослышания, Елена Петровна видела текст той или иной книги в астральном свете, или эфире, своим духовным зрением. Ей необходимо было записать на бумагу увиденное или, в случае необходимости, предварительно перевести нужное место из показанной книги на английский язык. Своим убористым почерком она исписывала по 25 страниц ежедневно.

Можно сказать, что "Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теософии" стала плодом коллективного труда нескольких Учителей, лучше владеющих той или иной темой исследования и указывавших Елене Петровне на нужные места в книгах, хранившихся в десятках библиотек по всему миру, и собственно Е.П. Блаватской, формулировавшей увиденное на английском языке и записывавшей готовый текст на бумагу, компоновавшей и выстраивавшей материал, делавшей те или иные акценты, выдерживая все в своем собственном литературном стиле.

Как вспоминал полковник Олькотт: "Большая разница в стилях, которыми написаны ее рукописи, иногда отличающихся совершенством, неопровержимо доказывает, что это была работа не одного ума. Различия в почерке, в ментальном методе, литературных приемах и в стилях подтверждают эту мысль…

Каждое изменение в почерке сопровождалось изменением в манере, настроении, выражениях и литературных способностях Е.П.Б. Когда она обходилась только своими силами, это нетрудно было заметить. Из-за некоторой неопытности ей приходилось прибегать к исправлениям, а когда такие листы передавались мне для правки, в них были ошибки и неточности…

Излишние замены старых "копий" на новые, перестановки из одной главы в другую, из одного тома "Разоблаченной Изиды" в другой, замедляли ее работу, когда она находилась в нормальном состоянии, и, как следствие, предполагали болезненную борьбу "неопытной руки" с гигантской литературной задачей. Без знания английской грамматики и литературных приемов, без привычки к длительному писательскому труду, но, обладая безграничной храбростью и умением концентрировать свои мысли, что почти несовместимо, она неделями и месяцами продвигалась по пути к своей цели, выполняя указания своего Учителя. Этот литературный подвиг превосходит все ее феномены".

Учитель Кут Хуми сообщал Альфреду Синнету осенью 1882 года: "Е.П.Б. была первая, кто, действуя по приказам (Брата) Атриа (Некто, кого вы не знаете), объяснила в "Spiritualist" разницу между psyche и nous, nefesh и ruach, между Душой и Духом. Ей пришлось представить весь арсенал доказательств,

цитаты из Павла и Платона, из Плутарха и Джеймса и т. д., прежде чем спиритуалисты признали, что теософы правы. Это было тогда, когда ей было приказано написать "Изиду", — как раз год спустя после основания Общества. И так как там поднялась такая война около этого, бесконечная полемика и возражения о том, что не может быть в человеке двух душ, мы решили, что еще преждевременно давать публике больше, чем она в состоянии ассимилировать, пока они не переварили "двух душ". И таким образом, дальнейшее подразделение троичности на семь принципов осталось неупомянутым в "Изиде"… Она повиновалась нашим приказам и писала, умышленно вуалируя некоторые свои факты…"

"Разоблаченная Изида" вышла в двух томах, "Наука" и "Теология", в 1877 году в Нью-Йорке, причем первый тираж в тысячу экземпляров разошелся за десять дней. Книга произвела настоящую сенсацию в США, пользовалась огромным спросом, и издатель многократно повторял ее тиражи. Автор посвятила этот труд Теософскому обществу, созданному как раз для изучения того, о чем эти тома трактуют.

В предисловие к первому тому указывалось: "Труд, представленный нами на суд публики, есть результат довольно близкого знакомства с восточными адептами и изучения их науки. Он обращен к тем, кто готов воспринять истину, где бы она ему ни встретилась, и готов защищать ее, невзирая на бытующие предрассудки. Это попытка помочь изучающему выявить живые начала, лежащие в основе философских систем прежних времен… Назначение (этой книги) отдать всем должное и излагать правду без злобы и предвзятости. Однако нет в ней ни снисхождения к господствующим заблуждениям, ни уважения к узурпированному авторитету. Она требует признать за обобранным прошлым те его достижения, в которых ему так долго отказывали. Она призывает вернуть позаимствованные у него одеяния и восстановить оклеветанные, но славные имена. Ни на один из обрядов, ни на одно из вероисповеданий, ни на одну из научных гипотез критика ее не направлена в каком-либо другом смысле. Люди и партии, секты и школы, их век для мира — что краткий день. И только Истина, сияющая с вершины своей адамантовой скалы, вечна и превыше всего".

В предисловии ко второму тому Елена Петровна пишет: "Будь это возможно, мы бы сделали так, чтоб труд сей прошел мимо многих христиан, которым чтение его не принесет пользы, ибо не для них он был писан. Мы имеем в виду тех, кто с чистым сердцем и искренне верует в свою церковь, тех, в чьей безгрешной жизни отражается прекрасный пример Пророка из Назарета,

чьими устами дух истины во всеуслышание обращался к человечеству… Они облагораживают христианство, но придали бы такое же сияние любой другой вере, какую бы ни исповедовали… Их можно встретить и теперь — на кафедре и на церковной скамье, во дворце и в хижине; но усиливающийся материализм, мирские заботы и лицемерие быстро сокращают их число среди верующих. Их любовь к ближнему и наивная детская вера в непогрешимость своей Библии, догм и духовенства дают возможность в полной мере раскрыться всем добродетелям, свойственным нашей натуре… мы всегда избегали вступать в дискуссии с ними, чтобы ненароком не задеть их чувства и не быть повинными в жестокости; также не хотелось бы нам лишить хоть кого-то… его слепой веры, если именно она делает для него возможной праведную жизнь и спокойную смерть".

В последней главе книги Елена Петровна суммирует написанное десятью основными "правилами Исиды": "Чтобы понять принципы естественных законов… читатель должен помнить основные положения восточной философии, которые мы последовательно разъясняли. Повторим их вкратце:

1. Чудес нет. Все, что происходит, есть результат закона — вечного, непреложного, пребывающего в постоянном действии.

2. Природа триедина: имеется видимая, объективная природа; природа невидимая, постоянно присутствующая, наполняющая энергией, точная модель первой и ее жизненный принцип; и поверх них дух, источник всех сил, единственный вечный и нерушимый.

3. Человек также триедин: у него имеется объективное, физическое тело; сообщающее ему жизнь астральное тело (или душа), подлинный человек, и над ними обоими витает, осеняя их, третий — повелитель, бессмертный дух. Когда подлинному человеку удается с ним слиться, он становится бессмертным.

4. Магия как наука есть знание этих принципов и способа, посредством которого всезнание и всемогущество духа и его власть над силами природы могут быть приобретены человеком еще в теле. Магия как искусство есть применение этого знания на практике.

5. Злоупотребление сокровенным знанием есть колдовство; использование во благо — истинная магия или Мудрость.

6. Медиумизм — это противоположность адептства; медиум есть пассивное орудие посторонних воздействий; адепт, напротив, сам владеет собою и управляет всеми низшими силами.

7. Поскольку все, что когда-либо было, есть и будет, запечатлевается в астральном свете, или на скрижали невидимой вселенной, то посвященный адепт, пользуясь зрением духа, может

узнать все, что (в нашей солнечной системе) когда-либо было известно или может таковым стать.

8. Человеческие расы различаются степенью духовной одаренности так же, как цветом кожи, телосложением или любыми другими внешними признаками; одни народы от природы более склонны к провидчеству, другие — к медиумизму.

9. Одна из ступеней магического мастерства — произвольное сознательное выделение внутреннего человека (астральной формы) из внешнего человека (физического тела). У отдельных медиумов встречается такое выделение, однако оно бессознательное и непроизвольное… ни время, ни пространство — не препятствие для странствующей астральной формы. Тавматург, основательно овладевший оккультной наукой, может сделать так, что сам он (то есть его физическое тело) как будто исчезнет, или он может принять любой внешний облик, какой только пожелает. Он может сделать свою астральную форму зримой или придать ей Протееподобную наружность.

10. Краеугольный камень Магии — глубокое практическое знание магнетизма и электричества, их качеств, соотношений и потенциальных возможностей. Подытожим в нескольких словах все сказанное: Магия есть духовная Мудрость; природа — материальный союзник, ученик и слуга мага. Один общий жизненный принцип напитывает все, и он управляем усовершенствованной человеческой волей… Адепт может управлять чувственным восприятием других людей — неадептов — и изменять состояние их физических и астральных тел; он может также управлять духами стихий и использовать их по своему усмотрению. Но он не может повелевать бессмертным духом какого-либо человеческого существа, живого или мертвого, ибо все такие духи равным образом суть искры Божественной Сущности и не подлежат никакому внешнему господству".

Гражданка США

Весной 1878 года с Еленой Петровной произошел случай, весьма напугавший ее близких и сотрудников и едва не явившейся причиной ее кремации. Однажды утром, готовясь приступить к работе, она потеряла сознание и пребывала в таком летаргическом состоянии более четырех суток. Если бы Олькотту из Бомбея не пришла телеграмма от ее Учителя Махатмы М., то не миновать бы беды. Ее посчитали умершей и готовились предать тело огню.

Она описала этот случай своей сестре Вере: "Я не писала тебе целый месяц, мой дорогой друг, угадай, по какой причине? В один прекрасный вторник, утром, в апреле, я как обычно встала, села за письменный стол, чтобы написать своим калифорнийским корреспондентам. Вдруг почти сразу же я поняла, что по какой-то странной причине оказалась в спальне в своей постели, что был вечер, а не утро. Я увидела вокруг себя несколько наших теософистов и докторов с удивленными лицами и Олькотта с его сестрой миссис Митчел — лучший мой друг здесь — оба бледные, угрюмые, осунувшиеся, как будто их вынули из воды.

"В чем дело? Что произошло?" — спросила я их. Вместо ответа они забросали меня вопросами: что случилось со мной? И как я могла говорить, что ничего со мной не произошло? Я ничего не помнила, но, конечно, было странным, что тогда было утро вторника, а теперь они говорили, что был субботний вечер. Что касается меня, то эти четыре дня бессознательного состояния показались мне одним мгновением. Хорошенькое дельце! Только представь, все они считали, что я умерла, и хотели предать мое тело огню. При этом Учитель телеграфировал Олькотту из Бомбея: "Не бойтесь, она не больна, а отдыхает, с ней все будет хорошо". Учитель был прав. Он знает все, и в самом деле я была абсолютно здорова. Единственное, что я ничего не помнила. Я встала, потянулась, выслала их всех из комнаты и села писать. Ужасно представить, сколько накопилось работы. Я не могла найти ни одной мысли для писем".

Е.П. Блаватская. Нью-Йорк. 1870-е гг.

В июле 1878 года, спустя пять лет после приезда в Нью-Йорк, Елена Петровна Блаватская получили американское гражданство, став первой русской, натурализовавшейся в Соединенных Штатах. Она писала тете: " Моя дорогая, я пишу тебе, потому что меня теснят странные чувства. Сегодня, 8 июля, знаменательный день для меня, но только одному Богу известно, добрый это знак или дурной. Сегодня ровно пять лет и один день, как я приехала в Америку, и вот сейчас я пришла из Верховного Суда, где принимала присягу в верности Американской Республике. Теперь я равноправная с самим президентом Соединенных Штатов гражданка… Это все прекрасно: такова моя оригинальная судьба; но до чего противно было повторять за судьей тираду, которой я никак не ожидала, — что-де я, отрекаясь от подданства и повиновения Императору Всероссийскому, принимаю обязательство любить, защищать и почитать единую конституцию Соединенных Штатов Америки… Ужасно жутко мне было произносить это подлейшее отречение!.. Теперь я, пожалуй, политическая и государственная изменница?.. Приятно!.. Только как же это я перестану любить Россию и уважать Государя?.. Легче языком сболтнуть, чем на деле исполнить".

Для давно планировавшейся поездки в Британскую Индию в качестве общественного деятеля, представителя Теософского общества, получение американского гражданства стало для нее совершенно необходимым шагом, поскольку инкогнито, как в

молодости, путешествовать по британским колониям уже не представлялось возможным. Однако даже этот вынужденный поступок не смог, как будет видно в дальнейшем, уберечь ее от английских обвинений в шпионаже в пользу России. Примечательно, что еще до американского периода, во время жизни в Одессе, она писала в Третье отделение жандармского управления Одессы, где жила тогда, письмо с предложением своих услуг за границей. Из патриотических соображений и безвозмездно она предлагала принимать от нее на родине послания о тех странах, где она бывала. Это письмо начальством одесских жандармов было оставлено без ответа, устного или письменного, и, будучи обнаруженным относительно недавно, стало свидетельством ее несомненного патриотизма, желания быть полезным родине, которую в 1872 году она покидала навсегда, а также собственно освобождало от любых обвинений в сотрудничестве с российскими спецслужбами.

Хорошо известно, что из-за рубежа она переписывалась в России с родственниками, а также с издателями и редакторами тех российских изданий, в которые посылала свои материалы: М.Н. Катковым (газета "Московские новости" и журнал "Русский Вестник", В.И. Прибытковым (журнал "Ребус"), А.Н. Аксаковым. Писала она также и статьи для недолго выходившей одесской газеты "Правда", редактором которой был И.Ф. Доливо-Добровольский, для петербургской газеты "Новое время" и др.

Е.П. Блаватская. Нью-Йорк. 1870-е гг.

В Индию

Елена Петровна Блаватская и Генри Олькотт покинули Америку 19 декабря 1878 года, направившись в Индию через Англию, куда прибыли 3 января 1879 года. Нью-йоркская пресса много писала об отъезде из Нового Света ставших знаменитыми теософов. Примером может служить статья в "Нью-Йорк Геральд":

"Мадам Блаватская, автор "Разоблаченной Изиды", проживала в Нью-Йорке более пяти лет. Ее жизнь в основном прошла в восточных странах, она одна из немногих европеек с либеральными взглядами, ставшая на путь ориенталистики не только в склонностях, но и в религии.

Ее дом за последние два года стал центром движения современной мысли, привлекшей внимание всего мира. В исследованиях спиритизма она рассматривала феномены как подлинные, объясняя их даже более удивительной философией, чем сами спиритуалисты.

Под ее руководством было основано Общество, объединившее тех людей, кто, действительно, верил в магию и кто преуспел в ее изучении. История розенкрейцеров повторилась в Нью-Йорке. Общество было тайным, но общественность получила достаточное представление о предмете, возбудившем сильную оппозицию и насмешки в различных слоях. Обосновавшись в квартире на 8-й авеню и 47-й стрит (штаб-квартира Теософского общества, "Ламасери". — *О.Б.*), мадам Блаватская обставила ее самым любопытным образом и в каждой комнате расположила странные трофеи своих путешествий. Всевозможные редкости от сиамских идолов до парижских безделушек переполняли гостиную, чучела животных и тропические растения красовались по углам. Дом был всегда открыт и для друзей и для их друзей, это был Дом Свободы. Диспуты на религиозные и философские темы всегда были здесь в порядке вещей, каждый был свободен в своих высказываниях, и это не являлось привилегией. Сюда приезжали со всех концов света, а также частыми посетителями были некоторые известнейшие люди Нью-Йорка.

"Разоблаченная Изида", опубликованная год назад, обратила на себя внимание своим вызовом догматизму религии и современной науки и привлекла большое количество ученых в "Ламасери". Среди ее ближайших друзей — философ доктор Д.А. Вейс и профессор Александр Уайлдер, княгиня Раковиц (ныне жена нью-йоркского журналиста) и графиня Пашкова входили в число ее титулованных гостей. Генерал армии Соединенных Штатов Даблдей, Джон Л.О. Шулливан, экс-министр Португалии

и его жена встречались там с епископом методистской церкви, католическими священниками, художниками, артистами, писателями-атеистами, журналистами, спиритуалистами, врачами, масонами и другими выдающимися людьми.

Генерал Чейл Лонг, исследователь Африки, друг дяди мадам Блаватской, генерала Фадеева, русского военного и дипломата, любимца Великого Князя Александра, был частым гостем в "Ламасери". Масоны высокого ранга часто бывали там, так как эта дама к своим разносторонним интересам прибавила знание масонства, непревзойденное многими Великими Мастерами. Она получила диплом из Англии, высланный ей Джоном Яркером, о высшем посвящении по Обряду Мемфиса.

Социальная значимость этих вечеров в маленькой гостиной в большой степени способствовала успеху движения. Общество приобрело всемирную известность. Английские, немецкие, турецкие, индийские и русские газеты многократно упоминали о нем. Поскольку отделения Общества возникли по всему миру, была налажена связь с Арья Самадж в Индии, которая является великой реформаторской силой в Ведийском Обществе. Мадам Блаватская признает свою связь с тайными обществами Востока; она постоянно говорила, что, как только выполнит свою миссию в Америке, то сразу же вернется в Индию. По ее словам, это время пришло, и отъезд не будет отложен ни на один день.

Корабль, на котором плыли Е.П. Блаватская и Г.С. Олькотт со своими спутниками-теософами — учительницей Розой Бейтс и художником и архитектором Эдвардом Уимбриджем, прибыл в Бомбей 16 февраля 1879 года. По пути из Нью-Йорка они на две недели остановились в Лондоне, где было создано отделение Теософского общества. Теософы остановились в Норвуде, предместье Лондона, в доме американки Мэри Биллинг и ее мужа, врача. Британский филиал стал первым за пределами Америки, а возглавил его Чарлз Карлтон Мэсси. В число первых сотрудников вошли Стейнтон Уильям Мозес и подруга Елены Петровны Эмилия Кислинбери. Большую часть времени на английской земле Елена Петровна провела в Британском музее за чтением редких книг и рукописей.

Бомбей. Поездки по Индии

Дальнейшее плавание оказалось весьма изнуряющим, и первые дни после прибытия в Бомбей Елена Петровна болела, хотя обычно легко переносила морские путешествия. Поначалу Блаватская и Олькотт остановились в доме председателя Бомбейского отделения "Арья Самадж" Харричанда Чинтамона, где был устроен большой прием по случаю приезда первых теософов, на котором присутствовало более трехсот индийцев. Каждый вечер проходили многолюдные приемы и собрания, на которых обсуждались самые сложные проблемы религии, философии, метафизики и науки. Энтузиазм первых недель пребывания в Индии был огромным. Вскоре в индийской части Бомбея на Гиргаум-Бэкроуд был снят дом, который на два года стал штаб-квартирой Теософского общества в Индии. Слугой к Елене Петровне наняли молодого индуса из Гуджарата по имени Бабула, знавшего несколько языков.

Е.П. Блаватская. Нью-Йорк. 1870-е гг.

В марте спутники Елены Петровны еще раз смогли убедиться в ее особых возможностях и связи с индийскими Учителями. Полковник Олькотт оставил воспоминания об одном любопытном происшествии, в котором принял участие Мулджи Такерси из Бомбея: "Елена Петровна попросила Мулджи нанять кабриолет, и

когда коляска подъехала, они оба отправились в путь. Она не стала объяснять цель поездки, только указывала с его помощью вознице, когда и куда сворачивать. Вернувшись вечером, Мулджи рассказал нам о том, что произошло. Е.П.Б. показывала дорогу. Пробираясь бесконечными, извилистыми улочками и проселками, они наконец оказались за городом, милях в восьмидесяти от Бомбея, в хвойном лесу. Мулджи знал эти места, потому что где-то неподалеку в свое время устраивали погребальный костер для его матери. Дороги и тропы переплетались в лесу самым причудливым образом, но Е.П.Б., не колеблясь, выбирала путь. Так, петляя, они выбрались к берегу моря, а потом, к удивлению Мулджи, оказались у ворот частного поместья. Они увидели великолепный розовый сад и в глубине его прекрасное бунгало с просторными, по-восточному, верандами. Е.П.Б. вышла из кабриолета, велев Мулджи дожидаться ее и ни под каким видом не подходить к дому. Он остался у ворот, совершенно сбитый с толку. Всю жизнь проживший в Бомбее, он ни разу не слыхал о существовании подобного владения. Он окликнул одного из садовников, работавших неподалеку, но тот не назвал ни имени своего хозяина, ни как долго тот здесь живет, ни когда было построено бунгало, а надо сказать, что такая сдержанность совершенно не свойственна индусам. Е.П.Б. направилась прямо к дому, и у входа ее радушно встретил высокий, одетый в белое индус необычайно величественного вида, и они вместе вошли внутрь. Некоторое время спустя Е.П.Б. появилась в сопровождении того же таинственного незнакомца, и на прощание он протянул ей огромный букет роз, поданный ему одним из садовников. Е.П.Б. вернулась к своим спутникам, села в кабриолет и велела вознице трогать. Мулджи она сказала только, что этот человек оккультист, связанный с нею, и что сегодня у них были кое-какие дела… Самое странное в этой истории, пожалуй, то, что у Е.П.Б. не было никакой возможности разузнать хоть что-нибудь о пригородах и проселочных дорогах, потому что со времени прибытия в Бомбей она не выходила из дому одна. Тем не менее она знала дорогу превосходно. И кроме свидетельства Мулджи, у нас нет ничего, что подтверждало бы факт существования этого бунгало. Мулджи был так поражен, что не переставал рассказывать о приключении своим городским приятелям, пока один из них, утверждавший, что знает пригороды как свои пять пальцев, не предложил ему пари на сто рупий, что такого дома у моря нет. Услышав об этом, Е.П.Б. посоветовала Мулджи сразу же признать, что он проиграл; однако тот уверял, что помнит дорогу до мельчайших подробностей, так что я вызвал коляску, и мы двинулись втроем… Мы не мешали

Мулджи в его поисках, но (после нескольких часов кружения по побережью) он был вынужден сдаться, и мы вернулись домой. Е.П.Б. сказала нам, что Мулджи не смог найти загадочное бунгало из-за чар, что бунгало это, как и все места обитания Адептов, защищено от посягательств чужаков кольцом иллюзии, которую создают и поддерживают служащие им элементалы (т. е. духи природы). За этим бунгало присматривает одно надежное лицо; время от времени бунгало служит местом отдыха и встреч гуру и их чела. Потом она добавила: "Все захороненные древние библиотеки, все несметные богатства, которые должны оставаться сокрытыми до тех пор, пока карма снова не вернет их людям, защищены от профанов посредством иллюзии скал, земной тверди, зияющих пропастей и других подобных препятствий…"".

В апреле последовало большое путешествие Елены Петровны со спутниками к знаменитым пещерам Карли, далее Канпур, Джайпур, Аллахабад, Агра со знаменитым Тадж-Махалом, Бенарес, Сахаранапур и еще целый ряд городов. Вернулись в Бомбей в начале мая. Надо сказать, что английские власти пристально следили за перемещениями по Индии и перепиской теософов, особенно за Еленой Петровной, в которой видели русскую шпионку. В стране царила настоящая русофобия, достигшая своего апогея в связи с успехами русских войск в Туркестане, когда англичанам казалось, что вот-вот падет и Афганистан. В таких обстоятельствах теософская просветительская деятельность через местные газеты и журналы становилась практически невозможной. Тогда, летом 1879 года, Еленой Петровной был задуман свой печатный орган — журнал "Теософ", редактором которого она стала. Первый номер нового издания вышел 25 сентября 1879 года и быстро разошелся. Он открывался редакционной статьей, в которой объяснялись задачи "Теософа": "Быстрое распространение Теософского движения из Америки в разные страны Европы и Азии; трудности и дороговизна почтовой связи из-за разбросанности членов Общества по всему свету; необходимость такого печатного органа, на страницах которого ученые Востока могли бы делиться своими познаниями с западным миром и где местные священнослужители и пандиты, единственные компетентные интерпретаторы, могли бы поведать о тонкостях (индуистской), буддийской, парсийской и других религий; и наконец, требовалось хранилище для фактов — главным образом из области оккультизма, — собранных членами Общества в разных странах… Мы решили, что наш журнал должен быть интересен всем — и философам, и простым читателям. Одни с удовольствием последуют за пандитами сквозь лабиринты

метафизических тонкостей и будут знакомиться с переводами древних рукописей, другим легче усваивать знания с помощью легенд и преданий, имеющих мистическую подоплеку. На наших страницах яств должно быть не меньше, чем на пиру, дабы каждый мог утолить свой голод. Насущные жизненные потребности для многих читателей важнее духовных, и мы отнюдь не собираемся этим пренебрегать; подтверждение тому можно будет найти на страницах нашего журнала…

Чтобы полностью определить теософию, мы должны рассмотреть ее во всех аспектах. Внутренний мир не скрыт от нас непроницаемой тьмой. С помощью той высшей интуиции, приобретаемой с помощью теософии (или богопознания), которая переносит ум из мира форм на уровень духа вне формы, во все века и во всех странах людям иногда удавалось ощущать вещи внутреннего, или невидимого мира. Так что "самадхи", или "дхьян-йог самадхи" индийских аскетов; "даймонион-фоти", или духовное озарение, неоплатоников; "звездные беседы душ" розенкрейцеров или философов огня; и даже экстатический транс мистиков и современных месмеристов и спиритов — тождественны по сути, хотя и различны по степени проявления. Поиски человеческого божественного "я", столь часто ошибочно толкуемые как общение с Богом, имеющим черты личности, занимали всех мистиков, и, похоже, что вера в его существование — ровесница человечеству, хотя разные народы давали этому разные имена… И наконец, Альфред Р. Уоллес, член Королевского общества, спирит, и тем не менее признанный натуралист, смело и откровенно заявляет: "Чувствует, ощущает и думает один лишь дух — это он приобретает знания, размышляет и устремляется… Нередко встречаются люди с такой конституцией, что их дух может воспринимать независимо от телесных органов чувств или может, частично или полностью, покидать на время свое тело и возвращаться в него вновь… Дух сообщается с духом легче, чем с материей"".

Е.П. Блаватская

Статьи "Теософа" углубляли и развивали первоначальные теософские идеи, высказанные Еленой Петровной в "Разоблаченной Изиде". Так, троичное строение или деление человеческого существа на тело, дух и душу, выдвигаемое еще великим Платоном, получило новое, семеричное толкование. Используя теперь санскритские термины, Елена Петровна в статье "Семеричный принцип в эзотеризме" обращает внимание, что семеричный принцип присущ не только человеку, но и природе. Применительно к человеку она различает четыре низших принципа: физическое тело (рупа), жизнь, или жизненный принцип (прана), астральное тело (линга-шарира), а также тело желании и страсти (кама-рупа). Три высших принципа состоят из разума (Манас), духовной души (Буддхи) и духа (Атма).

Журнал под руководством и при непосредственном участии Елены Петровны выходил шесть лет, пока она находилась в Индии, и стал заметным событием духовной и культурной жизни страны. Его статьи из номеров первых лет имели непреходящие ценности и неоднократно входили и входят в состав теософских сборников. К работе над выпуском журнала подключились молодые и талантливые индусы: Мулджи Такерси, Дамодар Маваланкар, Субба Т. Роу и Мохини М. Чаттерджи. Один из новых членов Теософского общества и сотрудников, Дамодар Маваланкар, отмечал влияние теософских идей, высказанных Е.П. Блаватской в "Разоблаченной Изиде" и журнале "Теософ": "Я ничуть не преувеличиваю, говоря, что по-настоящему я живу только эти последние несколько месяцев; непроходимая пропасть лежит между моим прежним представлением о жизни и тем, как я

понимаю ее теперь… Прежде меня интересовали лишь новые заминдари (участки земли. — *О.Б.*), высокое общественное положение да удовлетворение своих прихотей и желаний… Теософия помогла мне по-новому увидеть мою страну, мою религию, мой долг. Я стал лучшим (индусом), чем раньше. Мои собратья-парсы говорили мне, что Теософское общество сделало их лучшими зороастрийцами, чем прежде. Буддисты часто писали в общество о том, что теософия помогла им оценить по достоинству их собственную религию. Значит, такие занятия помогают глубже понять свою собственную религию. Теософия наделяет человека способностью проникать в суть предметов, преодолевая косность мышления… Если посмотреть на различные религии глазами обычного человека, то они сильно расходятся во множестве деталей. Между ними ни в чем нет согласия… Но должен быть… общий фундамент, на котором покоятся все религиозные системы. Фундамент этот, начало, их объединяющее, есть истина".

Дамодар также писал статьи для "Теософа" и ввел употребление термина "Махатма" применительно к гималайским Адептам. Елена Петровна так определяла этот термин: "Махатма — тот, кто с помощью особой подготовки и обучения развил свои высшие способности и достиг такого духовного знания, какое может стать достоянием обычного человечества только через бесчисленное множество перевоплощений в процессе космической эволюции, если, конечно, оно не пойдет против назначенного Природой и тем самым не уничтожит себя".

В декабре Елена Петровна со спутниками совершила вторую поездку на север страны, где посетила летнюю столицу Британской Индии Аллахабад, в котором состоялись знакомства с рядом сотрудников британской администрации. По строгим обычаям того времени прибывшему следовало первому наносить визиты властям, но, отвергая условности, Елена Петровна делать этого не стала, потому желающим с ней познакомиться необходимо было отбросить церемонии и навестить ее самим. Наряду со многими другими состоялось ее знакомство с бывшим правительственным министром Аланом Хьюмом, разделявшим некоторые теософские идеи и ставшим впоследствии одним из организаторов знаменитой партии Индийский национальный конгресс. Надо отметить, что первые руководители этой партии были теософами. Познакомилась она в Аллахабаде и с четой Синнеттов. Альфреду Синнетту предстояло сыграть большую роль в теософском движении, даже стать впоследствии биографом Елены Петровны. В пору знакомства с Блаватской он работал редактором правительственной газеты "Пионер" и интересовался

оккультизмом. Через Елену Петровну ему посчастливилось вступить в переписку с ее Учителями, Махатмами Кут Ху ми и Морией. Одно время в этой переписке участвовал и А. Хьюм, но недолго. А вот переписка Махатм с Синнеттом продолжалась четыре года. Ее результатом стало изданное в 1920-е годы собрание всех сохранившихся писем Махатм, вышедшее под названием "Письма Махатм А.П. Синнету", а также книги самого Синнетта "Оккультный мир" и "Эзотерический буддизм". Оригиналы этих знаменитых писем хранятся ныне в Британском музее в Лондоне, а само издание выдержало многочисленные переиздания, став признанной классикой теософской литературы наряду с "Разоблаченной Изидой" и "Тайной Доктриной" Е.П. Блаватской. Е.И. Рерих в 1925 году выборочно перевела эти письма на русский, издав их под названием "Чаша Востока". В предисловии она писала: "Даже в этих фрагментах остается вся основа Учения, во всей его красоте, мужественности и беспредрассудочности, и дает прямой мост к грядущей эволюции человечества. В подготовлении современной мировой эволюции выявлено Учение Великих Махатм Индии. Из приводимых писем Махатм (1880–1884) видна сущность этого Учения. Смелость изучения мира должна быть близка каждому молодому сердцу. Помочь и одушевить эти рассеянные сердца составляет задачу наших изданий. "Чаша Востока" содержит сущность всех верований и познаний. Не случайно идущие обращаются к Востоку".

Дальше путь теософов лежал в Бенарес, где находилось общество "Арья Самадж" и возглавлявший его свами Даянанд Сарасвати. С этим обществом они установили и поддерживали связь еще в Америке, намереваясь объединить свои усилия по возрождению философско-религиозной мысли Индии. Познакомившись ближе с программой "Арья Самадж", теософы поняли, что идея возрождения этого общества покоится на националистической основе, что, разумеется, не могло дать истинное объединение движений, и от этой идеи пришлось отказаться. Однако, оказавшись в Индии, теософы воспользовались случаем личного знакомства с лидером "Арья Самадж".

На Цейлоне

В самом начале января 1880 года все теософы вернулись в Бомбей, где Елена Петровна с большой радостью узнала о начале выхода в России ее заметок под общим названием "Из пещер и дебрей Индостана". Их появление в журнале "Русский Вестник" вызвало у российской публики настоящую сенсацию, поразив и очаровав, и послужило впоследствии большим стимулом для многих русских к изучению Индии, ее истории и культуры.

По приглашению буддистов в мае 1880 года Блаватская и Олькотт совершили трехмесячную поездку на остров Цейлон. Встречали их исключительно радушно. Их деятельность по возрождению основ древней мудрости Востока была хорошо известна в этой буддийской стране. К тому времени "Разоблаченная Изида" была частично переведена на сингальский язык, была признана и принята в каждом цейлонском доме. Елена Петровна и Олькотт объехали весь остров с лекциями, к которым местные жители относились с огромным интересом. В аудиториях, чтобы их услышать, собиралось по нескольку тысяч человек, и вскоре на Цейлоне возникла целая сеть отделений Теософского общества, знаменуя этим огромный успех его основателей.

В одном буддийском храме Цейлона Блаватская и Олькотт приняли буддийский пансил, "пять обязательств", то есть формально стали буддистами. Елене Петровне приходилось неоднократно объяснять идею такого поступка: "Я действительно считаю философию Гаутамы Будды наиболее возвышенной из (философских) систем — самой чистой и, кроме того, самой логичной. Но на протяжении столетий эта система искажалась из-за амбиций и фанатизма священников, пока не превратилась в религию для масс… Я лучше обращусь к первоисточнику, чем буду черпать из многих вытекающих из него ручейков… Когда Гаутама осуществлял свои реформы и выступал против лукавых брахманов, он опирался именно на эзотерический смысл великих древних Писаний".

Е. П. Блаватская на о. Цейлон

В "Теософском словаре" Елена Петровна дала определение современному буддизму: "Буддизм. Религиозная философия, которой учил Гаутама Будда. В настоящее время разделен на две школы — южную и северную. Говорят, что первая является более чистой формой как более строго сохранившая первоначальные учения Владыки Будды. (Это религия Шри Ланки, Таиланда, Бирмы и других стран, в то время как северный буддизм относят к Тибету, Китаю и Непалу.) Однако такое определение неверно. Если южная школа, благодаря многочисленным соборам, проводившимся после смерти Учителя, не отклонилась — за исключением, может быть, некоторых незначительных догм, — от общедоступных или экзотерических учений Шакьямуни и может быть ближе к ним, то северная школа есть порождение эзотерических учений Сиддхарты Будды, которые он вверял лишь своим избранным бхикшу и архатам. Фактически, о буддизме в наш век невозможно справедливо судить как по одной, так и по другой из его экзотерических, популярных форм. Истинный буддизм можно оценить, лишь сочетая философию южной церкви с метафизикой северных школ. Если одна кажется слишком иконоборческой и суровой, а другая — слишком метафизичной и трансцендентальной, даже обросши сорняками индийского экзотеризма — поскольку многие из богов его пантеона пересажены под новыми именами на тибетскую почву, — все это

из-за популярного выражения буддизма в обеих школах. Они находятся между собой в таком же соотношении, как протестантизм и католицизм соответственно. Обе грешат избытком усердия и ошибочных интерпретаций, хотя духовенство как южных, так и северных буддистов никогда не отступало от истины сознательно; еще менее действовали они по соображениям сращивания церкви с государством, честолюбия, или личной выгоды и власти, как это делали обе христианские церкви".

Знакомство с Альфредом Синнеттом

В августе 1880 года из-за возникших разногласий между старыми сотрудниками Елены Петровны и недавно принятыми на работу Эммой Куломб (Катинг) и ее мужем Бомбейскую штаб-квартиру Общества покинули Уимбридж и Роза Бейтс. Сама Елена Петровна посетила Бенарес, чтобы еще раз встретиться со свами Даянандом Сарасвати, а затем по приглашению Альфреда Синнетта и его супруги Пейшенс посетила их дом "Брайленд" в Симле, летней столице Индии. Также ей удалось побывать и в долине Спити, в Малом Тибете, которая известна своими средневековыми буддийскими монастырями, расположенными на большой высоте на горных каменных утесах.

В доме Синнеттов Елена Петровна демонстрировала свои оккультные силы, произведя впечатляющие феномены, описание которых со слов полковника Олькотта удалось получить газете "Тамс оф Индиа": "Вчера госпоже удались изумительные феномены. Утром она, мистер и миссис Синнетты, майор Хендерсон, м-р Саид Махмуд (окружной судья, Рай-Барели), миссис Рид из Аджмера и я отправились на пикник в лес неподалеку от "Брайтленда"; это была пешая прогулка, мили три-четыре. Хотя она (Е.П.Б.) никогда прежде не бывала в Симле, она уверенно указывала нам, куда идти. Она описала мельницу, о которой не знали не только Синнетты и майор Хендерсон, но даже носильщики. По ее словам, рядом с мельницей должен быть маленький тибетский храм. Мы добрались до места около десяти часов утра и действительно обнаружили мельницу. Все устроились в тени, и слуги подали нам легкий завтрак. М-р Махмуд присоединился к нам позже, когда корзины для пикника были уже уложены, поэтому на месте оказалось, что одного чайного прибора недостает. Кто-то попросил г-жу Блаватскую сотворить его с помощью магии. Она согласилась, осмотрела землю вокруг себя, а потом попросила майора Хендерсона принести нож и копать в указанном ею месте. Майор обнаружил, что земля твердая и в ней полно корешков молодого кедра, росшего на этом месте. Майор перерезал корешки один за другим, проникая все глубже, и остановился, пройдя примерно шесть дюймов, когда в черной земле показалось что-то белое, и вот, о чудо! перед нами появилась чашка с зеленым и золотым рисунком, как две капли воды походившая на те, что взяли с собой слуги м-с Синнетт. Госпожа попросила майора копать дальше, он так и сделал, и вскоре он обнаружил блюдце — совершенно под стать чашке! Предметы эти залегали в земле как

самые настоящие камни, вдобавок оплетенные корнями, и, чтобы добраться до блюдца, пришлось перерезать корешок толщиной с мизинец. Майор Хендерсон попросил ее объяснить, как это делается, но она сказала, что не может, поскольку он еще не теософ. Он тут же заявил, что намеревается вступить в Общество. "Когда?" — спросила она, и получила ответ: "Завтра". "Почему же не сегодня?" — поинтересовалась м-с Синнетт. "Вступлю сегодня, — заявил майор, — но пусть госпожа прямо на месте выдаст мне диплом!". — "Вы и впрямь вступите в Общество, если я сделаю это?" — "Вступлю". — "Тогда вы его получите". Она (Е.П.Б.) осмотрелась, немного прошлась, потом присела невысоком уступе. "Если вы хотите диплом, вы должны найти его сами; "Брат", который помогает мне, говорит, что он в зарослях, свернутый в трубочку и обмотанный примерно 50-ю футами голубого шпагата", — сказала она майору. Вся компания отправилась на поиски, и, наконец, майор Хендерсон, приподняв нижние ветви деодара и раздвинув траву, воскликнул: "Нашел!" Он действительно нашел диплом, выписанный на имя майора Филиппа Д. Хендерсона, члена Общества, и письмо на бланке нашей штаб-квартиры, написанное моим собственным почерком и подписанное "Искренне ваш — (имя на тибетском) за Г.С. Олькотта, президента Теософского общества"! Вообразите мое изумление! На письме стояла дата 2/3 октября, то есть ночь со 2-го на 3-е, и в нем упоминался разговор, состоявшийся между г-жой Блаватской и майором Хендерсоном накануне вечером…

Е.П. Блаватская. Конец 1870-х гг.

Завершая эту часть моего повествования, должен сообщить, что мы с м-с Синнетт, вернувшись домой первыми из нашей компании, сразу же направились в буфетную и обнаружили там три чашки из тех девяти, которые у нее остались от прежнего сервиза на 12 персон. Потрескавшиеся, с отбитыми ручками, они были убраны на верхнюю полку. Таким образом, седьмая чашка, созданная на пикнике, никак не могла быть одной из этих трех битых чашек".

Материализованная чашка с блюдцем дожили до 1975 года, когда отмечалось столетие Теософского общества, а в отеле "Стэтлер Хилтон" выставлялись вещи, имевшие отношение к Елене Петровне. По поводу "изготовления" диплома Олькотт сообщил: "Она объяснила, что в астральном свете запечатлены образы всех предметов и событий, поэтому ей не нужно видеть человека или почерк, который она собирается воспроизвести; ее только должны "навести на след", и тогда она сможет сама все увидеть и воплотить".

Елена Петровна и Олькотт весьма тяготились назойливым полицейским надзором со стороны британцев, и, будучи в Симле, полковник направил в администрацию вице-короля письмо с просьбой отозвать полицейских агентов, преследующих теософов по пятам. Полуторогодичный неусыпный надзор был с них практически немедленно снят, и после этого чиновник британского правительства в Симле даже просил Елену Петровну перевести некоторые документы и письма с русского языка на английский.

Махатмы о феноменах

Как раз вопросы в связи с удивительными феноменами, демонстрировавшимися Еленой Петровной, побудили Альфреда Синнетта обратиться за пояснениями к Учителям Блаватской. От самой Елены Петровны Синнетт находился под большим впечатлением, описывая ее возможности в самых возвышенных выражениях: "Она владеет великолепными психическими дарами и несокрушимым мужеством, которое выносит ее из всех подавляющих испытаний, а ее духовный энтузиазм так велик, что он превращает все ее страдания и весь напряженный труд в пыль и прах по сравнению с ее непоколебимой верностью невидимому Учителю".

Согласие было тогда получено, и уже в первом письме Махатма объяснял некоторые принципы оккультной науки. Вскоре к переписке подключился Алан Хьюм, и в ответ на вопрос, какая может быть польза в изучении оккультных наук, Учитель ответил: "Когда местные жители увидят, что англичане, и даже некоторые высокопоставленные чиновники в Индии, проявляют интерес к науке и философии их предков, они сами открыто займутся их изучением. И когда они начнут сознавать, что "божественные" феномены прошлого были не чудесами, но вполне научными явлениями, суеверие станет ослабевать. Таким образом, величайшее зло, которое сейчас гнетет индийскую цивилизацию и сдерживает ее возрождение, со временем исчезнет". Елена Петровна в свою очередь писала о другом аспекте феноменов: "Запад ничего не знает о существовании подобных сил в человеке; и пока он не узнает об этом, ни о каких настоящих научных исследованиях, особенно в области психологии, говорить не приходится". Она указывала на важность понимания, что оккультные феномены могут осуществляться вне "темных комнат, без спиритов, медиумов и прочих обычных атрибутов", а также высказывала соображение, что если выяснится, что теософы предлагают "догмы, не подкрепленные реальными доказательствами… они окажутся вскоре в таком же критическом положении, в каком находится сегодня церковь…

Кто достиг высот Мудрости и Интуиции, не нуждается в шаткой опоре из подобных феноменов, как орленку уже не требуется спина матери, после того как крылья его вполне окрепли; но орлы редки, а чирикающих воробьев много, и тем, кто способен вознестись над тучами сомнений, не пристало с презрением относиться к потребностям своих более слабых собратьев. Чудеса Иисуса ознаменовали рождение христианской

религии, пестовали ее в детстве, утешали, и вооружали отцов церкви…"

Тем же, кто впадал в другую крайность — жажду феноменов, Махатма М. заявлял: "Также постарайтесь пробиться сквозь ту великую майю, против которой изучающих оккультные науки, во всем мире, неизменно предостерегают их учителя, — майю жажды феноменов. Подобно страсти к спиртному и опиуму, она растет по мере ее удовлетворения. Спириты опьянены ею — горькие пьяницы чародейства! Если вы не можете быть счастливы без чудес, вы никогда не познаете нашу философию… (Но) если вы… изберете лишь мудрость, все остальное приложится — в свое время… Если наша философия ложна, никакое чудо не сделает ее истинной".

В том же духе писала и Елена Петровна: "Разве вы дети, что жаждете чудес? Неужто в вас так мало веры, что ей все время нужен стимул, как топливо угасающему костру!.. Неужто вы позволите, чтобы ядро великолепного Общества погибло по вашей вине, как больной от руки шарлатана?.. Вам ни на минуту не следует забывать всю серьезность применения подобных сил и пробуждения ужасных стражей, дремлющих у порога. Нам они навредить не могут, зато способны отомстить, набросившись на незащищенного неофита. Вы похожи на детей, которые играют с огнем, потому что он красив, тогда как должны изучать философию ради нее самой".

Е.П. Блаватская

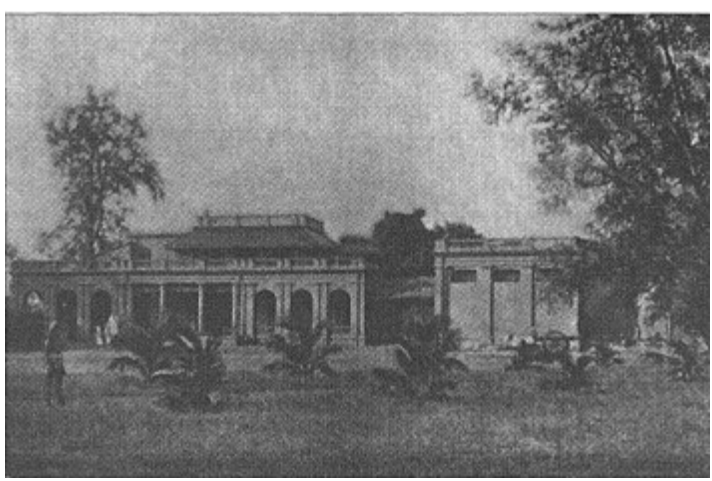
Феномены, которые показывала Елена Петровна, конечно,

были не самоцелью, а только средством. Но убедить людей не требовать чудес снова и снова, а удовлетворяться высокой философией, стоящей за ними, оказалось исключительно сложным делом. Даже Старший Махатма — Маха-Чохан, наставник Махатм М. и К.Х., был вынужден сурово заявить Хьюму и Синнетту: "Неужто мы посвятим себя разъяснению нескольким европейцам, пользующимся всеми благами, и многие из которых осыпаны дарами слепой фортуны, разумного обоснования феноменов звона колокольчиков, выращивания чашки, духовного телефона и выделения астрального тела, и предоставим несчетным миллионам невежественных, бедных и презираемых, низших по положению и угнетаемых, самим заботиться о себе и своем будущем, как умеют? Никогда. Скорее Теософское общество сгинет вместе с обоими своими несчастливыми основателями, нежели мы допустим, чтобы оно скатилось до академии магии или клуба оккультизма… (И) от нас… ожидают, что мы позволим Теософскому обществу отбросить свое благородное название — Братство Человечества — и превратиться в обычную школу психологии? Нет, нет, любезные братья, ваше заблуждение длится уже слишком долго".

В январе 1881 года Елена Петровна вернулась в Бомбей, где продолжила литературную и общественную деятельность, вела обширную переписку и готовила статьи для журнала "Теософ". На ее здоровье в бомбейский период начал сказываться сырой климат этого города, она тяжело заболела. Доктора давали ей жить всего несколько часов, и после ее выздоровления признавались, что не понимают, каким образом могло произойти такое. В какой-то момент доктора объявили ее совершенно безнадежной, но в самый критический момент она попросту исчезла из своей комнаты. В дом она вернулась только через несколько дней и совершенно здоровая. Домашние долго недоумевали, но, сопоставив события, непосредственно предшествовавшие исчезновению Елены Петровны из дома, пришли к заключению, что она была тайно увезена, или унесена, своим Учителем в тайное место куда-то в район Дарджилинга, где и была вылечена им. Косвенно это подтвердилось фактом отправки Еленой Петровной письма из Сиккима в Россию сестре Вере, датированного как раз в эти дни ее отсутствия в Бомбее.

Новая теософская столица в Адъяре

В следующем году она приняла решение перенести штаб-квартиру Теософского общества из Бомбея в Мадрас, где в его предместье, Адъяре, на берегу Бенгальского залива была приобретена земля и построены первые здания новой штаб-квартиры. Это место Елена Петровна и Олькотт приглядели во время своих многочисленных поездок по Индии. Подготовка к приобретению земли и переезду Общества заняла почти год. В эту землю были вложены средства, вырученные за счет продажи журнала, а также средства, полученные теософами в качестве пожертвований от индийцев, их единомышленников. В декабре 1882 года Блаватская и Олькотт переехали в Адъяр. Ей очень нравилось это место. Сестре Вере она писала: "Здесь мне чудо как хорошо! Какой здесь воздух! Какие ночи!.. И какая чудная тишина. Нет городского треску и уличных криков. Сижу себе, пишу и смотрю на океан, блестящий, безбрежный, словно живой — право!., когда он тих и ласков, не может быть в мире красоты обаятельнее!.. Особенно в лунную ночь. Яуна здесь на глубоком темно-синем небе кажется вдвое больше и вдесятеро блестящей вашего европейского перламутрового шарика".



Адъяр. Штаб-квартира Теософского общества в Индии

Заметим, что Теософское общество в современном Ченнаи, бывшем Мадрасе, существует и поныне, но теперь из-за более чем векового разрастания города находится практически в самом его центре. Оно во время президентства Анни Безант существенно расширило свою территорию, по-прежнему доступно для

посещения и известно, прежде всего, своей прекрасной библиотекой, основанной стараниями полковника Олькотта, счет книгам по вопросам восточных религий, философий и санскритским рукописям которой идет уже на десятки тысяч. Известно также и богатым личным архивом Е.П. Блаватской, которым неизменно пользуются писатели для подготовки биографий Елены Петровны и истории Теософского общества. В те же годы в Адъяре начали проводиться ежегодные теософские конференции, называемые конвенциями, что довольно быстро стало традицией, а сам Адъяр превратился в международный теософский центр.

Широкое распространение теософии

Индийский период деятельности Елены Петровны был отмечен стремительным ростом числа отделений Теософского общества по всему миру, чему безусловно способствовали широкие программа и подход основателей к правилам для вступающих в Общество. Теософские общества возникли в США, Англии, Индии, Цейлоне, Франции, Австрии, Венесуэле, Японии, на Филиппинах и Корфу и первое российское — в Одессе. Вице-президентов уже в 1880 году было девять человек. Среди них от России — исследователь оккультизма и издатель А.Н. Аксаков, от США — генерал-майор А. Даблдей, от Цейлона — влиятельный буддийский монах Х. Сумангалала, от Франции — Ю.-Д. де Поте. Поначалу теософов "Арья Самадж" возглавлял свами Даянанд Сарасвати. Особое звание почетного члена Генерального совета Теософского общества было присвоено тете Елены Петровны — Надежде Андреевне Фадеевой. Сама Елена Петровна сохраняла за собой пост секретаря-корреспондента. Из Европы и Америки в Адъяр прибыло несколько талантливых сотрудников, посвятивших свою жизнь теософии. Например, Франц Гартман, немец, эмигрировавший в 1865 году в США. По профессии он был врачом, а по призванию — мистиком, философом и писателем. Можно назвать также и Джорджа Лейна Фокса, англичанина, по профессии электрика.

Гартман вспоминал о первом дне, проведенном в Адъяре, когда он "зашел к ней в комнату и застал ее за работой. Чтобы не отвлекать ее, я сел у окна и стал думать об одной своей знакомой, умершей несколько лет назад в Галвестоне, и о том, что сталось с ее "принципами". Я заметил, что г-жа Блаватская перевернула бумагу и принялась поигрывать карандашом. Вид у нее был отсутствующий, взгляд устремлен вдаль. Потом она протянула мне листок. На нем был рисунок с ответом на мой вопрос. Тело моей знакомой лежало на земле, рядом стоял элементал и наблюдал за выходом астрального тела, радуга обозначала поднятие ее духа к высшим сферам. Я часто получал от г-жи Блаватской подобные свидетельства ее оккультной силы… но самым удивительным феноменом стала для меня обретенная вдруг мною способность писать статьи на оккультные темы для "Теософа" и без всякой предварительной подготовки читать публичные лекции, собиравшие заинтересованную и признательную аудиторию не только в Индии, но и в Америке, Германии и Италии, хотя до приезда в Индию я ни разу с лекциями не выступал".

Елена Петровна писала о членах Теософского общества: "Члены Теософического Общества вольны исповедовать любую религию или философию, которая им нравится, или никакой, если они это предпочитают, при условии, что они симпатизируют трем его целям и готовы выполнять по меньшей мере одну из них. Общество — филантропическая и научная организация для распространения идеи братства в практическом, а не теоретическом плане. Его члены могут быть христианами или мусульманами, иудеями или парсами, буддистами или брахманистами, спиритуалистами или материалистами — это не имеет значения; но каждый должен быть либо филантропом, либо исследователем арийской и иной древней литературы, или изучать психические явления. Короче говоря, ему следует, по возможности, помогать выполнению хотя бы одной из целей нашей программы. В противном случае у него нет причин присоединяться к нам. Таково большинство экзотерического Общества, состоящего из "прикрепленных" (кто присоединился к какой-то определенной секции Теософического Общества) и "не прикрепленных" (кто принадлежит к Обществу в целом, имеет свидетельство из Штаб-квартиры Теософического Общества (Адьяр, Мадрас), но не связан ни с каким отделением или ложей членов. Они могут стать, а могут не стать теософами в действительности. Они являются членами, благодаря вступлению в Общество; но последнее не может сделать теософом того, у кого нет чувства божественного лада вещей, или того, кто понимает теософию своим собственным — если можно так выразиться — сектантским и эгоистичным образом. Поговорку "не место красит человека, а человек место" можно, в данном случае, перефразировать так: "теософ тот, кто теософию практикует"".

На вопрос, в чем же стимул и польза человеку от вступления в Общество, она отвечала: "Пользы никакой, кроме преимущества в получении эзотерических инструкций, подлинных учений "Религии Мудрости", и, если выполняется его истинная программа, — в получении помощи от взаимной поддержки и симпатии. Союз — это сила и гармония, и слаженные одновременные усилия творят чудеса. В этом был секрет всех сообществ и союзов с тех пор, как существует человечество".

Е. П. Блаватская и теософы. Индия

Многим тогда казалось, что можно стать оккультистом и даже адептом и в одиночку, но Елена Петровна предостерегала от выбора такого пути: "Есть десять тысяч шансов против одного, что ему это не удастся. И первая среди многих причина в том, что в наши дни нет книг по оккультизму или теургии, которые бы излагали секреты алхимии или средневековой теософии простым языком. Все они символичны или даны притчами; а поскольку на Западе на протяжении веков ключ к ним был утерян, то как может человек узнать верный смысл того, что он читает или изучает? В этом самая большая опасность, которая ведет к неосознанной черной магии или к самому беспомощному медиумизму. Потому тем, у кого нет посвященного, с которым можно было бы сверяться, лучше бы оставить эти опасные исследования. Оглянитесь вокруг и понаблюдайте. В то время, как две трети цивилизованного общества высмеивают саму мысль о том, что в теософии, оккультизме, спиритизме или каббале что-то есть, оставшаяся треть состоит из самых разнородных и противоположных элементов. Некоторые верят в мистическое и даже в сверхъестественное (!), но каждый верит по-своему. Другие бросаются без руководства в изучение каббалы, психизма, месмеризма, спиритизма или какой-либо формы мистицизма. Результат: нет двух людей со сходным мнением, согласных друг с другом в основных оккультных принципах, хотя многие притязают на достижение предела знаний и хотели бы заставить других поверить в то, что они являются вполне состоявшимися адептами. На Западе не найти не только доступного, научного и точного знания оккультизма — нет даже знания настоящей астрологии, единственной ветви оккультизма, которая, в ее экзотерическом изучении, имеет определенные законы и

систему, — но и ни у кого нет даже представления о том, что такое истинный оккультизм. Некоторые сводят древнюю мудрость к каббале или иудейской книге "Зоар", которые каждый трактует по-своему, в соответствии с мертвой буквой методов раввинов. Другие считают конечным выражением Высшей Мудрости труды Сведенборга или Бёме, тогда как третьи опять же усматривают великую тайну древней магии в месмеризме. Те же из них, кто применяет свои теории на практике, из-за невежества скатываются к черной магии. Счастливы те, кому удается этого избежать — ведь у них нет ни мерила, ни критерия, чтобы отличить истинное от ложного".

Поездки по Индии продолжились и после переселения в Адъяр. Теперь это была Южная Индия, которая в глубокой древности являлась частью величайшего континента Лемурии, предшествовавшего по времени Атлантиде и включавшего в себя также острова современной Океании и Австралию. Индия представляет собой и поныне богатейшее поле для исследования уникальных племен, живущих в горах Нилгири, или Голубых горах. Предки этих племен восходят как раз к народам древней Лемурии. Елена Петровна посетила не известные тогда европейцам племена тоддов, курумба, баддага, познакомилась с их жизнью, обычаями и верованиями и написала путевые очерки о том путешествии. В 1883 году в журнале "Русский Вестник" М.Н. Катковым эти очерки были опубликованы под названием "Загадочные племена на "Голубых горах" и имели не меньший успех, чем напечатанные тремя годами ранее "Из пещер и дебрей Индостана", и многократно переиздавались в России. В 1893 году появился сборник, составленный ее сестрой Верой, куда помимо "Племен" вошел очерк "Дурбар в Лагоре" о большом индийском приеме, прошедшем в ноябре 1880 года по случаю назначения новым вице-королем Индии лорда Джорджа Риппона (1880–1884).

Теософская работа в Европе

В конце 1883 года Елена Петровна приняла решение переехать в Европу и продолжить теософскую деятельность в Старом Свете. Также к тому моменту созрел замысел написания огромного четырехтомного труда "Тайная Доктрина", который должен был бы развить идеи "Разоблаченной Изиды" и представить человечеству свод знаний о происхождении и эволюции мира и человека, макрокосма и микрокосма, долгие тысячелетия хранившийся втайне немногими посвященными Адептами Восточного Братства. Климат Индии также не очень подходил для ухудшающегося здоровья Елены Петровны и требовал, по мнению врачей, перемены перед новой большой работой.

Елена Петровна в компании своих спутников и полковника Олькотта покинула Индию 20 февраля 1884 года. Заместителем Олькотта на посту президента Общества в Адъяре остался Франц Гартман, а вести дела "Теософа" было поручено Субба Роу. На пути в Европу, в Египте, Елена Петровна с большим запозданием узнала о смерти 23 декабря 1883 году своего дяди Ростислава Андреевича Фадеева, близкого и родного человека, горячо любимого ею. Она вспомнила, что во время его ухода из жизни ей было явлено три весьма ярких видения, в которых являлся Ростислав Андреевич. Р.А. Фадеев оставил после ухода из жизни добрую память, а также целый ряд трудов по военным наукам, среди которых особенно выделялся фундаментальный — "Шестьдесят лет Кавказской войны".

До Европы Елена Петровна добралась 12 марта 1884 года, сойдя вместе со своими спутниками на берег в Марселе. Затем направилась в Ниццу, где гостила неделю по приглашению леди Мэри Кейтнесс, герцогини де Помар, в ее дворце "Тиранти". Кейтнесс овдовела, искала применения свои силам, примкнув к спиритическому движению. Ознакомившись с "Разоблаченной Изидой", решила посвятить жизнь теософии, основав в Париже "Теософское общество Востока и Запада".

Далее путь теософов лежал в Париж, где Елену Петровну дожидался прибывший из Нью-Йорка Уильям Джадж, готовый по указанию Учителя помочь ей в работе над "Тайной Доктриной", а также брахман Мохини Мохан Чаттерджи и слуга-индус Бабула, прибывшие во Францию вместе с Еленой Петровной.

Джадж рассказал интересную историю, из которой следовало, что когда дела американского Теософского общества после многолетнего отсутствия основателей, в первую очередь Е.П.

Блаватской, пришли в упадок, то в декабре 1883 года на очередном заседании Общества появился никому незнакомый великолепного вида индус, на груди которого сиял драгоценный камень с мистическим словом "ОМ". Гость произнес имевшую целью возрождения Общества короткую вдохновенную речь, которую сопроводил отрывком из священной поэмы индусов "Бхагавад-Гиты", и передал экземпляр этой книги руководителю Общества Э. Даблдею. Затем исчез, растворившись в воздухе.

В Париже леди Кейтнесс сняла для Елены Петровны и ее спутников дом по улице Нотр-Дам де Шан, 46, где все и разместились. Этот дом стал штаб-квартирой Елены Петровны на все пребывание в Париже. Газеты много писали о приезде знаменитой Блаватской, и ее сразу по прибытия стали навещать многочисленные посетители, корреспонденты европейских и американских газет, сюда съехались друзья и теософы со всего света. Елена Петровна выступила во многих парижских домах. Эти встречи описала леди Кейтнесс в своей книге "Тайна эпох".

Е. П. Блаватская в Лондоне

Тем временем в Лондонской ложе Теософского общества разворачивалось противостояние между миссис Анной Кинсфорд и Эдвардом Мэйтлендом, с одной стороны, и переехавшим в Лондон в 1883 году из Аллахабада Альфредом Синнеттом, с другой. В Лондон для решения возникших проблем выехал Олькотт, назначив на 7 апреля общее собрание, на котором Елена Петровна поначалу отказалась присутствовать — из-за плохого самочувствия. Однако накануне собрания она получила указание

Учителя немедленно прибыть к лондонским теософам и разрешить конфликт. Учитель сообщил ей также время прибытия поезда на разные станции и в Лондон. Когда Елена Петровна прибыла на собрание, то выборы уже прошли, их результатом стало отстранение Кинсфорд от руководства ложей, назначение Синнетта — вице-президентом, м-ра Финча — президентом, Франчески Арундейл — казначеем. Кинсфорд негодовала, назревал скандал, и Елена Петровна, внезапно появившись на собрании, взяла ход событий в свои руки и потребовала объяснить, почему так плохо обстоят дела. Затем она переговорила наедине с каждым заинтересованным лицом, решив в итоге, что Кинсфорд создаст новую группу под именем Герменевтической теософской ложи, а Лондонская останется в теперешнем составе. Некоторые присутствующие на том историческом собрании имели видение Махатмы М., которого узнали по одному из имевшихся тогда портретов Учителя. После собрания Елена Петровна остановилась в доме Синнеттов на Лэндбрук-гарденс, где состоялись многочисленные встречи с лондонскими теософами. Также она встретилась со знаменитым химиком и физиком сэром Уильямом Круксом, присоединившимся к спиритическому движению.

Сотрудники и родственники

Елена Петровна вернулась в Париж вместе с новой сотрудницей Мэри Гебхард и ее сыном Артуром. Долгое время Мэри училась у Элифаса Леви. После этой поездки в Лондон Елену Петровну очень потянуло вернуться на родину в Россию, особенные чувства вызвал в ней вид парижского русского православного храма: "Я стояла там с открытым ртом, как если бы я стояла перед моей дорогой матушкой, которую не видела многие годы и которая никак не может меня узнать!.. Я не верю ни в какие догмы, мне противны всяческие ритуалы, но мои чувства к православной службе совершенно иные… Наверно, это у меня в крови… Я, разумеется, всегда буду твердить: буддизм, это чистейшее нравственное учение, в тысячу раз больше соответствует учению Христа, чем современный католицизм или протестантство. Но даже буддизм я не сравню с русской православной верой. Я ничего не могу с собой поделать. Такова моя глупая противоречивая натура".

10 мая Елена Петровна переехала вместе с Мохини и Джаджем в прекрасное поместье графини д'Адемар в Энгьене, неподалеку от Парижа, и провела там около трех недель. Она написала письмо тете Надежде и сестре Вере в Россию, с ними она не виделась долгие годы и приглашала их приехать во Францию: "Я сбежала от своих друзей-космополитов, интервьюеров и прочих назойливых мучителей, уехав из Парижа на несколько дней в Энгьен, на виллу "Круазак", принадлежащую моим дорогим друзьям графу и графине д'Адемар. Они настоящие друзья и заботятся обо мне не только ради феноменов, которые мне так надоели. Здесь в моем и вашем распоряжении целая анфилада комнат… Графиня очаровательная женщина: она очень богатая американка, такая милая и непретенциозная. Ее муж, хоть и большой аристократ и закоренелый легитимист, тоже очень прост в своих привычках и обхождении".

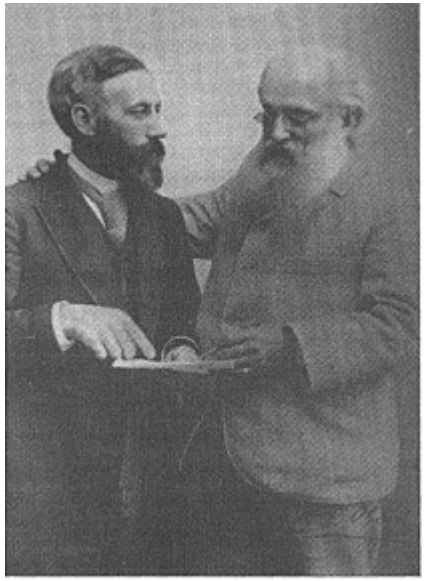
Началась подготовка материала для "Тайной Доктрины", Уильям Джадж работал с "Разоблаченной Изидой", отмечая места, которые впоследствии должны были войти в новый труд.

После возвращения в Париж в мае к Елене Петровне из России приехали ее родственницы, Вера Петровна и Надежда Андреевна, и гостили до конца июня. 28 июня Елене Петровне снова пришлось ехать в Лондон все по тому же спору между руководителями Лондонского теософского общества, и там она провела шесть недель, остановившись в доме Франчески Арундейл на Элгин-Кресент, 77, в Ноттинг-хилл.

Из Лондона Елена Петровна, вынужденная по делу расстаться со своими дорогими родственниками, написала письмо Надежде Андреевне: "Моя дорогая, моя драгоценная Надежда Андреевна! Вот уже многие годы я не плакала, но когда вы обе исчезли из виду, выплакала все мои слезы. Я думала, сердце мое разорвется, так мне стало дурно. К счастью, какие-то добрые французы, ехавшие со мной в одном купе, принесли мне на следующей станции воды и заботились обо мне как могли. В Булони меня встречал Олькотт, и чуть было не расплакался, увидев, насколько я плоха. Он также сильно расстроился при мысли, что ты и Вера могли счесть его бессердечным потому, что он не приехал за мной в Париж. Но бедный старина не знал, что я так больна. Ты ведь знаешь, что мне все время нездоровится. Я переночевала в Булони, а на следующее утро из Англии прибыли еще пятеро теософов, чтобы заботиться обо мне… Меня чуть не на руках внесли на пароход, а затем так же вынесли и с триумфом доставили в Лондон. Я едва дышу, но все равно нынче же вечером мы устраиваем прием, на который придут наверно около пятидесяти наших старых знакомых. Англичане в большинстве своем не подвержены шатаниям; в них много постоянства и преданности. На Черинг-кросс Мохини и Кейтли чуть ли не до смерти перепугали англичан, бухнувшись мне в ноги, будто я идол какой-то. Я не на шутку рассердилась — так искушать провидение".

Елена Петровна не знала, что еще весной Мохини получил письма от Учителя, в которых говорилось: "Для "пелингов" (европейцев) много значат внешние проявления. Человек должен поразить их внешне, прежде чем о нем сложится постоянное, устойчивое внутреннее впечатление. Запомни это и постарайся понять, почему я жду от тебя следующих действий: когда Упасика (так Учителя называли Елену Петровну. — *О.Б.*) прибудет, ты встретишь и примешь ее так, словно вы в Индии и она — твоя собственная мать. Ты не должен обращать никакого внимания на толпу французов и прочих. Ты должен ошеломить их; и если полковник спросит, зачем ты это делаешь, ответь ему, что приветствуешь именно внутреннего человека, внутреннего обитателя, а не Е.П.Б., ибо ты получил указания на сей счет от нас. И прими к сведению, что Некто гораздо более высокий, чем я, милостиво согласился ознакомиться с создавшимся положением в целом — в ее облике, и затем посещать, иногда, таким же способом, Париж и, возможно, другие места проживания иностранных членов. Приветствовать ее таким образом ты будешь всякий раз, встречаясь и прощаясь с ней, пока вы в Париже, невзирая на то, как это воспринимается, и на ее собственное

изумление. Это — проверка…



Уильям Джадж и Генри Олькотт

Твое отношение к Упасике и всему, что связано с ней, настолько ребяческое, словно ты стараешься создать о ней еще худшее впечатление, чем оставляет даже собственное ее легкомыслие, когда она целиком предоставлена самой себе. Не забывай, что все благо, уготованное нашей Индии… всецело сложено ее личными усилиями. Едва ли ты сможешь в полной мере выразить ей то уважение и признательность, которых она заслуживает. Лучше показать англичанам все те нравственные достоинства, коими она обладает, чем постоянно развлекать их историями о ее ребячествах и причудах, вызывающими смех над ней или даже насмешки… Ты — тот представитель Индии, которому предстоит духовно возродиться. Ты должен, следовательно, вести себя как философ, а не как смешливый юнец, если претендуешь на то, чтобы стать чела".

Почитание заслугам Е.П. Блаватской оказывалось также и английскими теософами. Лондонская ложа устроила прием в честь Блаватской и Олькотта в Принсес-холл на Пикадилли. Родственникам она сообщала: "Никогда мне и здесь не выздороветь! Это не жизнь, а какой-то безумный чад с утра до ночи. Визиты, обеды, вечера и митинги — ежедневно!.. Ольга Новикова (жившая в Лондоне. — *О.Б.*) уверяет, что испытывает ко мне какое-то обожание, и каждый день приводит своих людей, чтобы познакомить их со мною. Она уже успела свести со мною всех лондонских знаменитостей, кроме великого министра

Гладстона, который, согласно "St. James Gazette", и боится меня, и восторгается мною: "опасается ее в той же степени, в какой восхищается ею!" На мой взгляд, это уж просто наваждение какое-то… 21 июля было у нас собрание — conversazione (вечер, устраиваемый научным или литературным обществом. — *ит.)*, как это здесь называется, в честь г-жи Блаватской и полковника Олькотта, которое провели в королевском зале. Сначала отпечатали пятьсот пригласительных открыток, но вокруг них возник такой ажиотаж, что пришлось изготовить еще столько же. Госпожа Новикова написала на имя нашего посла, прося о двух пригласительных билетах, и привела с собой послов Франции, Голландии, Германии, Турции, румынского принца Х. и почти весь персонал ее преданного друга Гладстона. И вот, наконец, Хитрово — наш генеральный консул в Египте, прибывший сюда по делам… Профессор Крукс и его жена сидели позади моего кресла подобно паре адъютантов, указывая мне без конца на своих коллег из Королевского общества, знаменитостей, светил науки в области физики, астрономии и всевозможных "темных наук". Замечаете, ощущаете теперь, милая моя, как действует карма? Цвет английской науки, интеллектуальная элита и аристократия оказывают мне почести, которые я ни в малейшей степени не заслуживаю".

Е.П. Блаватская

Затем Елена Петровна приняла приглашение руководителя Общества психических исследований (ОПИ) профессора

Сиджуика и вместе с Мохини и Франческой Арундейл побывала в Кембридже. Профессор записал после встречи в своем журнале: "Наше благоприятное впечатление от г-жи Блаватской не изменилось; если верить своему восприятию, то она человек искренний и щедро одарена интеллектуально и эмоционально, и действительно думает о благе рода человеческого". Встретилась Елена Петровна также и с молодым Ричардом Ходжсоном, австалийцем, выпускником Кембриджа, недавно вступившим в члены ОПИ. Через некоторое время ОПИ пошлет Ходжсона в Индию, в Мадрас, для исследования феноменов, произведенных Е.П. Блаватской.

Затем в середине августа Елена Петровна по приглашению супругов Гебхардов, Густава и Марии, приехала на семь недель в германский город Эльберфельд. К тому моменту уже было организовано Германское теософское общество. Густав являлся банкиром и владельцем фабрики по производству шелка, а ранее был германским консулом в Иране. Его супруга Мэри имела врожденную склонность к оккультизму, много лет была ученицей Элифаса Леви, изучала Каббалу. После того как было создано Теософское общество, Мэри вступила в него. По ее стопам пошли почти все семеро ее детей, также став теософами.

Радушный хозяин, Густав очень тепло принимал теософов, а также многочисленных гостей Елены Петровны, стремившихся к общению с ней. Так, в Эльберфельд почти на два месяца приезжала погостить Надежда Андреевна, Густав Цорн, секретарь Теософского общества в Одессе, петербургский писатель историк и мистик Всеволод Соловьев, брат известного русского философа Владимира Соловьева, чета Синнеттов, Фредерик Майерс из ОПИ, Ч.-К. Мэсси и многие другие. Приехав в Германию, Елена Петровна собиралась наконец-то приняться вплотную за работу над "Тайной Доктриной", но опять тяжело заболела, большую часть времени проводила в постели.

Заговор христианских миссионеров Мадраса

В середине сентября из Адъяра пришло известие, что мадрасский "Кристиан колледж мэгэзин" опубликовал клеветническую статью "Крах Кут Хуми". В этой статье против Елены Петровны выдвигались обвинения в мошенничестве, что демонстрировавшиеся ею феномены были трюками, якобы письма от Махатм писала она сама и привлекла в сообщницы свою экономку Эмму Куломб и ее мужа. Выдержки из этой статьи были растиражированы крупными англо-индийскими газетами, и это произвело самый неприятный эффект. Он усиливался также распространением в некоторых индийских городах листовок, объявляющих о том, что "г-жа Блаватская развенчана; ее интриги и мошенничество разоблачены". Дальше черную эстафету клеветы подхватили и газеты Нового и Старого Света. Лондонская "Таймс" опубликовала эту историю 20 сентября 1884 года. Надо, правда, отдать должное этой газете, поскольку 9 октября в ней появилась ответная статья Елены Петровны.

"*Милостивый государь!*

В Мадрасе распространились неосновательные и возмутительные слухи о заговоре, в который я будто бы вошла с гг. Куломб для обмана публики таинственными явлениями. Относительно этих обвинений я скажу, что приписываемые мне письма написаны не мною. Некоторые мысли, изложенные в них, действительно были высказаны мною, но они настолько затемнены разными вставками, что смысл их совершенно извращен. Подделыватели писем до того грубо невежественны, что приписывают мне, например, отзывы о лахорском махарадже, тогда как в Индии каждому школьнику известно, что такой особы не существует. Что касается обвинения в том, что я будто бы обманывала ради денежных средств теософического общества, то я никогда никаким образом не выманивала и не вымогала денег как для себя, так и для "Общества", и смело предлагаю всякому попытаться доказать противное, если я не права. Деньги я получаю только за мои литературные произведения и еще доходы с наследственного имения, которое я получила раньше, чем посвятила свою деятельность теософическому обществу. Теперь я беднее, чем была в то время, когда основала "Общество".

Ваша покорная слуга Е. Блаватская 7 октября 1884 г."

Уже в мае того же года из Адъяра сотрудники сообщали Елене Петровне о том, что Эмма Куломб, уволенная адъярским

правлением за несколько месяцев до этого, распространяет сплетни о Блаватской, заявляет, что имеются компрометирующие Елену Петровну письма, и пытается шантажировать ее сотрудников с целью получения мзды за молчание.

"Когда Субба Роу спрашивал меня, — писала Елена Петровна, — "в письме в Париж, чтобы я вспомнила, не писала ли я ей (Эмме Куломб. — *О.Б.*) компрометирующие меня письма, советуя их выкупить за любую цену, чтобы только не погубить репутацию мою и, возможно, Теософское общество, я ответила ему (в мае 1884 г.), что никогда не писала ей ничего такого, что нельзя было бы обнародовать; что она лжет и может поступать так, как ей заблагорассудится…

Будь я таким ослом (чтобы писать подобные письма Куломбам)… я ни за что не поехала бы в Европу; я перевернула бы и небо, и ад, чтобы помешать Правлению выставить их из дома; я вернулась бы домой при первых же признаках опасности".

"В конце сентября, — вспоминала Франческа Арундейл, — г-жа Блаватская опять ненадолго навестила нас, перед тем как ехать к чете Оукли — они должны были вместе отправиться в Индию. Она была подавлена, нездорова и измучена пережитым. Перед тем как покинуть Эльберфельд, она писала мне: "Я сложила с себя обязанности секретаря-корреспондента Общества: я публично заявила о своем выходе из него; ибо я считаю, что пока я состою в Обществе — и тем более во главе его, — я буду постоянной мишенью, и от этого пострадает Общество… Мое сердце — если от него еще что-то осталось — разбито этим шагом. Но мне пришлось пожертвовать собой ради блага Общества. Дело выше отдельных людей и личностей"".

Елена Петровна решила защитить свое доброе имя от возведенной на нее клеветы и 30 октября 1884 года отравилась в Индию из Ливерпуля. Плыла она в сопровождении своих друзей и сотрудников супругов Купер-Оукли и присоединившегося к ним в Порт-Саиде молодого сотрудника Теософского общества Чарлза Ледбитера. На некоторое время побывала в Каире, где была очень тепло встречена российским консулом господином Хитрово, затем из Порт-Саида снова продолжила путь до цейлонского Коломбо, затем до Мадраса.

Прибывших Блаватскую и Олькотта (он ожидал Елену Петровну на Цейлоне) отвезли в Пачиаппа-холл, для торжественного приема, на котором вручили обращение, подписанное пятьюстами студентами мадрасских колледжей, причем триста из них были из того самого христианского колледжа Мадраса, клеветавшего на Елену Петровну. В обращении говорилось: "Вы посвятили свою жизнь бескорыстному

распространению истин оккультной философии. Вы пролили потоки света на сокровенные тайны нашей древней религии и философии, послав в мир свое изумительное сочинение, "Разоблаченную Изиду". Этим вы подвигнули всеми нами любимого полковника Олькотта на огромный труд любви — возрождение уже гаснувшего пламени религии и духовности на алтарях Арьяварты".

Учителя несколько раз предупреждали сотрудников Елены Петровны, Олькотта и остающихся в Адъяре членов правления о готовящемся заговоре: "Что бы вы ни услышали из Адьяра, не удивляйтесь. И не падайте духом. Может статься, — хотя мы пытаемся предотвратить это, насколько позволяет Карма, — вам придется дома столкнуться с большими неприятностями. Годами вы давали приют предателю и врагу, и компания миссионеров готова тут же воспользоваться любой ее услугой, на какую ее смогут склонить. Имеет место самый настоящий заговор. Она (Эмма Куломб. — *О.Б.*) в бешенстве из-за появления м-ра Лейн-Фокса и тех полномочий, которыми вы наделили Правление…

Уже некоторое время эта женщина ведет регулярные закулисные переговоры с врагами нашего дела, некими падре… Она надеется получить от них больше 2000 рупий, в случае если поможет им развалить или хотя бы очернить Общество, бросив тень на его основателей. Отсюда намеки на "люки" и на фокусы. Более того, когда потребуется, люки будут обнаружены, поскольку их уже какое-то время готовят… Держите все сказанное выше в строжайшем секрете, если хотите оказаться сильнее. Пусть она не подозревает, что вы об этом знаете, но если хотите моего совета — будьте благоразумны. Однако действуйте без промедления".

Е.П. Блаватская

Тогда же в мае супругов Куломб уволили, а дальше произошло то, о чем предупреждали Учителя. Куломбы прямиком направились к христианским миссионерам Мадраса, поскольку те ненавидели Блаватскую за ее участие в возрождении у индийцев интереса к своим исконным религиям, рассчитывали обратить тех в свою веру и готовы были хорошо заплатить за компрометирующую информацию.

Такой информацией стали поддельные и порочащие Елену Петровну ее "письма" к Эмме Куломб, написанные якобы Еленой Петровной, а на самом деле, Алексисом Куломбом, имевшим с ней очень похожий почерк. В дополнении к письмам умеющий хорошо плотничать Куломб соорудил в стенах комнат отсутствовавшей тогда в Адъяре Блаватской тайные отверстия, люки, через которые она, как утверждали, Куломбы, получала, с помощью все той же Эммы Куломб, поддельные письма Учителей. Дело в том, что сама Елена Петровна, в силу открытых психических центров, не нуждалась для общения с Учителями в рукописных посланиях, а общалась с ними по духовному каналу, телепатически, а ученики и сотрудники, как, например, Синнетт, Олькотт, Гартман и другие, именно излагали свои мысли на бумаге, прежде чем письмо отправлялось Учителям. Ответы же получали они также в письменном виде, и доставлялись они разными способами: иногда письма приносили посланники Махатм, иногда письма материализовывались в том месте, где

находился в настоящую минуту адресат, но чаще всего для таких материализаций использовался "почтовый" ящик, киот, в личной комнате Елены Петровны. Экономка Эмма Куломб, имевшая доступ во все помещения адъярской штаб-квартиры Общества, знала о назначении этого ящика и с помощью мужа устроила дело так, чтобы все выглядело как система для фабрикации Еленой Петровной феноменов, и что они сами помогали ей производить их. Летом 1884 года, уже после того, как Куломбов уволили, в штаб-квартиру Теософского общества являлся директор Христианского колледжа Мадраса и просил разрешения осмотреть комнату с "люком" и киот, и когда ему было в этом отказано, неожиданно признался(!), что заплатил Куломбам за "работу" около ста рупий. Надо сказать, что "письма" Елены Петровны, за которые Куломбам также было заплачено, впоследствии никогда, нигде и ни в каком виде не предъявлялись ни общественности, ни самой Елене Петровне, не публиковались даже выдержки, хотя собственно на этих письмах и строились все обвинения против нее. Однако нашлись — не без давления на них Ричарда Ходжсона, впоследствии расследующего это дело в качестве представителя Общества психических исследований, — "эксперты", менявшие несколько раз свое мнение, но в конце концов объявившие о том, что и письма к Эмме Куломб, и письма Махатм к сотрудникам Теософского общества написаны одним и тем же человеком — Еленой Петровной Блаватской.

Приехав в Адъяр, Елене Петровне хотелось только одного — дать бой клеветникам, подать на них в суд, защитить свое имя. И надо сказать, что в той критической ситуации требовались решительные и согласованные действия руководителей Теософского общества, требовалось единство в этом направлении, т. е. в привлечении клеветников к ответу в суде, но увы… Ближайшие сотрудники проявили откровенное малодушие; полковник Олькотт, президент Общества, упорно отговаривал ее судиться, он попросту отказался поддержать ее в суде, и другие теософы заняли такую же позицию, надеясь, что скандал как-то уляжется сам. Скандал, конечно, со временем затих, но пятно со своей репутации Елене Петровне без поддержки сотрудников смыть не удалось.

Обратно в Европу

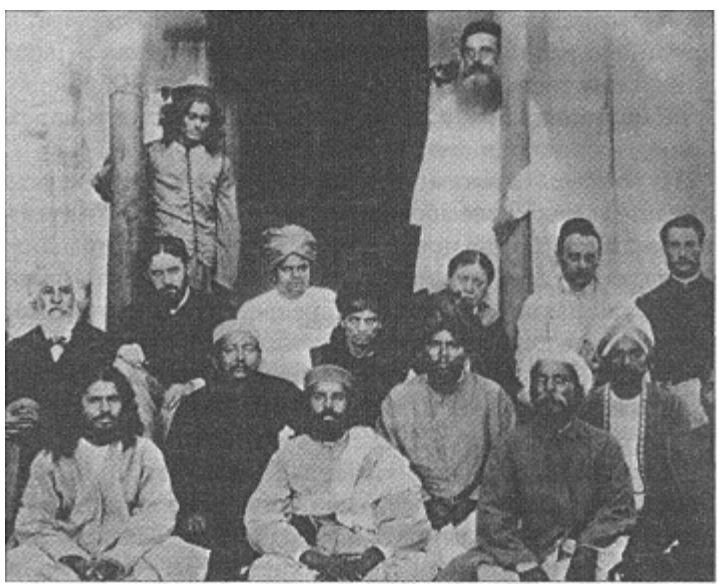
В середине января 1885 года обострилась хроническая болезнь Елены Петровны, после нескольких недель болезни она впала в кому, оказавшись на самом краю смерти. Врачи были бессильны, а сотрудники начали готовиться к траурным мероприятиям. Далее, как вспоминает ухаживавшая за Еленой Петровной Купер-Оукли: "Внезапно на веранде возник полностью материализовавшийся Учитель М. Он быстро пересек проходную комнату и вошел в покои Е.П.Б. Между тем, сидевшие в соседней комнате вышли… По выздоровлении Е.П.Б. поведала ближайшим друзьям, что к ней пришел Учитель и предложил выбор: с миром умереть сейчас, и на этом ее мученичество окончится, или жить еще несколько лет ради (написания) "Тайной Доктрины". После чудесного выздоровления Елена Петровна направила в Генеральный совет Теософского общества заявление об отставке: "Господа, я вынуждена снова подать прошение об отставке, уже поданное мною 27 сентября 1884 года и отозванное по настоятельным просьбам и ходатайствам друзей из Общества. Мою нынешнюю болезнь врачи признали смертельной; мне не обещают и года жизни. В этих обстоятельствах было бы нелепо оставаться на посту секретаря-корреспондента, и я настоятельно прошу позволить мне уйти в отставку. Я хочу посвятить немногие оставшиеся мне дни иным мыслям и быть свободной на случай возможной смены климата, если сочтут, что это будет мне на пользу.

Говорю всем вам, и каждому из моих друзей и единомышленников, свое любящее "прощай". Если случится так, что это будет моим последним словом, я заклинаю вас всех, во имя блага человечества и ради вашей собственной кармы, хранить верность Обществу и не позволить врагу разрушить его. Братски и навек ваша — в жизни и смерти. Е.П. Блаватская".

На вопросы соратников о возможности предупредить предательство Куломбов она ответила: "Разве Учитель не предоставил мне право выбора: следовать заповедям Владыки Будды, который велит нам накормить даже змею, умирающую от голода, презрев страх, что она может укусить кормящую ее руку, или же принять карму, которая неизменно карает того, кто отворачивается при виде греха и нищеты и не озаботится помочь грешнику или страдальцу".

Несколько месяцев спустя Елена Петровна написала в Россию письмо, где обрисовала ситуацию с отъездом из Индии: "Это известно всей Индии; все знают, насколько меня страшились и

как ненавидели многие — почти все англо-индийцы, и какой существует огромный против нашего общества заговор между европейцами в Индии и даже в Америке и Англии. "Не мытьем, так катаньем". Не находя предлога разрушить приносящее пользу общество, в котором, к тому же, очень много самых известных англичан, наши "доброжелатели" вздумали убить его, убив, если не меня, то мою репутацию. Дошло до того, что пожелали даже представить все Теософическое Общество, организованное полковником Олькоттом и мною, не чем иным, как водевилем с переодеваниями и ширмой, за которой скрываются мои планы и действия "русской шпионки". Такое мнение высказал, между прочим, публично, за обедом у м-ра Гарстина, одного из выдающихся сановников правительства в Мадрасе, член Лондонского общества для психических исследований. Это произвело страшную бурю. Знающие люди убедили тогда моих друзей в Адьяре (главная квартира Теософического Общества), что в данное время мое положение далеко не безопасно, как русской, пользующейся известным влиянием среди индусов, и что мне угрожал, невзирая на мою болезнь, арест.



Члены Теософского общества. Адъяр. 1880-е гг.

Таким образом, не объяснив мне даже хорошенько, в чем дело, эти перепугавшиеся за меня друзья решили, по совету доктора, который грозил им, что такой арест был бы для меня в то время смертью, отправить меня, не медля ни одного дня, в Европу. Прямо с постели, полумертвую, меня перенесли поздно вечером в кресле на французский пароход, где я была в

безопасности от врагов, и отправили в сопровождении доктора Хартмана, моего секретаря-индуса и преданной мне молодой англичанки, в Неаполь. Только придя уже несколько в себя, за островом Цейлоном, я узнала, в чем дело. Не будь я так больна, в то время даже и опасность ареста не заставила бы меня покинуть Индию".

Начало работы над "Тайной Доктриной"

В конце марта на корабле "Тибр", плывущем из Бомбея в Неаполь, Елена Петровна в сопровождении Мэри Флинн, индуса-чела Баваджи и Франца Гартмана возвращается в Европу. Ей больше было не суждено увидеть Индию, страну, для блага которой она столько сделала: и возрождение санскритской литературы, и старания примирить религию с наукой, и пролитие света на потустороннюю судьбу человека, и соединение различных индусских каст в одно братское чувство взаимной симпатии, и верную передачу арийской Мудрости, которая подвергалась таким искажениям со стороны европейцев.

После приезда из Индии в Европу Елене Петровне потребовалось более трех месяцев, чтобы восстановить силы и оправиться от пережитых волнений. Жила она в уединении в маленьком городке Торо-дель-Греко близ Неаполя. Затем по совету Махатмы Кут Хуми Елена Петровна переезжает в Северную Баварию, в Вюрцбург, маленький городок в Германии, неподалеку от Гейдельберга и Нюрнберга. Из Вюрцбурга она писала Синнетту: "Я смогу сделать гораздо больше для нашего движения, оставаясь в тени, чем если снова буду на виду у всех. Дайте мне укрыться в глухих местах и писать, писать, писать — и учить тех, кто хочет учиться. Учитель вернул меня к жизни, так уж позвольте мне жить и умереть относительно спокойно".

Писать текст "Тайной Доктрины" Елена Петровна начала еще на корабле по пути в Европу, затем продолжила в Вюрцбурге. "На эту работу, — как писала Е.Ф. Писарева, — она смотрела как на главное дело своей жизни. Она была уверена, что человечество подошло к нравственному кризису, что все усиливавшийся материализм мог закристаллизовать сознание в такой степени, что возврат к духовности становился бы все труднее и труднее. Нужно было помочь ему, пробить окно в духовный мир, раскрыть перед людьми невидимые для них дали".

Первые месяцы в Вюрцбурге Елена Петровна была вынуждена жить в одиночестве, хотя и очень нуждалась в помощи. Через некоторое время такая помощь пришла в лице Констанс Вахмейстер, вдовы шведского посланника в Лондоне, осенью 1885 года переехавшей к Блаватской в Вюрцбург.

Отчет Общества психических исследований

В декабре 1885 года был опубликован отчет Общества психических исследований, который был составлен Р. Ходжсонон, экспертом Общества, около года занимавшегося расследованием дела Куломбов. В этом отчете, заверенном руководством Ходжсона, Елена Петровна обвинялась в мошенничестве, в поддельности всех необычайных явлений, феноменов, происходивших в Адъяре, в поддельности писем Махатм и, вдобавок ко всему, по тогдашнему русофобскому обычаю англичан, в преследовании интересов российского правительства в Индии, т. е. в шпионаже в пользу России.

Получив этот памфлет, Елена Петровна негодовала, несколько недель не могла продолжать работу над "Тайной Доктриной": "Вот, — восклицала она, — какова карма Теософского общества! Она обрушивается на меня, и я — козел отпущения! Я должна нести на себе грехи Общества, и теперь, когда меня заклеймили величайшей обманщицей, да еще русской шпионкой вдобавок, кто будет слушать меня, кто будет читать "Тайную Доктрину"? Как буду я продолжать дело Учителя? О, проклятые феномены, которые я делала, чтобы удовлетворить друзей и поучать окружающих! Как я вынесу такую страшную карму? Как переживу все это? Если я умру, пострадает дело Учителя и Общество погибнет!"

Между тем, еще в августе 1885 года, Елена Петровна направляет письмо в Россию, где среди прочего говорит:

"1) Хотя совершенно верно, что я горячо люблю мою родину и все русское, а англо-индийскому терроризму не только не сочувствую, но и просто ненавижу его; но не менее верно и следующее: не чувствуя за собою права вмешиваться ни в чьи домашние, тем менее в политические дела, в продолжение моего шестилетнего пребывания в Индии строго следуя "уставам" нашего Теософического Общества, я не только что никогда не выражала перед индусами своих "антипатий", но, любя их и желая им добра от всего сердца, старалась, напротив, помирить их с неизбежным и, утешая, постоянно проповедовала им терпение, прощение и внушала верноподданнические чувства. 2) В благодарность за это, прозорливое англо-индийское правительство узрело во мне, с первого же дня моего приезда в Бомбей "русскую шпионку". Оно не жалело ни трудов, ни денег, чтобы проникнуть ту коварную цель, которая могла заставить

меня предпочитать "покорителям" — покоренных, "тварей низшей расы", как первые называют индусов. Оно окружало меня более двух лет почетным конвоем из мусульманских полицейских шпионов, делая мне, одинокой русской женщине, честь страшиться меня, как бы я была целой армией казаков за Гималаями. Только спустя два года и истратив — по сознанию сэра Альфреда Лайеля, более 50 000 рупий на эту бесполезную погоню за моими политическими тайнами, которых никогда и не было, правительство успокоилось. "Мы сыграли в дураков", — говорил мне очень откровенно затем в Симле некий англо-индийский сановник, в чем я с ним учтиво согласилась".

В прессе Индии и Америки, между тем, появлялись многочисленные протесты против надуманных обвинений, а теософы, в свою очередь, предприняли многочисленные расследования произошедшего в Мадрасе. Возникла целая огромная по объему литература, касавшаяся этого дела. Наиболее тщательно и полно материалы были отобраны следующим, вторым, президентом Теософского общества Анни Безант и изданы в 1907 году под названием "Е.П. Блаватская и Учителя Мудрости". Из этой книги впервые можно было узнать правду о процессе Куломбов — Ходжсона.

Заметим, что Обществу психических исследований потребовалось более ста лет, чтобы, проведя экспертизы почерка Елены Петровны и приписываемых ей писем, признать свою роковую ошибку и снять все обвинения с Елены Петровны, а также извиниться перед теософами. Так, в 1986 году Общество психических исследований, в лице своего сотрудника почти с пятидесятилетним стажем Вернона Харрисона, опубликовало отчет о повторном расследовании событий столетней давности. Вновь была тщательно исследована подлинность писем Куломбов, авторство которых приписывалось Блаватской, и Харрисон, при поддержке свидетельств трех независимых экспертов-графологов, пришел к заключению, "что письма, приписываемые г-же Блаватской, поддельны, и в действительности написаны ее бывшими служащими (Куломбами. — *О.Б.*), с целью отомстить ей; основная же часть писем Махатм, хранящихся ныне в Британской библиотеке (письма Махатм А.П. Синнетту. — *О.Б.*), написана почерком, который не имеет ничего общего с почерком г-жи Блаватской, даже если предположить, что он был намеренно изменен". Предваряя эту публикацию В. Хариссона, редактор журнала Общества психических исследований Джон Белофф пишет: "Мы надеемся, что отныне теософы и, на самом деле, все, кому небезразлична репутация Елены Петровны Блаватской, будут относиться к нам более благосклонно".

Воспоминания графини Вахмейстер

Графиня Констанс Вахмейстер, преданный друг и соратница Елены Петровны, оставила подробные воспоминания о месяцах и годах, проведенных вместе в период работы над "Тайной Доктриной":

"Даже тот великий труд, которым она сейчас занята, "Тайная Доктрина", весьма затруднен преследованиями, оскорбительными письмами и другими мелкими неприятностями, которым она подверглась этой зимой; при этом надо помнить, что Е.П. Блаватская не является полным адептом, и сама она не причисляет себя к таковым, и поэтому, несмотря на все свое знание, она в большой степени восприимчива к оскорблениям и подозрениям, как это свойственно любой светской женщине ее положения.

"Тайная Доктрина" будет действительно великим и грандиозным трудом. Я имела честь наблюдать его прогресс, читать рукопись, быть свидетелем оккультного способа, с помощью которого она получала информацию.

Я недавно слышала от людей, величающих себя "теософами", выражения, которые удивляли меня и причиняли боль. Некоторые из таких особ говорили, что "если бы было доказано, что Махатмы не существуют, то это бы не имело значения, потому что Теософия, несмотря на это, была бы истиной и т. д. и т. п. Такие и подобные утверждения вошли в обращение в Германии, Англии и Америке; но, по моему мнению, они очень заблуждаются, так как, во-первых, если бы не было Махатм или Адептов — иными словами, людей, которые продвинулись так далеко на пути человеческой эволюции, что смогли соединить свою личность с шестым принципом космоса (космическим Христом) — тогда бы доктрины системы, называемой "Теософия", были бы ложными; потому что в ступенях прогресса была бы брешь, которую было бы еще труднее объяснить, нежели "недостающее звено" Дарвина. Если же эти люди говорят только о тех Адептах, которые, как сказано, принимали активное участие в создании "Теософского Общества", то они, кажется, забывают, что без этих Адептов не было бы этого общества, а также "Разоблаченная Изида", "Эзотерический Буддизм", "Свет на Пути", "Теософ" и другие ценные теософские публикации не были бы никогда написаны; и если в будущем мы бы лишили себя влияния Махатм и положились только на самих себя, мы бы вскоре потерялись в лабиринте метафизических домыслов. Пусть наука и умозрительная философия будут вынуждены ограничить себя

теориями и получением информации, содержащейся в книгах: Теософия идет дальше и получает знание через непосредственное внутреннее восприятие.

Е.П. Блаватская во время работы над "Тайной Доктриной"

Изучение теософии означает, следовательно, практическое развитие, и, чтобы достичь этого развития, необходим проводник, который знает то, о чем учит, и который должен был уже достичь этого состояния, пройдя процесс духовного возрождения.

После всего, что было сказано в "Мемуарах" г-на Синнетта об оккультных феноменах, имевших место в присутствии госпожи Блаватской, и о том, как подобные феномены, будучи неотъемлемой частью ее жизни, происходили постоянно, как с ее ведома, так и без такового, мне остается только добавить, что в течение моего пребывания с ней я неоднократно была свидетельницей таких подлинных феноменов. Здесь, как и в любой другой сфере жизни, главный вопрос заключается в том, чтобы научиться должным образом распознавать и знать всему настоящую цену (из письма к А.П. Синнету).

…Не стоит и удивляться, что в работе над "Тайной Доктриной" произошел застой во время этих бурных дней, и даже потом, когда работа была возобновлена, необходимые отстраненность и покой были едва ли достижимы.

Е.П.Б. сказала мне однажды вечером: "Вы не можете себе представить, что значит чувствовать множество враждебных мыслей и потоков, направленных против вас; это похоже на уколы тысячи иголок, и мне приходится постоянно воздвигать защитную стену вокруг себя". Я спросила ее, знала ли она, от кого эти недружелюбные мысли приходили, и она ответила: "Да, к сожалению, я знаю, и я всегда пытаюсь закрыть глаза, чтобы не

видеть и не знать"; и чтобы доказать мне, что это действительно так, она рассказала мне о письмах, которые уже были написаны, цитируя отрывки из них. Через день или два мы получили их, и я смогла убедиться в правильности процитированных из них отрывков.

Однажды, войдя в кабинет к Е.П.Б., я увидела, что весь пол усыпан исписанными листами рукописи.

Я спросила о причине такого беспорядка, и она ответила: "Не удивляйтесь, я двенадцать раз пыталась написать одну страницу правильно, и каждый раз Учитель говорил, что это неверно. Я думаю, что сойду с ума, переписывая ее так много раз; но оставьте меня одну; я не остановлюсь, пока не покорю ее, даже если мне придется потратить всю ночь".

Я принесла чашку кофе, чтобы взбодрить и поддержать ее, и затем оставила ее продолжать свое утомительное задание. Через час я услышала ее голос, звавший меня, и, войдя, я обнаружила, что отрывок наконец был завершен, но стоило это невероятного труда; в то время результаты были часто малы и неопределенны.

Когда она откинулась на спинку, наслаждаясь сигаретой и отдыхом после напряженного труда, я облокотилась на ручку ее огромного кресла и спросила ее, как случилось, что она могла делать ошибки в тех записях, что ей давали. Она ответила: "Видите ли, то, что я делаю, выглядит следующим образом. Я создаю перед собой в воздухе нечто, что я могу обозначить только как вид вакуума, и фиксирую мой взгляд и мою волю на нем, и вскоре сцена за сценой проходят передо мной, как последовательные картины диорамы, или, если мне нужна ссылка или информация из какой-нибудь книги, я пристально сосредоточиваю свой ум, и появляется астральный двойник этой книги, я беру из него то, что мне нужно. Чем более мой ум свободен от рассеянности и обид, чем большей силой и сосредоточенностью он обладает, тем легче я могу сделать это; но сегодня, из-за неприятностей, перенесенных мной после получения письма от Х., я не могла как следует сконцентрироваться, и каждая моя попытка процитировать отрывки оканчивалась неудачей. Учитель говорит, что теперь все правильно, так что давайте пойдем пить чай".

Я уже отметила, что в то время у нас было совсем немного посетителей. В этот вечер, однако, я удивилась, услышав незнакомый голос в коридоре, и вскоре доложили о немецком профессоре, чье имя нет необходимости упоминать.

Он извинился за свое вторжение; по его словам, он проделал огромный путь, чтобы увидеть госпожу Блаватскую и выразить ей свою симпатию. Ему были известны необъективность и

враждебность Отчета ОПИ, и теперь он просил, не окажет ли госпожа ему любезность, исключительно в интересах психической науки, показать некоторые "феномены", которые она так легко делала?

В тот момент "Старая Леди" (Е.П. Блаватская. — *О.Б.*) была очень уставшей, и, вероятно, она мало доверяла учтивым заверениям посетителя; как бы там ни было, она была не склонна удовлетворять его просьбу, но, тем не менее, уступая его настойчивым мольбам, она согласилась произвести пару пустяковых опытов с психо-электрическими силами — стуками — самыми простыми, легкими и наиболее известными из "феноменов".

Она попросила его отодвинуть на некоторое расстояние стол, который стоял рядом с ней, чтобы он мог свободно обойти его и осмотреть со всех сторон. "Теперь, — сказала она, — я постучу для вас по этому столу столько раз, сколько вы пожелаете". Он попросил сначала три раза, затем пять раз, затем семь раз и так далее, и, когда Е.П.Б. поднимала свой палец, по направлению к столу, были слышны резкие, отчетливые стуки в соответствии с выраженным им пожеланием.

Казалось, профессор был восхищен. Он запрыгал вокруг стола с поразительной ловкостью, заглядывая под стол и исследуя его со всех сторон, и когда Е.П.Б. была уже слишком утомлена, чтобы удовлетворять его любопытство в этом направлении, он сел и стал докучать ей своими вопросами, на каждый из которых она ответила с присущей ей живостью и обаянием.

Наконец наш посетитель уехал, оставшись не убежденным, как мы узнали потом. Он был учеником Хаксли и предпочитал принимать любое объяснение, каким бы нелепым оно ни было, только в том случае, если оно не противоречило его собственным теориям.

Бедная Е.П.Б.! Ее больные и опухшие ноги, едва переносившие ее с кресла на диван, мало подходили для гимнастики, на которую их обрек профессор.

Скудность походной библиотеки Е.П.Б. была обстоятельством, которое, более чем какое-либо другое, привлекало мое внимание и вызывало изумление, когда я стала помогать госпоже Блаватской в качестве переписчика и, таким образом, получила некое представление о ее работе над "Тайной Доктриной". Ее рукописи были до краев переполнены ссылками, цитатами, указаниями на массу редких и малоизвестных работ самого разного рода. Однажды ей нужно было проверить отрывок из книги, которую можно было найти только в Ватикане, в другой раз нужен был документ, который хранился исключительно в

Британском музее. Тем не менее была необходима только проверка цитат. Конечно, она не могла извлечь нужной для своей рукописи информации, каким бы образом она ее ни получала, из тех нескольких обычных книг, которые она возила с собой.

Вскоре после моего приезда в Вюрцбург она спросила меня, не знаю ли я кого-нибудь, кто мог бы выполнить ее поручение в Бодлианской (библиотека Оксфордского университета. — *О.Б.*) библиотеке. Так случилось, что у меня действительно было кого попросить, и, таким образом, мой друг проверил отрывок, который Е.П.Б. видела в астральном свете. Оказалось, что название книги, глава, страницы и цифры были приведены в точности.

Такие видения часто представляли картинку оригинала в перевернутом виде, как будто показанную через увеличительное стекло, и если слова после небольшой тренировки можно было легко читать, а общий смысл и контекст предохраняли от грубых ошибок, то избежать ошибок в цифрах было намного сложнее, а в данном случае именно правильность цифр была под вопросом.

Однажды мне было поручено весьма трудное задание, а именно, проверить отрывок, взятый из рукописи в Ватикане. Познакомившись с одним господином, у которого в Ватикане был родственник, мне с некоторыми сложностями удалось проверить этот отрывок. Два слова были написаны неправильно, но все остальное было верно, и, что удивительно, мне сказали, что те два слова были запачканы и их было сложно разобрать.

Это только два случая среди множества других. И если только Е.П.Б. хотела получить точную информацию по теме, преобладавшей на тот момент в ее труде, она получала ее так или иначе: из переписки ли с другом, который находился где-то далеко, или из газеты или журнала, или же во время чтения какой-нибудь книги; и это происходило с частотой и соответствием, далеко выходящими за рамки простого совпадения. Она, однако, предпочитала использовать, насколько возможно, обычные, а не сверхъестественные средства, чтобы не истощать свои силы без необходимости.

Я была не единственной, наблюдавшей за неожиданной помощью, приходившей к Е.П.Б. во время ее работы, и за точностью цитат, которые она получала; и здесь я привожу заметку, посланную мне мисс Кислингбери, которая ярко характеризует это обстоятельство:

"После выхода известного теперь отчета Психического общества, который, как я чувствовала, заключал в себе вопиющую несправедливость, я приняла твердое решение повидать госпожу Блаватскую, в то время проживавшую, как мне сказали, в

Вюрцбурге. Я обнаружила, что она тихо живет в старом чудном немецком городе с графиней Вахтмейстер, которая находилась у нее всю зиму. Она была больна, страдала от осложнений после болезней и находилась под постоянным наблюдением врача. Она была изможднена ментально из-за предательства друзей и мелких нападок врагов вследствие выхода вышеупомянутого Отчета. И все же, вопреки всем этим трудностям, Е.П.Б. занималась колоссальным трудом — она писала "Тайную Доктрину". В чужом городе, жители которого говорили на незнакомом ей языке, имея только те книги, которые она привезла с собой из Индии, вдали от друзей, которые могли бы помочь найти необходимые ссылки или сделать полезные сноски, она усиленно трудилась с раннего утра и до шести часов вечера, редко отлучаясь от своего стола, разве что для приема пищи. Но когда Е.П.Б. сидела в своей комнате, погруженная в работу, у нее были невидимые помощники. Так как я не была членом Теософского общества в то время, хотя я и знала Е.П.Б. почти с момента его основания, мне и в моем присутствии мало что говорилось об используемых методах. В один из дней, однако, она принесла мне листок бумаги с цитатой, которая была ей дана как высказывание некоего католического писателя о связи между наукой и религией, и попросила меня проверить, кто ее автор и в какой работе эта цитата встречается. Судя по характеру текста, мне показалось, что она взята из "Лекции о науке и религии" кардинала Уайзмана, и я написала письмо своему другу в Лондон. В результате проверка была сделана, глава и страницы — найдены, и теперь она находится в "Тайной Доктрине", т. 2, стр. 704…"

Е.П. Блаватская

Другим часто повторяющимся инцидентом, привлекшим мое внимание, был еще один способ, которым Е.П.Б. получала руководство и помощь в своей работе. Часто ранним утром я видела листок бумаги с незнакомыми знаками на нем, нанесенными красными чернилами. На вопрос о значении этих таинственных записок, она ответила, что они указывали на работу, которую необходимо выполнить в течение дня.

Это были примеры "осажденных" сообщений, являвшихся предметом горячих споров даже в рядах Теософского общества и бесконечных невежественных насмешек за его пределами — "красные и синие записки-призраки, как Х. по праву называет их", — так говорила Е.П.Б. в своем письме, написанном примерно в то время и опубликованном позже в журнале "Путь". В этом же письме она далее продолжала:

"Была ли это подделка? Конечно, нет. Было ли это написано и создано элементалами? Никогда. Оно было ими доставлено, так как физические феномены совершаются с использованием элементалов, но какое отношение имеют они, эти бессознательные существа, к разумной составляющей даже самого короткого и малопонятного из этих сообщений?"

Вероятно, не стоит удивляться, что эти сообщения воспринимались с подозрением, учитывая нынешнее состояние невежества по отношению к возможностям психических феноменов. Лучшее, что можно ожидать от обычных мужчины или женщины, — это отказ от поспешного суждения, который бы сопровождался желанием изучить и разобраться в этих явлениях. Но если мы захотим узнать об отношении самой Е.П.Б. к существованию таких сообщений, мы получим неопровержимые доказательства ее честных, добрых намерений.

Они приходили непосредственно, и она всегда воспринимала предписания, содержащиеся в них, с покорностью и смирением, даже если она предпочла бы поступить иначе.

Как часто в то время я горевала над грудой рукописей, тщательно подготовленных и переписанных, и после одного слова, одного намека Учителей, преданных огню — это изобилие информации и комментариев, которые для нас теперь, когда мы потеряли Учителя, были бы бесценными.

По правде говоря, в то время я очень мало понимала содержание того, что я переписывала, и не осознавала ценность доктрин так, как я понимаю их теперь. С тех пор я часто думала, что наиболее подходила именно для этой работы, так как из "Тайной Доктрины" даны только фрагменты и намеки, а Е.П.Б. записывала в первое время многое из того, что нежелательно

было обнародовать кому бы то ни было, даже такому честному, хотя и неопытному, человеку, как я. И в самом деле, нет никаких сомнений, что многие действительно эзотерические доктрины должны были быть изъяты из первоначального текста, и, как я уже говорила, многие ее рукописи и мои копии были уничтожены. К тому же в то время я никогда не получала удовлетворительных ответов на мои вопросы, так что в конце концов я научилась хранить молчание и редко или почти никогда не задавала вопросов.

Тем, кто вступает в Теософское общество сейчас, очень сложно понять положение вещей, бытовавших в то время, о котором я пишу. Тогда для изучающих Теософию не были доступны такие возможности для обучения или продвижения вперед, которые теперь щедро проливаются на кандидатов в члены Общества и претендентов на обучение. Тогда не было никаких лекций и было очень мало книг. Е.П Б. сама, в силу характера и природного склада ума, не подходила для задачи последовательного и терпеливого изложения учения. Передо мной лежит ее письмо с неуказанной датой, написанное приблизительно в то время из Эльберфельда, куда она поехала после Вюрцбурга. Письмо передает яркую картину ее отчаяния из-за ноши, возложенной на нее. Я привожу дословно выдержки из ее переписки, потому что ей была свойственна характерная только ей одной изысканность фразеологии, хотя хорошо известно, что ее английский был все еще далек от совершенства:

"Если Вы "огорчены", — писала мне она, — то я совершенно неспособна понять, чего от меня ждут! Я никогда не обещала строить из себя гуру, наставника или профессора для У. или для кого-нибудь еще. Учитель сказал ему поехать в Эльберфельд, и Учитель сказал мне, что он должен приехать, и мне следует ответить на его вопросы. Я сделала это, и большего сделать не в силах. Я читала ему "Тайную Доктрину" и поняла, что не могу продолжать, так как он прерывает меня на каждой строчке, и не только своими вопросами, а, в большинстве случаев, рассуждениями в качестве ответа на свой же вопрос, которые длятся по двадцать минут. Что касается У. он ответит Вам сам, так как я заставила его написать Вам. Я говорила Вам неоднократно, что никогда никого не обучала иначе, чем своим особым способом. Олькотт и Джадж изучили все, что они знают, посредством общения со мной. Если бы на меня наложили наказание проводить регулярное обучение, как это делают преподаватели в течение часа ежедневно, не говоря уже о двух часах, я бы скорей сбежала на Северный полюс или сразу умерла бы, окончательно порвав мои связи с теософией. Я неспособна к

этому, это хорошо знает каждый, кто со мной знаком. До сего дня я не могла разобраться, что У. интересует — оккультизм, метафизика или принципы теософии в целом? Если последние, то я нахожу, что он к этому абсолютно непригоден! Мы составили обет (который М.Г. пошлет Вам), и У. настоял, чтобы мы включили в список подписавших этот тайный обет его жену, и теперь, когда мы его подписали, выяснилось, что он не имеет ни малейшего представления о том, как прилагать свою силу воли и что его жена считает это греховным (!!). Так какой в этом толк? Что касается метафизики, он может изучать ее у М. Я сказала ему, что М. ничего не знает о наших Оккультных доктринах и не может обучить его им, но он может объяснить ему "Бхагават Гиту" лучше меня… Это все, что я могу сказать. Я больна и расстроена более, чем когда-либо. Поток "Тайной Доктрины" остановлен, и потребуется два месяца, прежде чем я смогу восстановить состояние, в котором я пребывала в Вюрцбурге. Чтобы писать ее, я должна быть в полном покое, а если меня будут беспокоить "обучениями", тогда я должна оставить "Тайную Доктрину". Пусть люди обдумают и выберут, что полезнее — следует ли писать "Тайную Доктрину" или обучать У".

Привилегированное лицо в те ранние годы могло, в лучшем случае, удостоиться переписки со старейшим сотрудником. Трудности были велики, и только решительная воля могла одолеть все препятствия, а также, как кто-то, вероятно, добавит, и кармическое наследие в виде природной одаренности, которая могла при помощи врожденной энергии восполнить недостаток благоприятных возможностей, рассыпанных теперь так щедро.

Тогда, даже в самые оптимистические моменты, мы не могли и мечтать о большом обществе с отделениями в Америке, Индии и Европе, с многочисленными филиалами и центрами деятельности почти в каждой значимой стране мира. Казалось, что все, о чем мы могли тогда мечтать, была горстка преданных учащихся — группа искренних учеников, — чтобы поддержать живую искру оккультных учений до последней четверти двадцатого столетия, когда с приходом нового малого цикла можно было надеяться на новый доступ к духовному свету.

Но и эти несколько лет прошли, и, хотя они лишили нас физического присутствия нашего Учителя, мы выучили урок; мы были вынуждены понять, как мы просчитались с оценкой духовных сил, стоящих за движением. И с каждым днем становится все яснее, что Теософия, по меньшей мере, в своих общих чертах, не является исключительной привилегией нескольких избранных, но есть открытый дар всему человечеству, и что в своем воздействии на течение современной мысли она

должна сохраниться как мощный фактор против пессимистического материализма нашего века".

Романист Всеволод Соловьев

В Вюрцбурге к Елене Петровне вновь приезжал писатель Всеволод Соловьев. В поисках новых тем для своих романов он познакомился с ней еще в 1884 году в Париже и был восхищен психическими дарованиями своей соотечественницы. Довольно быстро они подружились, Соловьев вступил в члены Теософского общества, рассчитывая стать принятым учеником Елены Петровны. Однако феномены, демонстрировавшиеся ею время от времени, вскружили ему голову и стали для него камнем преткновения. Самонадеянный Всеволод Сергеевич также решил стать магом, умоляя Елену Петровну принять его в ученики и научить творить чудеса. Она же, не имея возможностей, да и указаний на этот счет, во время своего большого и ответственного труда над "Тайной Доктриной" была вынуждена отказать Соловьеву в этой, а также в целом ряде других столь же невыполнимых просьб. Соловьев вернулся в Петербург и принялся, обидевшись на Блаватскую, ругать ее направо и налево, пытался поссорить с сестрой Верой. Пока Елена Петровна была жива, Соловьев ограничивался устной бранью и поносительством своей бывшей наставницы. Но в 1892 году, когда Елены Петровны уже не было в живых, он опубликовал в России лживый пасквиль под названием "Современная жрица Изиды", и в 1895 году Общество психических исследований издало в Лондоне его английский перевод.

Этими клеветническими сведениями впоследствии пользовались все враждебно настроенные к Блаватской, ссылаясь на него как на документ. С тех пор, следует с горечью признать, связь Е.П. Блаватской с родиной была надолго нарушена, поскольку имя было оклеветано, и цензура отказывалась пропускать в печать ее философские работы, которые Соловьев называл "антихристианскими".

Елена Петровна с сожалением писала сестре: "Куда пропали все его благие намерения, как только не так скоро свершается то, чего он непременно ожидал через два-три месяца… Что же касается моего противу-христианства — ты его знаешь. Я враг католических и протестантских церковных излишеств; идеал же Христа распятого светлеет для меня с каждым днем яснее и чище, а против православной христианской церкви, пусть повесят меня, не пойду! Так мне Россия дорога, так наболело у меня сердце за родину, за все свое, что душу бы отдала в кабалу на десять тысяч лет за нее".

Но и Вере Петровне отказывали в публикациях опровержений

на работы Соловьева. Более чем на сто лет работы основательницы теософии были преданы забвению в родной стране. Только в последние двадцать лет труды Е.П. Блаватской стали переводиться и широко издаваться в России. Среди главных изданий отметим прекрасный перевод "Тайной Доктрины", выполненный Е.И. Рерих в 1930-х годах.

Вюрцбург, Остенд, Эльберфельд

Весной 1886 года Елена Петровна, проводив графиню Вахмейстер в Швецию, собралась провести лето в менее жарком, чем Вюрцбург, бельгийском Остенде.

В Кельне она встретилась с Густавом Гебхардом, который уговорил ее заехать к нему в Эльберферд погостить несколько дней, но там Елена Петровна повредила ногу и задержалась более двух месяцев. Туда же к ней приехала сестра Вера с дочерью, и прожили вместе до июля, а затем отправились в Остенд. Сестра с дочерью уехали обратно в Россию, а в августе в Остенд прибыла графиня Вахмейстер.

В письмах того времени Елена Петровна признавалась: "Мне осталось жить не слишком много, и за эти три года я научилась терпению. Со здоровьем получше, но вообще-то оно вконец подорвано. Мне хорошо, только когда я сижу и пишу; не могу ни ходить, ни стоять больше минуты".

Можно было вернуться в Вюрцбург, но Блаватская и Вахмейстер остались в Остенде, откуда было недалеко до Лондона. Лондонские теософы начали навещать Елену Петровну также в Остенде, в то же время вышла книга А.П. Синнетта "Случаи из жизни мадам Блаватской", которая "помогла читателю увидеть в Е.П.Б. неординарную личность, в то же время в высшей степени человечную, исполненную сострадания и безраздельной преданности делу, для нее священному, которому она отдала все — душу, разум и сердце. На этих страницах она предстает великодушной воительницей, которой чуждо чувство мести. Она нашла в себе силы устоять под тяжестью ненависти и лжи, обрушившихся на нее. В ее личной жизни было много самого невероятного и таинственного. "Случаи" имели широкий резонанс, и благодаря этому волна любопытства, поднятая недоброжелательным отчетом ОПИ, пошла по другому, благоприятному для Теософского движения руслу, привлекая в его ряды новых членов".

Работа над "Тайной Доктриной", несмотря на очень плохое здоровье Елены Петровны, активно продолжалась. От всех выгодных предложений писать для русских газет она отказывалась, опасаясь не успеть закончить труд.

Графиня Вахмейстер, находясь в Лондоне, получила в начале 1887 года письмо от Елены Петровны с описанием серьезного разговора с Учителем, состоявшегося впервые за очень длительное время: "После длинного разговора с Учителем — первого за долгое-долгое время — я убедилась в двух вещах. Во-

первых, Теософское общество было погублено, будучи пересаженным на европейскую почву. Если бы была дана только философия Учителя, а феномены оставались на заднем плане, успех был бы обеспечен. Эти проклятые феномены разрушили мою репутацию — это мелочь, которую можно только приветствовать — но они также разрушили Теософию в Европе. В Индии она будет жить и процветать. А во-вторых (!), все Общество (в Европе и в Америке) проходит чрезвычайное испытание. Те, кто выйдут из него невредимыми, получат свою награду. Те, кто останутся инертными и пассивными, так же как и те, кто повернут назад, также получат свое. Это последнее и величайшее испытание. Но есть и новости. Я должна буду или вернуться в Индию, чтобы этой осенью там умереть, или я должна сформировать до ноября ядро истинных теософов, свою собственную школу, без никаких секретарей, только я одна, с таким количеством мистиков, какое я смогу собрать для обучения. Я могу оставаться здесь, или поехать в Англию, или поступать, как считаю нужным… Вы говорите, что литература — это единственное спасение. Что ж, посмотрите, какой замечательный эффект произвели "Мемуары мадам Блаватской". Семь или восемь французских газет набросились на Синнетта, меня, (Махатму) Кут Хуми и других по поводу этих воспоминаний. Произошло подлинное возрождение скандалов Теософского общества, и только благодаря этой литературе. Если бы мы смогли избавиться от феноменов и придерживались только философской системы, тогда, по словам Учителя, Теософское общество в Европе могло бы быть спасено. Но феномены — это проклятие и гибель Общества. Из-за того, что я дважды или трижды писала Z. о том, что он делал, о чем думал и что читал в такой-то и такой-то день, он стал увлеченным и развитым мистиком. Что ж, пусть Учитель вдохновит и благословит Вас, так как Вы должны сыграть свою роль в предстоящей борьбе…

Е.П. Блаватская

Я узнала, что те, кто подписался на "Тайную Доктрину", становятся нетерпеливыми — ничем не могу им помочь. Я, как Вы знаете, работаю по четырнадцать часов в день. Последний манускрипт, отосланный в Адьяр, вернется не ранее чем через три месяца, только после этого мы можем начать публикацию. Субба Роу пишет ценные примечания, так говорит мне Олькотт. Я не собираюсь уезжать из Англии или ее окрестностей. Здесь мое место в Европе, и это решено. Программа дана неподалеку от Лондона, и я буду придерживаться этого. Как бы мне хотелось, чтобы Вы поскорей вернулись. Ваша комната с печью наверху готова, так что Вам будет более комфортно. Но Вы делаете полезную работу в Лондоне. Я чувствую себя настолько одинокой, насколько это вообще возможно…

Только несколько слов, так как, хвала небесам, я вскоре снова увижу Вас. Скажите тем, кто спрашивал Вас: "Мой Учитель — Белый Маг, а также Махатма". Не может быть Махатмой тот, кто не является Белым Магом, вне зависимости от того, применяет ли он свою силу или нет, однако не каждый Маг может достичь уровня совершенного Махатмы, вполне соответствующего метафоре, использованной Мохини, так как состояние Махатмы растворяет физическую природу человека, интеллект, чувство Эго, и все остальное, исключая тело, как кусочек сахара в воде. Но даже если полагать, что мой Учитель не был еще вполне Махатмой — что никто не может знать, кроме Его самого и других Махатм из Его окружения, — какое для кого это имеет значение? Я вполне удовлетворена, даже если он ничуть не выше, чем три Волхва (белых Мага, которые пришли увидеть рождение Христа). В конце концов, пусть те, кто надоедает Вам с этим вопросом, изучат этимологию слова Маг. Оно происходит от слов Mah, Maha, Mag, которые тождественны с корнем слова Махатма. Первое означает великая душа, Махатма, другое — великий труженик, Mahansa или Maghusha. Мохини прав, что объясняет это людям и показывает им ясное различие между состояниями человека, который находится в этом состоянии (Махатмы). Те, кто время от времени достигают этого состояния, такие же Махатмы, как и любой другой. Те же, в ком это состояние становится перманентным, являются "кусочками сахара"; им нет никакого дела до земных вещей. Они — "Дживамунктас" (души, освобожденные при жизни)".

Кризис и спасение

Состояние Елены Петровны вновь ухудшилось, в связи с чем Констанс Вахмейстер вызвала к себе на подмогу госпожу Гебхард. Из воспоминаний графини Вахмейстер:

"Той ночью я сидела у постели Е.П.Б., прислушиваясь к каждому звуку и посматривая с волнением на часы, пока наконец в 3 часа ночи я не услышала, как весело зазвонил дверной звонок. Я помчалась к двери, открыла ее, и доктор вошел. Я торопливо рассказала ему обо всех симптомах, перечислила лечебные средства, которые применяли при ее лечении, после чего он прошел к Е.П.Б. и заставил ее выпить лекарство, которое привез с собой. Затем, дав мне некоторые инструкции, он направился в свою комнату, чтобы пару часов отдохнуть. Я рассказала мадам Гебхард о приезде врача и, наконец, вернулась на свой пост.

На следующий день состоялась консультация между двумя докторами. Бельгийский врач сказал, что он еще не знал случая, чтобы человек с таким приступом болезни почек, какой был у Е.П.Б., жил так долго, как она, и что он убежден, что ее уже ничего не может спасти. То есть он не видел никакой возможности ее выздоровления. Мистер Эллис ответил, что это крайне редкий случай, чтобы кто-нибудь оставался в живых в таком состоянии так долго. Далее он рассказал нам, что перед приездом в Остенде он проконсультировался со специалистом, который высказал такое же мнение, но посоветовал вдобавок к выписанному лекарству попробовать массаж, чтобы стимулировать парализованные органы. Мадам Гебхард предложила, что, так как Е.П.Б. была при смерти, она должна составить завещание, потому что если она умрет в чужой стране, не сделав этого, то не будет конца неразберихе и неприятностям, связанным с ее наследством, ведь рядом с ней нет ни одного родственника. Она добавила, что уже говорила об этом с Е.П.Б., и та сказала, что согласна подписать завещание и что она хотела бы, чтобы все ее имущество осталось мне, а она даст мне личные указания, как я должна буду им распорядиться. Позже Е.П.Б. точно указала, как я должна поступить с ее имуществом, которое, однако, состояло всего-то из ее одежды, нескольких книг, кое-каких драгоценностей и пары фунтов наличными; тем не менее, посчитали целесообразным составить завещание, и нотариус, два врача и американский консул должны были при этом присутствовать.

Ночь прошла спокойно, и на следующий день мистер Эллис массажировал ее несколько раз, пока совсем не выдохся. Но ей не

стало лучше, и к своему ужасу я стала улавливать едва заметный специфический запах смерти, который иногда предшествует разложению. Я едва отваживалась надеяться, что она доживет до утра, и когда я сидела рядом с ней, она открыла глаза и сказала, как рада умереть, и что она думала, что Учитель позволит ей наконец обрести свободу. Все же она беспокоилась по поводу "Тайной Доктрины". Я должна быть очень осторожна с рукописью и передать ее полковнику Олькотту с указанием напечатать ее. Она надеялась, что смогла бы дать миру больше, но Учитель знает, как лучше. И так, говоря с перерывами, она сказала мне многое. Наконец, она впала в бессознательное состояние, и я спрашивала себя, чем же это все закончится.

Мне казалось невозможным, что она должна умереть и оставить свой труд неоконченным; также и Теософское общество… что станет с ним? Как могло так случиться, что Учитель, стоящий во главе Общества, позволит ему погибнуть. Правда, это может быть последствием Кармы его членов, которые из-за предательства и малодушия привели Теософское общество в такое состояние, в котором больше не было жизнеспособности, поэтому оно должно было замереть, чтобы возродиться только в следующем веке. Однако мне пришла в голову мысль, что Учитель сказал Е.П.Б., что она должна сформировать вокруг себя круг учеников и что она должна обучать их. Как же она может сделать это, если она должна умереть? И затем я открыла глаза, посмотрела на нее и подумала, возможно ли, чтобы ей, которая работала до изнеможения, так тяжело страдала и боролась, позволили умереть, не окончив работы? Какая была бы польза от всего ее самопожертвования и агонии, через которую она прошла, если труд всей ее жизни не будет окончен? День за днем ее тело и ум испытывали мучения: ум — от вероломства и предательства тех, кто называл себя друзьями, а потом клеветал за ее спиной, бросая в нее камнями и думая в своем невежестве, что она никогда не узнает руку, бросившую их; и тело — потому что она вынуждена была пребывать в форме, которая должна была быть разрушена два года назад в Адъяре, если бы ее не сохранили при помощи оккультных средств, когда она решила жить и работать для тех, кто все еще придет в Теософское общество. Ни один из тех, кто знал ее, не понимал ее по-настоящему. Даже для меня, которая была наедине с ней долгие месяцы, она была загадкой, с ее необычными силами, удивительными познаниями, исключительной способностью проникать в человеческую природу; и ее загадочная жизнь, проведенная в местах, неизвестных простым смертным, так что ее тело могло находиться рядом, а душа была часто далеко, общаясь с другими.

Много раз я наблюдала ее такой и знала, что только ее оболочка присутствовала здесь.

Таковы были мысли, приходившие мне на ум, когда час за часом я сидела той тревожной ночью, наблюдая, как она становилась, казалось, слабее и слабее. На меня накатила волна невыразимого отчаяния, когда я почувствовала, как я истинно люблю эту великодушную женщину, и поняла, какой пустой будет моя жизнь без нее. Самым суровым испытанием было бы лишиться ее привязанности и доверия. Вся моя душа взбунтовалась при мысли, что я могу потерять ее. Я горько заплакала; не помню, что было дальше.

Когда я открыла глаза, ранний утренний свет уже прокрадывался в комнату, и меня посетило зловещее предчувствие, что я спала и что, вероятно, Е.П.Б. в это время умерла — умерла, пока я проспала свое дежурство. В ужасе я повернулась к ее постели и увидела Е.П.Б., которая спокойно смотрела на меня своими ясными серыми глазами и затем сказала: "Графиня, подойдите ко мне". Я бросилась к ней. "Е.П.Б., что произошло — вы выглядите совсем иначе, чем прошлой ночью". Она ответила: "Да, Учитель был здесь; Он предоставил мне выбор: или умереть и быть свободной, если я пожелаю, или продолжить жить и закончить "Тайную Доктрину". Он рассказал мне, как велики будут мои страдания и какая ужасная жизнь предстоит мне в Англии (так как я должна поехать туда); но когда я подумала о тех учениках, которых мне разрешено будет обучить некоторым вещам, и в целом о Теософском обществе, которому я уже отдала все самое дорогое, я приняла жертву…"

Махатма Кут Хуми тогда же пояснял теософам: "Дух силен, но плоть слаба; настолько слаба, что иногда она даже побеждает сильный дух, "который знает всю Истину". И теперь, практически потеряв контроль над своим несчастным телом, Е.П.Б. пытается что-то делать… Если вы когда-либо получали урок о двойственности человеческой природы и о возможности посредством оккультной науки вывести невидимое, но настоящее "Я" из спячки в состояние независимого существования, то хватайтесь за этот шанс. Смотрите и учитесь… Сейчас я могу действовать через Е.П.Б. лишь в крайне редких случаях, и то при соблюдении величайших предосторожностей".

Англия

Вскоре после выздоровления Елены Петровны из Лондона с приглашением от небольшой лондонской группы теософов перебраться в Англию и возглавить теософскую работу приехали Бертрам и Арчибальд Кейтли. Они предлагали ей провести лето 1887 года в небольшом доме "Мейкот" в Норвуде. 1 мая переезд состоялся. Тогда же в мае была создана Ложа Блаватской и основан журнал "Люцифер" ("Несущий Свет"), вторым редактором которого стала Мейбл Коллинз, автор классического теософского труда "Свет на пути".

Елена Петровна провозгласила новую линию в теософской работе: ""Оккультныеявления" (психические феномены. — *О.Б.*)… не дали желаемого результата… Предполагалось, что образованная публика, в особенности ученые, признают наконец существование новой и чрезвычайно интересной области исследований, став свидетелями физических действий, производимых усилием воли, которым они не в состоянии дать объяснение. Предполагалось, что теологи будут только приветствовать доказательства того, что душа и дух — не просто плод их воображения… но вещи столь же реальные, как и тело, только гораздо более важные, — доказательства, в коих они так нуждаются в наши дни расцвета агностицизма. Эти ожидания не оправдались. И природа феноменов, и их цель были поняты и истолкованы превратно…

Е.П. Блаватская

Феномены действительно возбудили любопытство в умах тех, кому довелось быть их свидетелями. Но, к сожалению, интерес этот оказался в большинстве случаев праздным. У многих очевидцев разыгрался ненасытный аппетит к чудесам ради самих чудес, без какого-либо желания изучать лежащую в их основе философию или науку; тогда как феномены были не более чем банальной и, так сказать, случайной иллюстрацией их истинности и силы… За редкими похвальными исключениями, люди воспринимали феномены либо как чудо, либо как нечто от лукавого, либо просто как обыкновенный обман или развлечение, либо как фокусы тех опасных "призраков", что устраивают маскарад на спиритических сеансах и питаются жизненной энергией медиумов и участников таких сеансов… Оккультист может производить феномены, но он не в силах наделить людей ни способностью мыслить, ни добросовестностью, без чего невозможно понять и оценить их правильно. Поэтому не удивительно, что было сказано оставить феномены — пусть идеи теософии говорят сами за себя".

Учителя о Е.П. Блаватской

Для лучшего понимания жизни и образа действий Елены Петровны приведем слова, высказанные Махатмой Кут Хуми в письмах к А.П. Синнетту, много объясняющие в судьбах Е.П. Блаватской и Теософского общества:

"Я четко осознаю тот факт, что обычная непоследовательность… утверждений Е.П.Б. — особенно когда она распаляется — и странные способы самовыражения делают ее в ваших глазах очень нежелательным передатчиком наших посланий. Тем не менее… если… вы однажды узнали истину, высказанную этим неуравновешенным умом, кажущаяся негармоничность ее речей и идей, ее нервного возбуждения, короче, все, вызывающее возмущение чувств трезвомыслящих людей, которые со своими понятиями о скромности и манерах шокируются подобными странными взрывами того, что они рассматривают как ее темперамент… — как только однажды… вы узнаете, что ничто из этого не ее вина ни в малейшей степени, то вы, возможно, сможете посмотреть на нее в совсем ином свете… Мне позволено продемонстрировать вам на мгновение то, что скрыто завесой. Это ее состояние тесно связано с ее обучением в Тибете и с тем, что она послана в мир в одиночестве, чтобы постепенно подготовить путь для других. После почти века бесплодных поисков нашим руководителям пришлось использовать единственную возможность послать европейское тело на европейскую землю для того, чтобы оно послужило связующим звеном между той страной и нашей собственной. Помните… о факте семи принципов в полном человеческом существе. Сейчас ни один мужчина и ни одна женщина, если только они не являются Посвященными пятого круга, не смогут покинуть пределов Бод-Лхас и возвратиться назад в мир в своем интегральном целом… По крайней мере, одному из семи спутников придется остаться позади по двум причинам: во-первых, для того, чтобы образовать необходимое связующее звено, провод для передачи, а во-вторых, в качестве наилучшей гарантии того, что для толпы никогда не откроются определенные вещи. Она не является исключением из правила… Состояние и статус оставшихся шести принципов зависят от внутренних качеств, психофизиологических особенностей личности…

Хотя наш видимый посредник несовершенен — и часто совсем непригоден, — тем не менее Е.П.Б. является ныне наилучшим из возможных, и ее феномены уже примерно

полсотни лет ставят в тупик самые ярчайшие умы века… Если Е.П.Б. когда-либо и совершала действительный, намеренный обман… то это происходило тогда, когда при выполнении оккультных феноменов она постоянно отрицала — кроме случаев, связанных с такими пустяками, как звоны и стуки, — что она каким-либо образом связана с их выполнением лично… Да, в этом и только в этом случае она заслуживает обвинения в том, что она постоянно обманывала своих друзей. Ее совершенно невозможно было заставить осознать абсолютную бесполезность и опасность подобного увлечения; и как глубоко заблуждалась она, полагая, что тем самым она укрепляет нашу славу, тогда как на самом деле, очень часто приписывая нам феномены самой глупейшей природы, она лишь принижала нас в глазах общественности, и предоставляла своим врагам возможность провозглашать, что она была "всего лишь медиумом"! Все было бесполезно.

В соответствии с нашими правилами Мория не мог запретить ей действовать таким образом. Необходимо было предоставить ей полную и исчерпывающую свободу действий, свободу в создании причин, которые по истечении определенного срока становились ее бичом, ее клеймом в глазах общества. В лучшем случае он мог запретить ей производить феномены, и к этой крайней мере он прибегал так часто, как только было возможно, к великому неудовольствию со стороны ее друзей и теософов… Является ли это недостатком интеллектуального восприятия у нее? Определенно, нет. Это психологическая болезнь, которую она практически не контролирует.

Ее импульсивная натура… постоянно готова вынести ее за пределы истины в область преувеличения. Она и не подозревает даже, что обманывает своих друзей… Она способна производить оккультные феномены и производила их благодаря своим естественным силам, в совокупности с несколькими долгими годами регулярного обучения, и ее феномены получаются иногда лучше, чудеснее и совершеннее, чем феномены некоторых высоких посвященных чел (учеников)… Таким образом, приписывая нам авторство всевозможных глупых, неуклюжих и подозрительных феноменов, она в то же время совершенно точно помогала нам во многих случаях, давая нам возможность сэкономить примерно две трети используемой силы. Когда же мы говорили ей — поскольку часто мы не могли предотвратить феномен на ее конце линии, — что не стоило этого делать, то она отвечала, что для нее единственной радостью было оказаться полезной для нас. И таким способом она продолжала дюйм за дюймом приносить себя в жертву, готовая отдать — как она

думала, ради нашей пользы и славы — всю свою кровь по капельке, и притом отрицая перед свидетелями, что она имеет к этому какое-либо отношение. Можете ли вы назвать это тонкое, хотя и глупое, самоотречение "обманом"? Мы — нет…

Вне всякого сомнения, она вообще склонна к преувеличению, и когда заходит речь о "раздувании величия" тех, кому она предана, ее энтузиазм не знает пределов… Иногда мы не можем не сердиться по этому поводу, но чаще смеемся. Все же те чувства, которые заставляют ее совершать все это, настолько горячи, искренни и правдивы, что их невозможно не уважать или относиться к ним равнодушно. Я не думаю, чтобы я когда-нибудь был так глубоко тронут чем-либо, чему я был свидетелем в своей жизни, как я был тронут восторженной радостью этого бедного старого создания, когда мы недавно встретились оба в своих физических телах с нею, один — после трех лет, а другой — почти после двух лет отсутствия. Даже спокойный Мория был выведен из равновесия таким представлением, главным героем которого был он. Ему пришлось использовать свою силу и погрузить ее в глубокий сон, иначе у нее лопнули бы кровеносные сосуды… в своих лихорадочных попытках расплющить нос о его костюм для верховой езды, забрызганный сиккимской грязью!.. Вы никогда не узнаете ее такой, какой знали ее мы, и потому вы никогда не сможете судить о ней справедливо и беспристрастно. Вы наблюдаете лишь поверхность вещей… В ваших глазах Е.П.Б., в лучшем случае, для тех, кто любит ее вопреки самой себе, — это странная, чудная женщина, психологическая головоломка; импульсивная и добросердечная, но, тем не менее, и не избавленная от пороков. Мы, с другой стороны, под покровом эксцентричности и чудачества, находим в ее внутреннем "Я" мудрость более глубокую, чем вы сами когда-либо сможете воспринять".

Чему учит теософия?

Среди многочисленных гостей, приезжавших познакомиться и пообщаться с Е.П. Блаватской в "Мейкоте", был молодой ирландский теософ Чарлз Джонстон, один из основателей Дублинской ложи Теософского общества, известный благодаря своим вдохновенным переводам древнеиндийских писаний. Он был женат на племяннице Елены Петровны Вере, дочери Веры Петровны. Вера взяла фамилию мужа, пошла по стопам своей великой тети, присоединилась к теософскому движению. Сохранилась памятная беседа Е.П. Блаватской с Чарлзом Джонстоном, записанная им:

" Если мне когда-нибудь доводилось видеть на чьем-то лице подлинное благоговение — то было лицо Е.П.Б., когда она говорила о своем Учителе.

Я спросил о его возрасте. Она ответила: "Дорогой мой, точно сказать не могу, поскольку не знаю. Но вот что я вам скажу. Впервые я встретила его, когда мне было двадцать — в 1851 году. Он был в расцвете сил. Теперь я старуха, а он не состарился даже на день. Вот все, что я могу сказать. Выводы можете делать сами".

Затем она рассказала о других Учителях и Адептах, которых знала. Она делала между ними различие, как если бы Адепты были капитанами оккультного мира, а Учителя — генералами. Она знала Адептов многих рас — из Северной и Южной Индии, Тибета, Персии, Китая, Египта; европейцев из Греции, Венгрии, Италии, Англии; Адептов из некоторых рас Южной Америки, где, как она говорила, находилась одна из лож Адептов.

"Предание о златом граде Маноа, или Эльдорадо, стало известно испанским конкистадорам, — рассказывала она. Эта раса связана с древними египтянами, и ее Адепты до сих пор нерушимо хранят тайну своей обители. Есть такие члены лож, которые постоянно перемещаются между центрами, поддерживая между ними непрерывную связь. Но они всегда связаны и другими способами".

"Посредством астральных тел?" — "Да, — ответила она, — и другими способами, еще более высокими. У них общая жизнь и сила. Восходя духовно, они поднимаются выше расовых различий, к нашему общечеловеческому началу. Их цепь неразрывна. Адепты суть необходимость в природе земной и надземной. Они — связующие звенья между людьми и богами; "боги" же — это души великих Адептов и Учителей давно прошедших рас и веков, и так далее, до порога Нирваны. Эта последовательность непрерывна".

"Чем они занимаются?" "Не будучи адептом, это едва ли можно понять. Но они поддерживают духовную жизнь человечества".

"Каким образом адепты направляют души людей?" "По-разному, но главным образом учат души непосредственно, в духовном мире. Вам будет трудно это понять. Но вот вполне доступная вещь: через определенные регулярные периоды времени они пытаются дать миру в целом правильное представление о духовных предметах. Один из числа их выходит в мир, чтобы учить народы, и остается в истории как основатель новой религии. Таким Учителем был Кришна, и Зороастр; также Будда и Шанкарачарья, великий мудрец Южной Индии. Таким был и Назареянин".

"Есть ли у адептов неизвестные нам свидетельства о его жизни?" "Должны быть, — ответила она, — поскольку они располагают самыми подробными сведениями о жизни всех Посвященных. Однажды я вместе с Учителем побывала в огромном пещерном храме в Гималаях. Там было много статуй Адептов; указывая на одну из них, Учитель сказал: "Это тот, кого вы зовете Иисусом. Мы считаем его одним из Величайших среди Нас". Но работа Адептов не сводится только к этому.

Е.П. Блаватская

Через гораздо более краткие промежутки времени они направляют в мир посланника, с тем чтобы учить человечество. Такая попытка предпринимается в последней четверти каждого столетия, и в нашем веке (эта) их работа представлена Теософским обществом".

"В чем польза от него человечеству?" "В чем польза от познания законов жизни? Разве это не помогает вам избежать

болезни и смерти? Да, есть болезнь души, и есть смерть души. Только истинное учение о Жизни может исцелить их. Догматические церкви, с их адом и проклятием, их металлическими небесами, с их огнем и серой, почти отвратили мыслящих людей от веры в бессмертие души. Если же они не верят в жизнь после смерти, то жизни после смерти для них нет. Таков закон".

"Разве то, во что человек верит, может сказываться на нем? Или она есть, или ее нет, во что бы он ни верил". "То, во что человек верит, сказывается следующим образом. Жизнь после смерти слагается стремлениями человека и его духовным ростом, которые полностью раскрываются в том духовном мире. Каково его развитие (в нашем мире), такова и его жизнь после смерти. Она выступает как дополнение его жизни здесь. Все неудовлетворенные духовные устремления, все желания более возвышенной жизни, все вдохновенные мечты о прекрасном расцветают в той жизни духовной, и для души наступает день, тогда как жизнь на земле для нее — это ночь. Но если у нас нет устремления к возвышенному, нет веры ни в какую жизнь после смерти, то пуста душа наша, и не из чего сложиться нашей духовной жизни".

"Что же тогда происходит с нами?" "Немедленное перевоплощение, почти без промежуточного периода, причем (прежнее) сознание в этом, другом мире не восстанавливается".

"Чему еще вы, как теософы, учите?" "Похоже, сегодня вечером я попала под перекрестный допрос, — ответила она с улыбкой. — Мы учим тому, что старо как мир, и однако учить этому нужно до сих пор. Мы учим всеобщему братству".

"Давайте не будем говорить расплывчато и общими фразами. Скажите мне точно, что вы под этим подразумеваете". "Берем конкретный случай, — сказала она. — Взять англичан. Как они жестоки! Как бесчеловечно обращаются они с моими бедными индусами!"

"Я всегда считал, что в материальном отношении они очень много сделали для Индии", — возразил я. "Но к чему все эти материальные блага, если вас повсеместно презирают и унижают? Если попраны идеалы национальной чести и гордости, если вас постоянно заставляют чувствовать, что вы низшая раса — смертные низшего порядка — свиньи, как называют индусов англичане и сами искренне в это верят. Так вот, всеобщее братство есть нечто совершенно противоположное этому. Никакие материальные блага не компенсируют надругательство над душами целого народа и уничтожение его идеалов. Кроме того, есть и другая сторона, на которую мы, теософы, всегда указываем.

Не существует "низших рас", ибо все равны в нашей семье человеческой. И поскольку в предыдущих жизнях мы воплощались в каждой из этих рас, надо относиться к ним более по-братски. Они наши подопечные, вверенные нам. А как поступаем мы? Захватываем их земли, расстреливаем их на пороге их собственного дома. Надругавшись над их женщинами, разграбив имущество, мы с невозмутимым видом лицемерно заявляем, что совершаем все это ради их же блага".

"Это и есть то, чему послали вас учить адепты?" "Да, и этому, и другим вещам, которые очень важны, а вскоре станут еще важнее. Существует опасность черной магии, ибо весь мир устремился к ней, и в особенности Америка. Только глубокое знание подлинной психической и духовной природы человека может спасти человечество от смертельных опасностей".

"Сказки про ведьм в это, с позволения сказать, девятнадцатое столетие, в наш просвещенный век?" "Да, сэр! Сказки про ведьм в наш просвещенный век! И попомните мои слова. Грядут такие сказки, о которых в Средние века и не помышляли. Целые народы, сами того не замечая, скатятся к черной магии, действуя, разумеется, с благими намерениями, коими, при всем том, будет вымощена дорога в ад! Разве не видите вы того огромного зла, что кроется в гипнотизме? Гипноз и внушение — огромные и опасные силы, по той самой причине, что жертва даже не догадывается, что подвергается их воздействию, ее лишают воли. Вначале это может применяться из самых лучших побуждений и в благих целях. Но мне уже много лет, я немало повидала во многих странах, и как бы хотела я верить, что эти силы будут использоваться лишь во благо! Если бы вы могли предвидеть то, что предвижу я, то вы всем сердцем и душою принялись бы распространять учение о всеобщем братстве. Это единственное спасение!"

"Как же это поможет защитить людей от гипноза?" "Очищая сердца тех, кто мог бы злоупотребить им. Всеобщее братство зиждется на всеобщей душе. Именно потому, что есть единая душа, общая для всех людей, и может существовать такое братство или даже взаимопонимание. Помогите людям укрепиться в этой мысли, и они будут в безопасности. В каждом человеке есть божественная сила, которая должна управлять всей его жизнью, и ее-то никто не может склонить ко злу, даже величайший чародей. Пусть люди примут ее водительство, и тогда им не страшен ни человек, ни дьявол"".

"Несущий Свет"

Елена Петровна прожила в "Мейкоте" четыре месяца, затем с помощью братьев Кейтли удалось снять более просторное помещение на Лэнсдаун-роуд, 17, трехэтажный дом поближе к центру Лондона. По времени переезд совпал с выходом первого номера журнала "Люцифер". Название нового журнала вызвало поначалу много вопросов, поскольку считалось, что это имя принадлежит дьяволу, падшему ангелу, и Елене Петровне пришлось подробно объяснять смысл названия: "Что вы на меня напали за то, что я свой журнал "Люсифером" назвала? Это прекрасное название! Lux, Lucis — свет; ferre — носить: "Носитель света" — чего лучше?.. Это только благодаря Мильтоновскому "Потерянному раю" Lucifer стал синонимом падшего духа. Первым честным делом моего журнала будет снять поклеп недоразумения с этого имени, которым древние христиане называли Христа. Эосфорос — греков, Люсифер — римлян, ведь это название звезды утра, провозвестницы яркого света солнечного… Разве сам Христос не сказал о себе: "Я, Иисус, звезда утренняя" (Откров. Св. Иоанна XXII, ст. 16)?.. Пусть и журнал наш будет, как бледная, чистая звезда зари предвещать яркий рассвет правды — слияние всех несогласий, всех толкований по букве, в единый, по духу, свет истины!"

Елена Петровна много занималась просвещением своих учеников на собраниях, общение на которых происходило в виде философских диспутов. Арчибальд Кейтли увлекательно описывает, как по четвергам проходили собрания теософского общества, Ложи Блаватской в доме на Лэнсдаун-роуд: "Дискуссии велись в непринужденной обстановке. Все рассаживались и начинали задавать вопросы г-же Блаватской… Огромное удовольствие доставляли ее ответы "по Сократу" — то есть вопросом на вопрос… Подход оказался очень эффективным, и часто случалось, что обратившийся с каверзным вопросом сам же попадал впросак. Если вопрос бывал продиктован искренним желанием что-то узнать, она прилагала все усилия, чтобы дать исчерпывающий ответ. Но если кто-то задавался целью поддеть ее или сбить с толку, это обычно кончалось для него плохо. Такие встречи отнимали немало времени, но г-же Блаватской нравились подобные состязания умов. По четвергам, вечером, в этих комнатах собирались люди самых разных национальностей. Никогда нельзя было сказать заранее, кто придет. Иногда появлялись даже незримые посетители, видеть которых могли только некоторые из нас.

Случались и занятные истории. Г-жа Блаватская была чувствительна к холоду, и в ее комнате всегда было натоплено — настолько, что на встречах зачастую бывало непомерно жарко. Как-то вечером, перед собранием, я спустился вниз и обнаружил, что, несмотря на горящий камин и зажженные свечи, в комнате стоит ледяной холод. Я обратил на это внимание г-жи Блаватской. В ответ она рассмеялась: "О, это меня навещал один мой друг и, уходя, забыл убрать свою атмосферу".

Помнится, в другой раз постепенно набралось столько народу, что свободных мест не осталось. На софе восседал важный гость-индус в традиционном одеянии, в тюрбане. Дискуссия шла своим чередом, наш гость с явным интересом прислушивался к мнениям, которые высказывали говорившие. Президент ложи появился в этот вечер очень поздно и, не найдя свободного места, уселся на софу — прямо туда, где находился достопочтенный индус, который удивленно присвистнул и исчез!"

"Тайная Доктрина"

Первый том "Тайной Доктрины" "Космогенез" вышел в свет в ноябре 1888 года, а второй, "Антропогенез", — в декабре. Название имело подзаголовок "Синтез науки, религии и философии", сам же труд посвящался "всем истинным теософам каждый расы, ибо они вызвали его и для них он написан".

В предисловии говорилось: "Автор — вернее писательница — считает нужным извиниться за долгую задержку в выходе этого труда. Задержка эта произошла в силу нездоровья и обширности предпринятого. Даже два тома, вышедшие сейчас, не завершают задачу и не трактуют исчерпывающе о предметах, изложенных в них. Уже собрано большое количество материала, касающегося истории Оккультизма, содержащегося в жизнях великих Адептов Арийской Расы и доказывающего связь Оккультной Философии с подвигом жизни, как это есть и как должно быть.

Если настоящие тома встретят благосклонное отношение, то все усилия будут использованы, чтобы выполнить задачу этого труда во всей его цельности.

Следует добавить, что подобная задача не предполагалась, когда впервые было объявлено изготовление этого труда. По первоначальному плану "Тайная Доктрина" должна была явиться исправленным и расширенным изданием "Разоблаченной Изиды". Однако, скоро стало ясно, что объяснения, которые могли бы быть добавлены к уже обнародованным в вышеназванном труде и в других, касающихся Эзотерической Науки, таковы, что требуют другого метода изложения, и в результате настоящие тома содержат не более двадцати страниц, заимствованных из "Разоблаченной Изиды".

Рисунок для обложки журнала "Люцифер"

Автор не считает нужным просить снисхождения читателей и критиков за несовершенства английского языка и за многие недостатки литературного стиля, которые могут встретиться на этих страницах. Будучи иностранкой, знание этого языка было приобретено ею в поздние годы жизни; английский язык употреблен здесь потому, что он является самым широкораспространенным посредником для передачи истин, обнародовать которые стало ее долгом.

Истины эти, ни в коем случае, не выдаются за откровение, также автор не претендует на положение разоблачителя мистического знания, впервые обнародываемого в истории мира. Ибо то, что заключается в этом труде, можно найти разбросанным в тысячах томов, вмещающих Писания великих Азиатских и ранних Европейских религий, сокрытых в глифах и символах и, в силу этого покрова, до сих пор оставленных без внимания. Теперь делается попытка собрать вместе древнейшие основы и сделать из них одно гармоническое и неразрывное целое. Единственное преимущество, которым обладает писательница перед ее предшественниками, заключается в том, что ей не нужно прибегать к личным спекуляциям и теориям. Ибо этот труд есть частичное изложение того, что сама она узнала от более Знающих, и добавленное в некоторых деталях результатами ее личного изучения и наблюдения. Опубликование многих фактов, здесь приведенных, сделалось необходимым, вследствие появления диких и химерических теорий, которым предавались за последние несколько лет теософы и ученики Мистицизма в своих стараниях, как они воображали, выработать цельную систему мышления из нескольких фактов, ранее им сообщенных.

Излишне объяснять, что эта книга не есть Тайная Доктрина во всей ее цельности, но лишь избранное число фрагментов ее основных положений. Особое внимание обращено на некоторые факты, выхваченные разными писателями и искаженные вне всякого подобия Истины.

Но может быть полезно подтвердить со всею ясностью, что учения, заключенные в этих томах, хотя бы и отрывочные и неполные, не принадлежат какой-либо одной религии, как то: индусов, Зороастра, халдеев и египтян, ни к Буддизму, Исламу, Иудаизму или Христианству, исключительно. Тайная Доктрина является сущностью всех их. Рожденные от нее в своих началах, различные религиозные системы возвращаются теперь к своему первоначальному элементу, из которого произошла, развилась и материализовалась каждая тайна и догма.

Более чем вероятно, что книга эта будет рассматриваться большинством как самая дикая небылица, ибо кто когда слышал о Книге Дзиан?

Пишущая эти строки потому вполне готова принять всю ответственность за содержание этого труда и даже не страшится обвинения в том, что все есть лишь ее измышление. Что труд этот имеет много недочетов, она вполне сознает. И она лишь претендует на то, что как бы фантастично не казалось многим содержание этого труда, но его логичная связность и последовательность дают право этому новому Генезису стоять, во всяком случае, на уровне с "работающими гипотезами", так открыто принятыми современной наукою. Далее, этот труд требует внимания не в силу какого-либо призыва к догматической авторитетности, но потому, что он тесно примыкает к Природе и следует законам единства и аналогии.

Цель этого труда может быть определена так: доказать, что Природа не есть "случайное сочетание атомов" и указать человеку его законное место в схеме Вселенной; спасти от извращения архаические истины, являющиеся основою всех религий; приоткрыть до некоторой степени основное единство, откуда все они произошли; наконец, показать, что оккультная сторона Природы никогда еще не была доступна науке современной цивилизации.

Если это до некоторой степени выполнено, писательница удовлетворена. Труд этот написан в служении человечеству, и человечеством же и будущими поколениями должен быть судим".

В прологе, рекомендованном Еленой Петровной как начальный пункт изучения Тайной Доктрины, выдвинуты три основных фундаментальных положения:

"I. Вездесущий, Вечный, Беспредельный и Непреложный ПРИНЦИП, о котором никакие рассуждения невозможны, ибо он превышает мощь человеческого понимания и может быть лишь умален человеческими выражениями и уподоблениями. Он вне уровня и достижения мысли и, согласно словам Mandukya — "Немыслим и Несказуем".

Чтобы яснее представить читателю эти идеи, пусть он начнет с предположения, что существует лишь Единая Абсолютная Действительность, которая предшествует всему проявленному и условному Сущему. Эта Бесконечная и Вечная Причина, туманно формулированная в "Бессознательном" и в "Непознаваемом" современной европейской философией, является "Бескорним Корнем" всего, что было, есть или когда-либо будет. Она, конечно, лишена всяких атрибутов и по существу не имеет никакого отношения к проявленному конечному Сущему. Это

скорее Бытийность, чем Бытие, — Сат, по-санскритски, — и превышает мышление и рассуждение.

Эта Бытийность символизирована в Тайной Доктрине под двумя аспектами. С одной стороны — Абсолютное Абстрактное Пространство, представляющее чистую субъективность, то единственное, что никакой человеческий ум не может ни изъять из своего миропонимания, ни представить его как само по себе; с другой стороны — Абсолютное Абстрактное Движение, представляющее Безусловное Сознание. Даже наши западные мыслители пришли к заключению, что сознание немыслимо для нас отдельно от изменения, и потому движение является лучшим символом этого процесса изменения и его главнейшим признаком. Этот последний аспект Единой Реальности также символизируется термином "Великое Дыхание", символом, достаточно изобразительным и не нуждающимся в дальнейшем разъяснении. Таким образом, первая основная аксиома Тайной Доктрины есть этот метафизический Единый Абсолют — Бытийность, символизированный конечным разумом как теологическая Троица.

Может быть, для изучающего будет некоторым облегчением, если мы дадим здесь несколько дальнейших объяснений. Герберт Спенсер недавно значительно смягчил свой агностицизм, именно до утверждения, что природа "Первопричины", которую оккультисты более логично производят от "Беспричинной Причины", от "Вечного" и "Непознаваемого", может быть по существу тем же, что и природа сознания, наполняющего нас. Короче говоря, безличная Реальность, всенасыщающая Космос, есть чистый нумен мысли. Этот сдвиг с его стороны очень приближает его к Веданте и к эзотерическим основам.

Парабраман, Единая Реальность, Абсолют, есть область Абсолютного Сознания, то есть та Сущность, которая вне всякого отношения к условному существованию; условным символом которой является сознательное существование. Но как только мы мысленно отходим от этого (для нас) Абсолютного Отрицания, получается двойственность в противоположении Духа (или Сознания) и Материи, Субъекта и Объекта.

Дух (или Сознание) и Материя, тем не менее, должны быть рассматриваемы не как независимые реальности, но как два символа или аспекта Абсолюта, Парабрамана, составляющие основу обусловленного Бытия, субъективного либо объективного.

Рассматривая эту метафизическую триаду как Корень, из которого исходит все проявление, Великое Дыхание принимает характер Пред-Космической Мыслеосновы. Это есть fons et origo Силы, так же как и всего индивидуального Сознания, и снабжает

руководящим разумом в обширной задаче космической Эволюции. С другой стороны, Пред-Космическая Корень-Субстанция (Мулапракрити) является тем аспектом Абсолюта, который лежит в основании всех объективных планов Природы.

Как Пред-Космическая Мыслеоснова есть корень каждого индивидуального сознания, так Пред-Космическая Субстанция является субстратом Материи в различных стадиях ее дифференциации.

Отсюда очевидно, что противоположение этих двух аспектов Абсолюта необходимо для существования Проявленной Вселенной. Независимо от Космической Субстанции Космическая Мыслеоснова не могла бы проявиться как индивидуальное сознание, ибо сознание развивается как "Я есмь Я" только через проводник (упадхи) материи, физическое основание, будучи необходимым для средоточия Луча Космического Разума при достижении известной сложности. В свою очередь, отделенная от Космической Мыслеосновы, Космическая Субстанция осталась бы пустою отвлеченностью и никакое возникновение Сознания не могло бы произойти. Потому Проявленная Вселенная исполнена двойственности, которая является как бы самой сутью ее Проявленного Существования. Но именно как противоположные полюсы Субъекта и Объекта, Духа и Материи, являются только аспектами Единства, в котором они синтезированы, так и в Проявленной Вселенной имеется "то", что связывает Дух с Материей, Субъекта с Объектом.

Это нечто, неизвестное пока умозрению Запада, называется оккультистами Фохатом. Это есть "мост", посредством которого Идеи, существующие в Божественной Мысли, запечатлеваются на Космической Субстанции как Законы Природы. Фохат, таким образом, является динамической энергией Космической Мыслеосновы. Рассматривая же его с другой стороны, он — разумный посредник, руководящая сила всех проявлений, Божественная Мысль, переданная и проявленная Дхиан-Коганами, Строителями видимого Мира. Так от Духа, или Космической Мыслеосновы, происходит наше Сознание, от Космической Субстанции — те несколько проводников, в которых сознание это индивидуализируется и достигает до самоосознания — или размышляющего сознания. Между тем как Фохат, в его различных проявлениях, является таинственным звеном между Разумом и Материей, животворящим принципом, электризующим каждый атом к жизни.

Следующий перечень даст читателю более ясное представление:

1. АБСОЛЮТНОСТЬ: Парабраман ведантистов, или Единая

Реальность, "Сат", являющаяся, по словам Гегеля, Абсолютным Бытием и Не-Бытием одновременно.

2. Первый Логос: Безличный, и в философии — Логос Непроявленный, предтеча Проявленного. Это есть "Первопричина", "Бессознательное" европейских пантеистов.

3. Второй Логос: Дух-Материя, Жизнь; "Всемирный Дух", Пуруша и Пракрити.

4. Третий Логос: Космическая Мыслеоснова, Махат, или Разум, Космическая Всемирная Душа; Космический Нумен Материи, основа разумных проявлений Природы и в Природе, также называемый Маха-Буддхи.

ЕДИНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ; ее двойственный аспект в обусловленной Вселенной.

Далее Тайная Доктрина утверждает:

II. Вечность Вселенной в целом, как беспредельный план (проекция); периодически — "ристалище бесчисленных Миров, беспрестанно проявляющихся и исчезающих", называемых "Проявляющимися Звездами" и "Искрами Вечности". "Вечность Странника подобна мгновению Ока Само-Существования" — так говорит Книга Дзиан. "Появление и исчезновение Миров подобно правильному возвращению прилива и отлива".

Это второе утверждение Тайной Доктрины относится к абсолютной всемирности этого закона периодичности, прилива и отлива, нарастания и убыли, усмотренного и рекордированного физической наукой во всех отделах Природы. Чередование Дня и Ночи, Жизни и Смерти, Сна и Бодрствования является таким общеизвестным, таким абсолютно всемирным, и без исключения, фактом, что легко понять, что в нем мы видим один из наиболее абсолютных Законов Вселенной.

Кроме того, Тайная Доктрина учит:

III. Основной тождественности всех душ с Всемирной Превышней Душой, последняя Сама есть аспект Неведомого Корня; и обязательному странствованию для каждой души — искры Превышней Души — через Цикл Воплощений, или Необходимости, согласно Закону Циклов и Кармы, на протяжении всего срока. Другими словами, ни одна чисто духовная, божественная душа (Буддхи) не может иметь независимого сознательного существования, прежде чем искра, отлетевшая от чистой Сущности Вселенского Шестого Принципа — или ПРЕВЫШНЕЙ ДУШИ, — (а) не пройдет через каждую начальную форму феноменального Мира этой Манвантары и (Ь) не обретет индивидуальности; сначала в силу врожденного импульса, а затем посредством личных самопроизвольных усилий, контролируемых ее Кармою, подымаясь, таким образом, через все

степени разума, от низшего до высшего Манаса, от минерала и растения до высшего Архангела (Дхиани-Будда). Основная Доктрина Эзотерической Философии не допускает ни преимуществ, ни особых дарований в человеке, за исключением завоеванных самим "Эго" личными усилиями и достижениями на протяжении длинного ряда метемпсихозиса и воплощений. Вот почему индусы говорят, что Вселенная есть Браман и Брама, ибо Браман пребывает в каждом атоме Вселенной; ибо Шесть Принципов в Природе исходят — как различные дифференцированные аспекты — из Седьмого и Единого, Единой Реальности во Вселенной, как космической, так и микрокосмической. Почему также все изменения — психические, духовные и физические — на плане проявления и форм Шестого Принципа (ибо Брама — носитель Брамана) рассматриваются метафизическим антифразисом как иллюзорные и майявические. Ибо, хотя корень каждого атома индивидуально и каждой формы коллективно является этим Седьмым Принципом, или Единою Реальностью, все же в своем проявленном и временном виде это не более, нежели мимолетная иллюзия наших чувств.

В своей абсолютности Единый Принцип, в его двух аспектах Парабрамана и Мулапракрити, не имеет пола, безусловен и вечен. Его периодическое манвантарное выявление, или первичное излучение, также Едино, двуполо и предельно. Когда это излучение начинает, в свою очередь, излучать, то все его излучения также двуначальны, становясь в своих низших аспектах мужским и женским началами. После Пралайи, как Великой, так и Малой, — последняя оставляет все миры "in status quo" — первой к активной жизни просыпается пластическая Акаша, Отец-Матерь, Дух и Душа Эфира, или же Площадь Круга. Пространство называется Матерью до его космической деятельности и Отцом-Матерью при первой стадии пробуждения. В Каббале это тоже Отец-Мать-Сын. Но тогда как в Восточной Доктрине они являются Седьмым Принципом Проявленной Вселенной или же ее Атма-Буддхи-Манас (Дух-Душа-Разум), Триадой, разветвляющейся и разделяющейся на семь космических и семь человеческих Принципов, в Западной Каббале христианских мистиков она является Триадою или Троицей, а среди их оккультистов — двуполым Иеговою, Jah-Havah. В этом и заключается все различие между эзотерической и христианской Троицами. Мистики и философы, восточные и западные пантеисты, синтезируют свою предначальную Триаду в чистую божественную абстракцию. Ортодоксальные очеловечивают ее. Хиранья-гарбха, Хари и Шанкара — Три Ипостаси проявленного "Духа Превышнего Духа", титул, которым Притхиви-Земля приветствует Вишну в лице его

первого Аватара, — являются чисто метафизическими, абстрактными свойствами Образования, Сохранения и Разрушения, также божественными Avastha (Ипостаси) того, что "не разрушается вместе с созданными вещами": Ачъюта, титул Вишну; тогда как ортодоксальный христианин разъединяет свое Личное Творящее Божество на Три Лика Троицы и не признает другого высшего Божества. Последнее в Оккультизме является абстрактным Треугольником, у ортодоксальных — совершенным кубом. Бог творящий, или же совокупность созидающих богов, рассматривается восточным философом как Bhrantidarshanath, "ложные видимости", нечто, "представленное в силу ложных видимостей как материальная форма", и поясняется ими как возникающее по причине иллюзорного понятия эгоистической, личной и человеческой Души (низшего Пятого Принципа). Это прекрасно выражено в примечании Фитцэдуарда Холла к просмотренному переводу Вишну Пураны Уильсона. "Брама в своей совокупности имеет, прежде всего, аспект Пракрити, как эволюционирующей, так и неэволюционирующей (Мулапракрити), и также аспект Духа и аспект Времени. Дух, о Дваждырожденный, есть главный аспект Высочайшего Брамы. Следующий аспект двоякий — Пракрити, эволюционирующая и неэволюционирующая, и последним является Время". В Орфической Теогонии Кронос также представлен как рожденный бог, или посредник.

В этой стадии пробуждения Вселенной сокровенный символизм представляет ее как совершенный Круг с Точкою (Корнем) в Центре. Этот знак был всемирным, потому мы находим его также в Каббале. Тем не менее, Западная Каббала, находясь теперь в руках христианских мистиков, совершенно не признает его, хотя он очень ясно указан в Зохаре. Эти сектанты начинают с конца и дают как символ прегенетического Космоса, называя его "Союзом Розы и Креста", великой тайной оккультного зарождения, откуда и имя розенкрейцер (Крест Розы)! Как можно видеть, один из их наиболее значительных и известных символов еще никогда не был понят, даже современными мистиками. Именно символ Пеликана, разрывающего свою грудь, чтобы накормить своих семерых птенцов, — символизирует истинное верование Братьев Розенкрейцеров, являясь прямым отпрыском Восточного Сокровенного Учения.

Браман (непроявленный), так же как и Брама- Творец, называется Калахамса, что означает, как это объяснено западными востоковедами, Вечный Лебедь (или Гусь). Таким образом, раскрывается большая ошибка. Браман (непроявленный) должен быть рассматриваем как Хамса-вахана (тот, кто

пользуется Лебедем как своим Носителем), а не Брама-Создатель, являющийся истинным Калахамса. Тогда как Браман (непроявленный) есть Хамса и А-хамса, как это будет объяснено в Комментариях. Следует понять, что термины "Брама" и "Парабраман" употребляются здесь не потому, что они принадлежат нашей эзотерической номенклатуре, но просто потому, что они более знакомы западным исследователям. Оба вполне соответствуют нашим терминам — одногласному, трехгласному и семигласному, обозначающим ВСЕЕДИНОЕ и Единое "Все во Всем".

Таковы основные понятия, на которых покоится Тайная Доктрина".

Выход "Тайной Доктрины" был с воодушевлением встречен всеми, кто знал о готовящемся издании и ждал его, и стал выдающимся событием науки, религии и философии XIX века. Фундаментальность и уникальность этого труда сделали его легендарным еще при жизни Елены Петровны. Как она и предсказывала, его широкое осмысление началось только в следующем веке, когда научно подтвердился целый ряд положений и предсказаний. "Тайная Доктрина" и по сей день является основным источником Древней Мудрости, и значение этого труда со временем только растет.

Первое русское издание предварялось вступлением Е.И. Рерих: "Знание превыше всего. Каждый, кто принес частицу знания, уже есть благодетель человечества. Каждый, собравший искры знания, будет подателем Света.

Научимся оберегать каждый шаг научного познавания. Пренебрежение к науке есть погружение во тьму. Каждый имеет право получить доступ к Учению.

Прочтите труд, насыщенный стремлением к Истине. Невежды сеют предубеждения, сами не давая себе труда даже прочесть книгу. Самый утверждающий труд называют отрицанием. Признание Высших Принципов считается самым ужасным кощунством. Истинно, предрассудок — плохой советник!

Но нельзя обойти все собранные познания. Не забудем принести признательность тем, кто жизнью своею запечатлели Знание".

Третий том этой работы, а также "Теософский словарь" вышли уже после смерти автора. Тексты этих изданий подготовили к печати ученики и сотрудники, а вот четвертому тому так и не суждено было быть записанным и увидеть свет. Сведения, запланированные Учителем для четвертого тома, частично диктовались Им уже в XX веке целому ряду учеников, последователей Е.П. Блаватской. Среди них назовем американку

Франчию Ла Дью, записавшую в начале века третью часть комментариев к Станцам Дзиан, которые были изданы в конце столетия как "Теогенезис", а также русского философа Елену Ивановну Рерих, записавшую грандиозное по объему и значению Учение, известное теперь под названием Агни Йога, или Живая Этика.

"Голос Безмолвия"

В конце весны 1889 года Елена Петровна была приглашена Идой Кэндлер, женой американского сенатора, в Фонтенбло, близ Парижа, и провела там три недели. За это короткое время Блаватской была написана небольшая по объему, но великолепная по содержанию книга "Голос Безмолвия", частичный перевод древнего буддийского трактата "Книга Золотых Правил". В предисловии она писала: "Источник, из которого я перевела предлагаемые три отрывка, принадлежит к той же серии, откуда взяты и "Станцы" Книги Дзиан, послужившие основой для "Тайной Доктрины". "Книга Золотых Правил одного происхождения с великим мистическим творением, называемым Парамартха, по поводу которого легенда о Нагарджуне говорит, что оно было передано великому архату Нагом, или "Змием" (в действительности это наименование древних посвященных). Однако, как ни были бы оригинальны и благородны идеи и положения этой книги, идеи эти часто встречаются под различными формами во многих санскритских произведениях, как, например, в Дхьянешвари, великолепном мистическом трактате, в котором Кришна передает Арджуне в огненных красках состояние полностью просветленного йога, а также и в некоторых Упанишадах. И это лишь естественно, так как большинство — если только не все — великие архаты, первые последователи Гаутамы Будды, были индусы и арии, а не монголы, особенно те из них, которые переселились в Тибет. Произведения одного только Арьясанги чрезвычайно многочисленны.

Оригиналы этих Правил вырезаны на продолговатых плитках; копии их делались часто на дисках. Эти плитки или диски сохраняются обыкновенно на алтарях храмов при центрах, где были основаны так называемые "созерцательные" школы махаяны или йогачарьи. Оригиналы написаны различным способом, иногда по-тибетски, но большею частью идеографическими знаками. Священный язык сензар, помимо своей собственной азбуки, может передаваться различными криптографическими способами (тайнописью). Другой способ, называемый по-тибетски lug, состоит в употреблении различных цифр и красок, причем каждая из них соответствует определенной букве тибетской азбуки (тридцать простых и семьдесят четыре составные буквы); этим способом составляется полная криптографическая азбука. Когда употребляются идеографические знаки, существуют определенные способы для разбирания текста: один из таких

способов состоит в том, что двенадцать знаков зодиака и семь основных цветов, каждый из которых в трех оттенках: светлом, основном и темном, заменяют тридцать три буквы обыкновенной азбуки, и из них составляются слова и предложения. При этом способе двенадцать знаков зодиака, повторенные пять раз и соединенные с пятью элементами и семью цветами радуги, образуют полный алфавит, состоящий из шестидесяти букв и двенадцати знаков. Помещенный в начале текста знак служит указанием на то, должен ли читающий разбирать его по индийскому способу, когда каждое слово является лишь простым применением к санскритскому, или же сообразно китайскому идеографическому способу. Но самым легким способом является тот, который позволяет читающему совсем не употреблять никакого конкретного языка, а только знаки и символы, которые, подобно арабским цифрам, были общим международным достоянием всех посвященных мистиков и их последователей. Этой же особенностью отличается один из китайских способов письма, который может быть прочитан с одинаковой легкостью всеми, владеющими его ключом — например, японец может прочесть то же письмо на своем языке так же легко, как китаец на своем.

"Книга Золотых Правил" содержит около девяноста отдельных коротких трактатов, из которых некоторые — добуддийской эпохи, другие же — позднейшего происхождения. Много лет тому назад я выучила тридцать девять из них наизусть. Чтобы восстановить и остальные, пришлось бы искать в памятных записках, накопившихся за двадцатилетний период и никогда не приводившихся в порядок. К тому же, некоторые из них и вовсе не могут быть поведаны миру, чересчур себялюбивому, слишком привязанному к предметам материального мира и никоим образом не подготовленному к восприятию столь возвышенной этики. Ибо только человек, упорно и серьезно добивающийся самопознания, может охотно выслушивать указания подобного рода".

Предлагаем читателю небольшой отрывок — изречения из "Голоса Безмолвия":

"Если твоя душа улыбается, купаясь в солнечном сиянии твоей жизни, если она поет внутри своей оболочки из плоти и материи; если она рыдает в своем замке иллюзий; если она силится оборвать серебряную нить, соединяющею ее с Учителем, — знай, ученик, твоя душа — земная.

Если к суматохе мира распускающаяся душа твоя прислушивается; если она откликается на гремящий голос великой иллюзии, будучи устрашена видом горючих слез боли,

если, оглушенная воплями бедствий, она подобно пугливой черепахе отступает под панцирь своей самости, узнай, ученик: твоя душа — недостойное вместилище своего безмолвного бога.

Когда, став сильнее, твоя душа выступит из своего безопасного убежища и, вырвавшись из защищавшего ее ковчега, протянет свою серебряную нить и устремится вперед; то если, узрев свое отражение на волнах пространства, она шепнет: "это я", узнай, ученик, что душа твоя захвачена в паутину заблуждения.

Ученик, эта земля — чертог печали, где по всему пути тяжких испытаний расставлены западни, чтобы изловить твое Я заблуждением, именуемым "великой ересью" аттавады.

Эта земля, о несведущий ученик, лишь печальное преддверие, ведущее в сумерки, за которыми расстилается долина истинного света, того света, что неугасим никакими бурями, что горит без фитиля или масла.

Говорит Великий Закон: "Чтобы познать Все-Я ты должен познать свое я, отдать свое Я — Не Я, Бытие — Небытию, и тогда сможешь обрести покой между крылами Великой Птицы. Воистину сладостен отдых в крылах того, что не рождается, не умирает, что есть АУМ на протяжении бесконечных веков.

Оседлай Птицу Жизни, если хочешь познать.

Отдай свою жизнь, если хочешь жить.

Три чертога, о усталый путник, предстоит пройти тебе до конца трудов. Три чертога, о победитель Мары, проведут тебя через три состояния в четвертое, а оттуда в семь миров, в миры Вечного Покоя.

Если захочешь узнать их названия, слушай и запоминай.

Имя первого чертога — Неведение, авидья.

Это — тот чертог, в котором ты увидел свет, в котором живешь и умрешь.

Имя второго — чертог Познания (обучения на испытании). В нем душа твоя найдет расцветание жизни, но под каждым цветком свернулась змея.

Имя третьего чертога — Мудрость; за ним расстилаются безбрежные воды Акшара, нерушимый родник Всеведения.

Если захочешь пройти первый чертог безопасно, не позволяй своему уму принимать огни вожделения, горящие в нем, за солнечный свет жизни.

Если хочешь безопасно перейти второй, не останавливайся, дабы вдохнуть в себя благоухание его опьяняющих цветов. Если хочешь освободить себя от цепей кармы, не ищи себе гуру в этих маявических областях.

Мудрые не задерживаются на игрище чувств. Мудрые не внимают сладкозвучным голосам иллюзий.

Ищи того, кто даст тебе рождение, в чертоге Мудрости, который находится за пределами, где неведомы тени, где свет истины сияет в неугасимой славе.

То, что несотворенное, живет в тебе, ученик, как оно обитает и в чертоге Мудрости. Если захочешь достичь его и сочетать эти два, ты должен совлечь с себя темные покровы иллюзии. Заглуши голос плоти, не позволяй чувственному образу становиться между светом Того и твоим светом, дабы эти два могли сочетаться в одно. Познав же свою собственную аджняну, беги из чертога Познания. Опасна его коварная красота, и нужен он только для твоего испытания. Опасайся, чтобы душа твоя, ослепленная его обманчивым сиянием, не помедлила и не попалась во власть его призрачного света.

Этот свет исходит из драгоценного венца великого соблазнителя Мары. Чувства, очарованные им, ослепляют ум, приводя беспечного к крушению.

Моль, привлеченная мерцанием твоей ночной лампы, обречена погибнуть в вязком масле. Беспечная душа, которой не удается побороть издевающегося демона иллюзии, вернется на землю рабою Мары.

Взирай на сонмы душ. Наблюдай, как они мечутся над бурным морем человеческой жизни, как обессиленные, истекающие кровью, со сломанными крыльями, они падают одна за другой во вздымающиеся волны. Бросаемые свирепыми ветрами, гонимые бурей, они дрейфуют и исчезают в первом же большом водовороте.

Если через чертог Мудрости ты захочешь достичь Долины Блаженства, замкни крепко свои чувства, дабы не проникла в них губящая ересь разобщения, которая отделяет тебя от остального.

Не дозволяй своему "Рожденному в Небесах", погруженному в волны майи, отрываться от Вселенской Родительницы, Души, позволь огненной силе отступить в сокровеннейший покой твоего сердца, в обитель Матери Мира.

И тогда эта сила из сердца поднимется в шестую, среднюю область, между твоих глаз, где станет дыханием Единой Души, голосом, наполняющим все, голосом твоего Учителя.

Тогда только сможешь ты стать "по небу идущим", тем, кто проходит по ветрам над волнами и ступнями своими не касается вод.

Прежде чем поставишь ногу на верхнюю ступень лестницы мистических звуков, ты должен услышать голос внутреннего Бога (высшего Я) в семи различиях.

Первый подобен сладостному голосу соловья, поющего прощальную песнь своей подруге.

Второй звучит, как серебряный кимвал дхьяни, пробуждающих мерцающие звезды.

Следующий подобен мелодической жалобе духа океана, плененного в своей раковине.

За ним следует пение вины.

Пятый звуком бамбуковой флейты врезается в твое ухо.

Затем он перейдет в трубный звук, вибрирующий подобно глухому раскату громовой тучи.

Седьмой поглотит все остальные звуки. Они умрут, и не будет более слышно их.

Когда шесть убиты и сложены к ногам Учителя, тогда ученик сливается с ЕДИНЫМ, становится им, и живет в нем".

"Ключ к теософии"

Кэндлер уговорила Елену Петровну после Фонтенбло провести пару недель на острове Джерси у французского побережья, где "Голос Безмолвия" был завершен. Пока Елена Петровна находилась во Франции, в Лондоне из печати вышла ее книга "Ключ к теософии". Она представляла собой простое и емкое изложение теософских доктрин.

"Она, — объясняла задачу данного труда Елена Петровна, — не полный или исчерпывающий учебник по теософии, а лишь ключ, чтобы отпереть дверь, ведущую к более глубокому изучению. Она прослеживает общие контуры Религии Мудрости и объясняет ее фундаментальные принципы, отвечая, в то же время, на различные возражения, выдвигаемые средним западным человеком, и стараясь изложить незнакомые понятия в насколько возможно простой форме и как можно более ясным языком. Было бы преувеличением ожидать, что эта книга сделает теософию понятной без всякого умственного усилия со стороны читателя, но мы надеемся, что причиной оставшихся неясностей будет сама идея, а не язык, и глубина предмета, а не путаница в его изложении. Для ленивых умом или тупых теософия должна остаться загадкой, ибо в мире мысли, как и в мире духовном, каждый должен продвигаться своими собственными усилиями. Писатель не может думать за читателя, да и читатель не станет сколько-нибудь лучше, будь такое мышление за другого возможно. Среди интересующихся Теософическим Обществом и его работой давно ощущалась необходимость такого изложения, и мы надеемся, что оно предоставит информацию, свободную, насколько возможно, от технических подробностей, многим из тех, чье внимание было пробуждено, но кто все еще просто озадачен и не убежден. Некоторое внимание было уделено и отделению того, что есть истинного в спиритуалистическом учении о посмертной жизни от того, что ложно, и объяснению истинной природы спиритических явлений".

Некоторые утверждения "Ключа к теософии":

"Теософия стара, как мир, в своем учении и этике, если не в названии, а также является самой широкой и всеобъемлющей системой из всех…

Мы считаем, что в древние времена существовали нации столь же культурные и уж конечно опережавшие нас в духовном отношении. Но этому добровольному невежеству есть несколько причин. Одну из них открыл Св. Павел культурным жителям Афин — это потеря на долгие века настоящего духовного

озарения, и даже интереса, из-за слишком сильной их привязанности к предметам чувств и долгого рабства у мертвой буквы догм и обрядности. Но основная причина в том, что истинная теософия всегда сохранялась в тайне.

Причины ее следующие: Во-первых, извращенность обычной человеческой природы, ее эгоизм, всегда стремящийся к удовлетворению личных желаний в ущерб своим ближним и сородичам. Таким людям никогда нельзя доверять божественные тайны. Во-вторых, их неспособность сохранить священное и божественное знание от профанации. Именно последняя привела к извращению самых возвышенных истин и символов и постепенному превращению духовного в антропоморфное, конкретное и сведенное к грубым образам — иными словами, к принижению представления о божественном и к идолопоклонству.

Разница между буддизмом, религией, основанной принцем Капилавасту, и будхизмом, "учением мудрости", который… есть синоним теософии, в том же, в чем разница между тайными учениями Христа, которые назывались "тайнами царства небесного", и позднейшей обрядностью и догматическим богословием церкви и сект. "Будда" означает просветленный бодхи, или постижением, мудростью. Корнями и ветвями это уходит в эзотерические учения, которые Гаутама передал лишь своим избранным архатам.

Одно из больших различий между теософией и экзотерическим буддизмом состоит в том, что последний, представленный его южной школой, полностью отрицает: а) существование каких-либо божеств; и б) какую-либо сознательную жизнь после смерти или даже какую-либо самосознающую индивидуальность, сохраняющуюся в человеке. По крайней мере, именно таково учение таиландской секты, которое сейчас считают самой чистой формой экзотерического буддизма. И это так, если рассматривать лишь общедоступные учения Будды; причину такой сдержанности с его стороны я объясню далее. Но северные буддийские школы, учрежденные в тех странах, куда удалились посвященные архаты после смерти своего Учителя, учат всему, что сейчас называется теософическими доктринами, потому что они образуют часть знания посвященных — таким образом доказывая, что слишком рьяная ортодоксия южного буддизма пожертвовала истиной ради мертвой буквы. Но насколько более величественным и благородным, более научным и философским оказывается это учение, даже в своей мертвой букве, в сравнении с любой другой церковью или религией! И все же, теософия — не буддизм…

Дерево узнают по плодам, а систему — по ее результатам. Когда наши противники смогут доказать нам, что за всю многовековую историю хоть один ученик, изучавший оккультизм в одиночестве, стал святым адептом, как Аммоний Сакк или даже Плотин, или теургом, как Ямблих, или совершил подвиги, такие как Сен-Жермен, без какого-либо учителя, который руководил бы им, и все это — не будучи медиумом, психистом, обманывающим самого себя, или шарлатаном, — тогда мы признаем, что ошибались. Но до тех пор теософы предпочитают следовать доказанному естественному закону традиции Священной Науки. Есть мистики, сделавшие великие открытия в химии и физике, почти граничащие с алхимией и оккультизмом; другие, лишь с помощью своего гения, заново открывшие частично, если не полностью, потерянный алфавит "языка мистерий", и потому способные правильно читать древнееврейские свитки; и еще те, кто, будучи ясновидящими, смогли уловить чудесные проблески сокровенных тайн Природы. Но все они — узкие специалисты. Один — теоретик-изобретатель, другой — сектантски настроенный каббалист, третий — Сведенборг нашего времени, отрицающий все и вся вне его собственной науки или религии. Никто из них не может похвалиться, что принес своей деятельностью пользу и всему миру, или хотя бы своему народу, а не только самому себе. За исключением немногих целителей — того класса, который Королевская Коллегия врачей или хирургов назовет шарлатанами — никто не помог своей наукой ни человечеству, ни даже нескольким окружающим его людям. Где халдеи прошлого, совершавшие удивительные исцеления, "не чарами, но простотой"? Где Аполлоний Тианский, лечивший больных и воскрешавший мертвых при любом климате и обстоятельствах? Нам известны несколько специалистов первого рода в Европе, но ни одного — последнего рода, за исключением Азии, где секрет йогов, как "жить в смерти", все еще сохраняется…

Если теософией представлена истина, как она есть, то почему ее встречают таким сопротивлением, а не всеобщим признанием? Опять же по многим и различным причинам, одна из которых — ненависть людей к "нововведениям", как они это называют. Эгоизм по сути своей консервативен и терпеть не может, когда его беспокоят. Он предпочтет уживчивую, нетребовательную ложь величайшей истине, если последняя требует пожертвовать хоть толикой комфорта. Сила умственной инерции огромна, если только что-либо не сулит немедленной выгоды и награды. Наш век в выдающейся степени бездуховен и прозаичен. К этому добавляется незнакомый характер теософических учений и

сложная природа доктрин, некоторые из которых прямо противоречат многим человеческим предрассудкам, взлелеянным сектантами и въевшимся в самую сердцевину популярных верований. Если мы прибавим к этому личные усилия и высокую чистоту жизни, которые требуются от тех, кто хотел бы стать учениками внутреннего круга, а также очень ограниченное число готовых следовать нашим правилам, требующим полного бескорыстия, станет понятно, почему теософия обречена на такое медленное продвижение и такой трудный подъем. По сути, это философия лишь для тех, кто страдал в трясине жизни и потерял всякую надежду выбраться оттуда иным способом. Более того, история всякой системы веры или нравственности, впервые высаженной на незнакомую почву, показывает, что ее первые ростки встречали все препятствия, которые только могли учинить мракобесие и эгоизм. Воистину, "венец новатора — терновый венец!" Разрушение старых, изъеденных жучками зданий никогда не обходится без некоторой опасности…

Происхождение у всех людей, как духовно, так и физически, одно и то же, что является фундаментальным положением теософии. Поскольку человечество, по сути, едино, и эта суть его одна — бесконечная, несотворенная и вечная, называем ли мы ее Богом или Природой — ничто, таким образом, не может повлиять на одну нацию или одного человека, не повлияв на все другие нации и всех других людей. Это так же достоверно и очевидно, как то, что камень, брошенный в пруд, раньше или позже, приведет в движение каждую каплю воды в нем…

Учение о том, что корень всей Природы, объектной и субъектной, и все, что вообще существует во Вселенной, видимое или невидимое, было, есть и всегда будет навсегда одной абсолютной сущностью, из которой все исходит и к которой все возвращается. Это арийская философия, вполне представленная лишь в системах ведантистов и буддистов. С учетом первой нашей цели, долг всех теософов — любыми практически доступными путями, во всех странах, способствовать распространению несектантского образования…

Чтобы пробудить среди народов братские чувства, мы должны способствовать международному обмену товарами и технологиями, помогая советами, предоставлением информации и взаимодействием со всеми заслуживающими внимания личностями и ассоциациями, однако, при условии, добавляет Устав, что "Общество или его члены за эти услуги не должны получать никакой прибыли и процентов". Возьмем практический пример. Организация Общества, отраженная Эдвардом Беллами в его великолепной книге "Оглядываясь назад", прекрасно

представляет теософическую идею о том, каким должен быть первый большой шаг в направлении полной реализации идеи всеобщего братства. Состояние вещей, которое он рисует, далеко от совершенства из-за эгоизма, все еще существующего и владеющего сердцами людей. Но, в основном, эгоизм и индивидуализм преодолевается чувством солидарности и всеобщего братства; и схема жизни, там описанная, способствует сведению причин, ведущих к возникновению и воспитанию эгоизма, к минимуму…

То, что верно на метафизическом уровне, должно быть правдой и на физическом… Нет более благодатного источника раздоров и ненависти, чем религиозная рознь. Если та или иная партия считает себя единственной обладательницей абсолютной истины, то это лишь естественно, что она считает своего соседа находящимся полностью во власти Заблуждения или Дьявола. Но дайте людям однажды увидеть, что ни одна из них не обладает всей истиной, но что они взаимно дополняют друг друга; что полная истина может быть найдена только в совмещении всех взглядов, после того как все ложное в них будет отсеяно — и тогда настоящее братство религий будет установлено. То же приложимо и в физическом мире…

Растение состоит из корня, стебля и множества побегов и листьев. Поскольку человечество, как целое, является стеблем, растущим из духовного корня, то стебель и составляет единство этого растения. Повредите стебель — и, очевидно, пострадает каждый побег и лист. Так же и с человечеством… Нанося вред одному человеку, вы не вредите всему человечеству? Но откуда вы это знаете? Известно ли вам, что даже материалистическая наука учит, что любое повреждение, нанесенное растению, как бы мало оно ни было, будет влиять на весь ход его будущего роста и развития? Следовательно, вы ошибаетесь, и аналогия совершенная. Если вы же упустили из виду, что порез на пальце может заставить страдать все тело и вызвать ответную реакцию всей нервной системы, тем более я должна напомнить вам, что вполне могут быть другие, духовные законы, действующие на растения и животных, а также и на человечество, хотя, если вы не признаете их действия на растениях и животных, вы можете отрицать их существование… Мы называем (законы) их кармическими, но вы не сможете понять полный смысл этого термина, если не изучали оккультизма. Однако, моя аргументация была основана не на допущении, что эти законы существуют, а именно на аналогии с растением. Распространите эту идею, доведите ее до всеобщего приложения, и скоро вы обнаружите, что в настоящей философии каждое физическое

действие имеет свои нравственные последствия, которые остаются навсегда. Заставив человека страдать, нанеся ему телесное повреждение, вы можете думать, что эта боль и страдание никоим образом не распространятся на его ближних, и менее всего — на людей других наций. Мы же утверждаем, что в должное время это свершится. Потому, говорим мы, что если каждый не поймет и не примет за незыблемую истину то, что, причиняя зло одному человеку, мы вредим не только себе, но в конечном счете и всему человечеству, никакие братские чувства, проповедовавшиеся всеми великими реформаторами, и в первую очередь Буддой и Иисусом, на Земле невозможны…

Наш долг — поддерживать в человеке жизнь его духовной интуиции. И при этом противостоять и противодействовать — после соответствующих исследований и получения доказательств их иррациональной природы — предрассудкам в любой форме — религиозной, научной или социальной и, прежде всего, ханжеству, будь то религиозное сектантство или вера в чудеса и нечто сверхъестественное. Главное же, что мы должны делать — стараться получать знания обо всех законах природы и распространять их; поощрять изучение тех законов, которые меньше всего понимаются современными людьми, так называемых оккультных наук, основанных на настоящем знании природы, вместо популярных нынче суеверных представлений, основанных на слепой вере и авторитете. Фольклор и народные предания, хотя порой в них и много вымысла, будучи тщательно отфильтрованы, могут привести к открытию давно утраченных, но важных тайн природы. Таким образом, Теософическое Общество стремится проводить эту линию исследования в надежде расширить область научных наблюдений и философии…

Этика у Теософского общества есть, и достаточно ясная для всех, кто бы захотел ей следовать. Это суть или сливки мировой этики, собранные из учений всех великих реформаторов мира. Потому вы обнаружите в ней идеи Конфуция и Зороастра, Лао-цзы и Бхагавад- гиты, заповеди Гаутамы Будды и Иисуса из Назарета, Гиллеля и его школы, равно как и Пифагора, Сократа, Платона и их школ…

Одно "я" должно забыть о себе ради многих "я". Позвольте мне ответить вам словами истинного филалета, члена Теософического Общества, прекрасно выразившего это в журнале "Теософ": "Что каждому человеку нужно прежде всего — так это найти себя, а затем произвести честную инвентаризацию всем своим субъективным приобретениям, и даже если такая оценка покажет плохое состояние дел или банкротство, ситуация вовсе не является непоправимой, если серьезно взяться за дело". Но

многие ли так делают? Все хотят работать для своего собственного развития и прогресса, и очень немногие для прогресса других. Процитируем того же автора снова: ”Люди уже достаточно долго обманывались и заблуждались, они должны разбить своих идолов, отказаться от подделок и приступить к работе над собой — нет, одно это маленькое слово означает слишком много и слишком многое, поскольку работающий лишь для себя лучше бы не работал и вообще, так что пусть он работает над собой ради других, ради всех. Ибо каждый цветок любви и милосердия, посаженный им в саду ближнего своего, изгонит отвратительный сорняк из его собственного сада, и так сей сад богов — Человечество — расцветет, как роза. Во всех писаниях, во всех религиях это ясно сказано, но человек исхитряется сначала это истолковать неверно, затем выхолащивает, приземляет и, наконец, доводит до полного абсурда. Нового откровения не нужно. Пусть каждый человек станет откровением для самого себя. Пусть бессмертный дух человека однажды овладеет храмом своего тела, изгнав оттуда менял и всякую нечисть, и его собственная божественная человечность освободит его, ибо став един с самим собой, он узнает и "строителя Храма"…

Теософическое Общество является довольно большой группой людей, состоящей из самых разнородных элементов. Теософия, в абстрактном ее значении, это Божественная Мудрость, или совокупность знаний и мудрости, лежащих в основе Вселенной — единым вечным БЛАГОМ; в конкретном же смысле это та сумма этой же мудрости, которой наделен от природы человек на этой Земле. Некоторые члены искренне стремятся реализовать теософию на практике, так сказать, предметно воплотив теософию в своей жизни, тогда как другие желают только познать ее, не практикуя; иные же могут примкнуть к Обществу просто из любопытства, из-за случайного интереса или, возможно, только потому, что к нему принадлежат их друзья. Как же тогда можно судить обо всей системе по тем, кто присвоил себе это имя безо всяких на то оснований? Можно ли судить о поэзии или ее музе лишь по тем, кто хочет стать поэтом, но от чьих произведений лишь вянут уши? Наше Общество можно считать воплощением теософии лишь в плане его абстрактных мотивов, и оно не сможет позволить себе называться ее конкретным проводником, пока в его теле представлены все человеческие слабости и несовершенства — иначе оно бы только повторило огромную ошибку и святотатство так называемой Церкви Христовой. Если допустить восточное сравнение, то теософия — это безбрежный океан всеобщей истины, любви и мудрости, отбрасывающий свое сияние на землю, тогда как Теософическое Общество — лишь

видимый пузырек на поверхности этого отражения. Теософия — это божественная природа, видимая и невидимая, а ее Общество — человеческая природа, старающаяся вознестись до своей божественной родительницы. И наконец, теософия — это незыблемое вечное солнце, а ее Общество — это мимолетная комета, пытающаяся закрепиться на орбите, чтобы стать планетой, всегда вращающейся в пределах притяжения солнца истины. Оно было образовано, чтобы помочь показать людям, что такая вещь, как теософия, существует, и помочь им приблизиться к ней путем изучения и усвоения ее вечных истин…

У Общества нет собственной мудрости, которой оно должно придерживаться и которой могло бы учить. Оно — лишь хранилище всех истин, изреченных великими провидцами, посвященными и пророками исторических и даже доисторических времен; по меньшей мере, насколько они нам доступны. Потому оно — просто канал, через который, в большей или меньшей степени, проистекают в мир истины, которые можно найти в совокупности сказанного великими учителями человечества…

Несомненное существование великих посвященных — истинных "сынов божьих" — показывает, что такая мудрость часто достигалась отдельными индивидуальностями, однако здесь никогда не обходилось без начального руководства учителя. Но большинство их последователей, став в свою очередь учителями, принижали всеобщность этих учений до узкого русла собственных сектантских догм. Они следовали лишь избранным заповедям отдельных учителей, отбрасывая все остальные, если следовали вообще — вспомните, как они выполняются в случае с Нагорной Проповедью. Таким образом, каждая религия — лишь кусочек божественной истины, использованный, как фокус для проектирования обширной панорамы человеческой фантазии, претендующей на то, чтобы представлять и заменять эту истину…

Теософия — суть всех религий и абсолютной истины, одна капля которой является основой каждого вероучения. Если еще раз прибегнуть к метафоре, то на земле теософия подобна лучу белого света, а каждая религия — это только один из семи цветов спектра. Игнорируя все остальные, осуждая их как ложные, каждый отдельный цветовой луч, таким образом, провозглашает не только свое первенство, но и претендует на то, что он и есть тот самый белый луч, предавая анафеме даже свои собственные оттенки, от светлых до темных, как еретические. Все же, по мере того, как солнце истины поднимается все выше и выше над горизонтом человеческого восприятия, каждый цветной луч постепенно блекнет, пока не будет вновь полностью поглощен; человечество освободится от проклятия впадения в крайности и

наконец обнаружит, что купается в чистом, неокрашенном солнечном свете вечной истины. Это и будет теософия".

Уход. Великое наследие

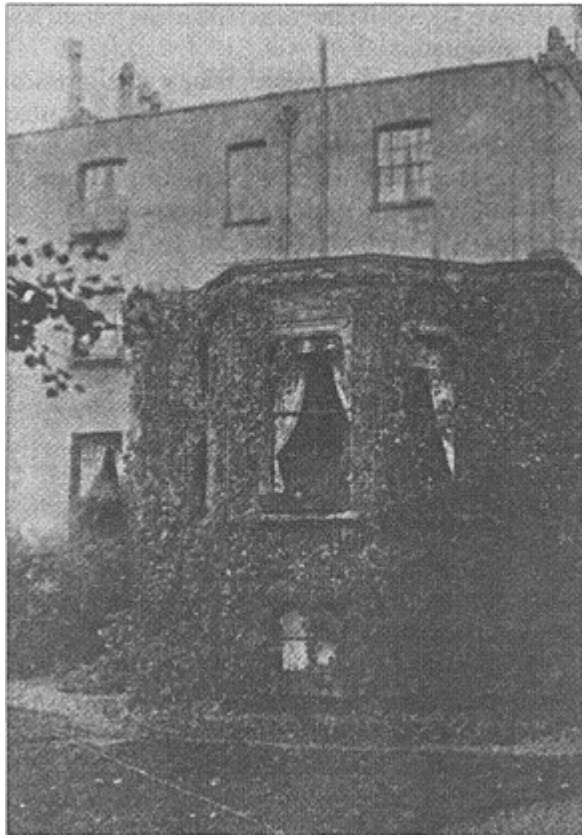
В апреле 1890 года на Авеню-роуд, 19, были сняты три дома, соединенные садом, для новой штаб- квартиры Теософского общества. Туда же и переехала Елена Петровна. Она единодушно была избрана президентом всех теософских лож Европы. В новый центр переселились и многие сотрудники Общества, образовав нечто вроде общины. Последние месяцы жизни Елены Петровны были посвящены написанию статей для журнала "Люцифер", подготовке третьего тома "Тайной Доктрины", "Теософского словаря". Написала она также и несколько первых страниц четвертого тома "Тайной Доктрины". В конце 1890 года Теософское издательское общество в Лондоне опубликовало первую часть "Протоколов Ложи Блаватской", вторая часть вышла в 1891 году. В этих замечательных книгах содержались ответы Елены Петровны на многочисленные вопросы, задаваемые ей учениками относительно трудных для понимания мест в "Тайной Доктрине". Собрания ее ложи продолжались до самой кончины Елены Петровны.

8 мая 1891 года Елены Петровны Блаватской не стало. Она скончалась, находясь за свои рабочим столом в Лондоне, почти без всякой предупреждающей болезни. Тело ее было предано огню, пепел был разделен на три части: одна оставлена в Лондоне, вторая сохраняется в Адъяре, третья была отправлена в Нью-Йорк. День ее ухода отмечается ежегодно теософами всего мира как

"День Белого Лотоса": лотосы в Адъяре цвели в тот год особенно красиво.

Е.П. Блаватская, вдохновляемая и направляемая Учителями, жила и работала для людей и помогала сознанию человечества обрести новую ступень на пути к Единству Мира, принеся с Востока на Запад эзотерические доктрины, истинные сокровища Востока, почитавшиеся в глубокой древности и так необходимые сейчас. Ее творчество вдохновляло и вдохновляет многих, оказывая огромное и благотворное влияние на религиозно-философскую мысль современного мира.

Заключим повествование о жизни и деятельности Елены Петровны Блаватской словами Елены Ивановны Рерих:



Лондон, Авеню-роуд, 19. Дом, где Е.П. Блаватская провела последний год жизни

"Именно Елена Петровна Блаватская была Огненной Посланницей Белого Братства. Именно она была Носительницей доверенного ей Знания. Именно из всех теософов лишь Елена Петровна Блаватская имела счастье получить Учение непосредственно от Великих Учителей в одном из Их Ашрамов в Тибете. Именно она была Великим Духом, принявшим на себя тяжкое Поручение — дать сдвиг сознанию человечества, запутавшегося в мертвых тенетах догм и устремлявшегося в тупик атеизма. Именно только через Елену Петровну Блаватскую можно было приблизиться к Белому Братству, ибо она была Звеном в Иерархической Цепи. Но некоторые из окружавших ее настолько были ниже этого огненного духа и сердца, что в великом самомнении и самообольщении своем полагали достичь Высот, пренебрегая ее началом, и в зависти своей осуждали, клеветали и поносили ее, все им давшую, все им открывшую. Конечно, все эти самообольщенные гордецы ничего не достигли. Ибо закон Иерархии непреложен. (Ни один из окружавших ее не был принят Махатмами в истинные ученики.) Для пользы дел Махатмы

переписывались с некоторыми из них, но ни одного не допустили до ученичества. Е.П. Блаватская была тем Иерархическим Звеном, обойти и пренебречь которое означало осудить себя на полную неудачу. Отсюда и многие заблуждения Олькотта, Безант, Ледбитера и прочих. И теперь, когда последние пребывают в слоях Тонкого Мира, окруженные своими почитателями, но, увы, еще дальше от Твердыни Белого Братства, нежели раньше, и сейчас наша великая соотечественница в своем огненном устремлении, воплотившаяся почти сейчас же после смерти в Венгрии, уже десять лет как прибыла в физическом теле в главную Твердыню и под именем Брата Х. работает на спасение мира. Так действует Космическая Справедливость. Елена Петровна Блаватская была великой мученицей в полном значении этого слова. Зависть, клевета и преследования невежества убили ее, и труд ее остался незаконченным. Последний, заключительный том "Тайной Доктрины" не состоялся. Так люди лишают себя самого Высшего. Я преклоняюсь перед великим духом и огненным сердцем нашей великой соотечественницы и знаю, что в будущей России имя ее будет поставлено на должную высоту почитания. Елена Петровна Блаватская, истинно, наша национальная гордость. Великая Мученица за Свет и Истину.

Вечная Слава ей!"

Елена Петровна Блаватская

Библиография

Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии / Пер. с англ. В 2 т. М., 1994.

Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. Синтез религии, науки и теософии. В 2 т. Рига, 1937.

Блаватская Елена. Заколдованная жизнь (Рассказанная гусиным пером). Повесть-сказка. Л., 1991.

Блаватская Е.П. Ключ к теософии / Пер. с англ. 2-е изд. М., 1993.

Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. М., 1994.

Блаватская Е.П. Загадочные племена на "Голубых горах". М., 1994.

Блаватская Е.П. Письма. М., 1995.

Блаватская Е.П. Теософский словарь. 2-е изд., испр. М., 1994.

Кармические видения. Мистическая проза Е.П. Блаватской, У.К. Джаджа и М. Коллинз. М., 1995.

Блаватская Е.П. Письма А.П. Синнетту. Сборник / Пер. с англ. М., 1996.

Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. Сборник / Пер. с англ. М., 1996.

Блаватская Е.П. Терра инкогнита. Сборник / Пер. с англ. М., 1996.

Блаватская Е.П. Смерть и бессмертие. Сборник / Пер. с англ. М., 1996.

Блаватская Е.П. Письма А.П. Синнетту. М., 1997.

Блаватская Е.П. Гималайские Братья. Сборник / Пер. с англ. М., 1998.

Блаватская Е.П. Эликсир жизни. Сборник / Пер. с англ. М., 1998.

Блаватская Е.П. Наука жизни. Сборник / Пер. с англ. М., 1999.

Блаватская Е.П. Что есть Истина? Сборник / Пер. с англ. М., 1999.

Блаватская Е.П. Космический разум. Сборник / Пер. с англ. М., 2001.

Блаватская Е.П. Голос Безмолвия. М., 2001.

Блаватская Е.П. Жемчужины Востока. Годичный круг ежедневной медитации / Пер. с англ. М., 2001.

Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. Сборник / Пер. с англ. М.,2002.

Березанская Н. Елена Блаватская и ее семья на Украине.

Богданович О. Блаватская и Одесса. Одесса, 1998.

Желиховская В.П. Е.П. Блаватская и современный жрец истины. Ответ г-жи Игрек (В.П. Желиховская) г-ну Всеволоду Соловьеву. СПб., 1893.

Елена Петровна Блаватская. Биографические сведения. Сочинения, вышедшие в Англии. Репринт. Харьков, 1991.

Колдуэлл Д. Оккультный мир Е.П. Блаватской. Сборник / Пер. с англ. М., 1996.

Констанс Вахмейстер. Воспоминания о Е.П. Блаватской и "Тайной Доктрине". Одесса, 2011.

Крэнстон С. Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. 2-е изд. Рига; М., 1999.

Мэрфи Г. Когда приходит рассвет, или Жизнь и труды Елены Петровны Блаватской. 2-е изд. Челябинск, 2002.

Нэф М. Личные мемуары Е.П. Блаватской. М., 1993.

Писарева Е.Ф. Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк. Донецк, 2011.

Письма Махатм. Самара, 1993.

Рерих Е.И. Письма. Т. II (1934). М., 2000.

Сенкевич А.Н. Блаватская. М., 2010.

Синнетт А.П. Оккультный мир /Пер. с англ. М., 2000.